

ПЕТР I

ПРЕДАНИЯ
ЛЕГЕНДЫ, СКАЗКИ
И АНЕКДОТЫ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЦА В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

ПЕТР I

ПРЕДАНИЯ ЛЕГЕНДЫ, СКАЗКИ И АНЕКДОТЫ

СБОРНИК

Составитель Ирина Райкова

Москва
Издательство
имени Сабашниковых
1993

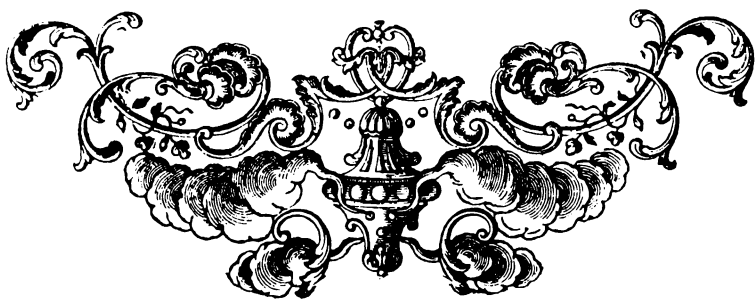
ББК 84Р1

Оформление Елены Шурлаповой

П $\frac{4702010105-005}{Б94(03)-1993}$ КБ—16—106—92

© Издательство имени Сабашниковых, 1993

ISBN 5—8242—0008—4

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящий сборник объединяет фольклорные прозаические произведения нескольких жанров: предания, легенды, бытовые сказки, авантурные сказки и анекдоты. Весь материал связан с именем русского царя Петра Великого. В Приложении публикуется лубочная повесть о Петре и солдате.

Тексты почерпнуты из классических собраний устной народной прозы, редких изданий XIX и XX веков, лучших сборников нашего времени и архива кафедры фольклора МГУ им. М. В. Ломоносова (публикуются впервые).

Материал располагается по разделам, соответствующим тематическим группам. Жанровая принадлежность произведений внутри каждого из разделов различна. Различаются и время записи, и текстологические характеристики: наряду с аутентичными фольклорными текстами (дословно воспроизводящими речь рассказчика) есть пересказы и обработки собирателей и издателей прошлого. Источник каждого произведения, время и место записи, источники его известных вариантов, жанровая и текстологическая характеристики указываются в Комментариях. Для сказок указан и номер по существующим указателям сюжетов.

Важной и специфической особенностью сборника является включение в него нескольких вариантов самых пространственных сказочных сюжетов. Варианты отличаются друг от друга временем и местом записи, деталями сюжета, особенностями стиля и индивидуальной манеры сказочников. Расположенные подряд с соблюдением хронологии,

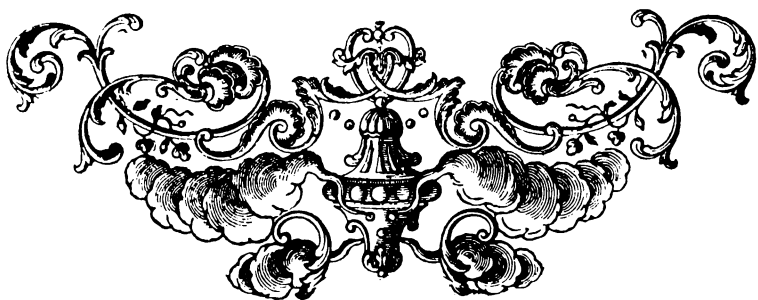
они дают наглядное представление о подлинной жизни фольклора, его эволюции, о многоликости и единстве народной сказки.

Наряду с фольклорными текстами в сборник включены высказывания Петра I, взятые из современных ему и более поздних изданий, выдержки из работ историков.

Тексты воспроизводятся точно и, как правило, полно. При составлении унифицировались только орфография и пунктуация. Самые яркие особенности местных говоров, не препятствующие пониманию, сохранены, сложные слова объясняются в постраничных сносках. Произведениям, не озаглавленным в источниках, даются заглавия.

Сборник рассчитан на всех любителей старины и народного творчества.

ПРЕДИСЛОВИЕ

У каждого народа знания и представления об историческом прошлом сохраняются письменно: в летописях, хрониках, документах, сочинениях авторитетных историков. Эти источники формируют и закрепляют в умах людей чаще всего одну — общепринятую, «официальную» — версию былого, которая и признается большинством людей как непреложная истина. Однако у каждого же народа существует и другая — устная, неписанная — история, хранимая и передаваемая по традиции от поколения к поколению, от дедов к внукам в преданиях, легендах, сказках, анекдотах. В этой истории есть свои герои и злодеи, свои причины и следствия, даже, случается, и хронология своя.

«Сказка!» — скажет иной читатель пренебрежительно, перелистнув страницы нашего сборника. Да, оказывается, история народа оживает и в сказке, таком несерьезном, по мнению многих современных людей, жанре фольклора. Но оживает она в каком-то особенном, преломленном виде. Взгляд людей на свою историю здесь очень избирателен и пристрастен: он проходит мимо крупных исторических событий — и останавливается на мелких, частных. Более того, фольклорный рассказчик додумывает, достраивает, изменяет своей фантазией историю, дополняя её желаемым. Судить о том, насколько достоверна устная историческая проза, чрезвычайно сложно, потому что правда во всех фольклорных рассказах тесно переплетается с вымыслом, который может и не осознаваться самим рассказчиком.

История отражается в зеркале фольклора не прямо и точно, как на фотографии, но как на живописном полотне — сквозь призму оценок, идеалов, вкусов, пристрастий, творческих принципов самого художника.

Все произведения, вошедшие в сборник, объединяет одно — образ Петра I, с именем которого связывается все, что в них происходит. Немногие государственные деятели во всем мире удостоились такого поистине величественного нерукотворного памятника — стать героями фольклора. Устные народные рассказы о Петре I возникали еще при жизни императора, а после его смерти сформировали целый мощный поток. Даже по сей день их можно услышать и записать в разных уголках России, но больше всего — на русском Севере, где каждый камень помнит тяжелый шаг царя.

Почему же именно Петр I? Воображение людей разбудили неординарная, яркая личность и необычный для старого времени образ жизни этого царя, «работника на троне русском», великого и простого, императора «с топором в руках и трубкой в зубах». Благодарность многих поколений людей, добрую память в их сердцах и неугасающий живой интерес вызвали грандиозные дела этого преобразователя России, поднявшего её «на дыбы», дела, значение которых вышло далеко за пределы его эпохи и границы национальной истории. Все это послужило поводом для воплощения в русском фольклоре идеи «справедливого», идеального, то есть мудрого, демократичного и деятельного, царя. Вера в «справедливого» правителя, чрезвычайно живучая во все времена и у всех народов, — одна из разновидностей социально-утопических иллюзий. «Справедливый» царь наряду с «благородными» разбойниками, кладами, землей обетованной, «золотым» веком и т. п. мыслится как возможный способ достижения социальной справедливости, обретения счастья, довольства и покоя в этом мире.

Петр I как герой сказки, легенды, предания и анекдота, безусловно, отличается от своего реального исторического прототипа. Устная история, запечатленная в фольклоре, более добра и романтична, чем история, известная нам по письменным источникам. И образ Петра — идеализированный, цельный, почти лишенный внутренних противоречий.

Это царь-первооткрыватель и преобразователь многих сторон жизни; царь-герой, побеждающий внешних врагов; царь-труженик, многое умеющий делать своими руками, постоянно стремящийся к наукам и ремеслам и требующий того же от окружающих; царь-защитник и большой ценитель ума, находчивости, трудолюбия и здорового оптимизма в людях независимо от их рода и звания; царь, щедрый на награду и скорый на расправу; царь, обладающий необыкновенными свойствами и способный вступать в контакт с природной стихией и сверхъестественными силами.

События, о которых говорится в устной прозе, могут быть только приурочены к имени Петра как к имени очередного лица, отвечающего представлениям о «справедливом» царе. Так, другие герои-правители в мировом фольклоре тоже наказывают море плетью (сожжением), узнают свою судьбу у прорицателя, входят в контакт с природной стихией, убивают своих сыновей и т. п. Это могло случаться уже с персидским царем Ксерксом и Александром Македонским, царицей Тамарой и Карлом Великим, Фридрихом II и Иваном Грозным.

Некоторые сказочные сюжеты, вошедшие в наш сборник, являются «бродячими», то есть международными, переходящими из одного национального фольклора в другой. Это сюжеты «Царь и солдат в лесу» (см. №№ 54—56), «Беспечальный монастырь» (№№ 99—104), «Умные ответы» (№№ 96—98), «Царь и вор» (№№ 78—81), «Чья жена лучше» (№ 84) и другие. Эти сказки традиционны еще и потому, что каждая из них входит в более широкий тематический круг сказочных «бродячих» сюжетов. Так, истории о разрешении трудных задач и мудрых отгадках были излюбленными в средневековых сказках и песнях разных народов. Испытание загадками из волшебной сказки (где оно является условием женитьбы героя) через бытовую пришло в современный анекдот и легко связывается с любым новым содержанием.

Итак, в сборнике вы найдете самые разнообразные произведения: короткие и длинные, незатейливые и хитроумные, смешные и жутковатые, слезливые и поучительные. В них действует множество персонажей, имеющих исторические прототипы и вымышленных, начиная от Карла XII, Меншикова и царевича Алексея и кончая безымянными

солдатами, крестьянами, монахами и «пьяницами трактиров и кабаков». Действие происходит в разных уголках страны и за рубежом, в столичных городах (даже «в Ленинграде») и маленьких деревушках. Каждое произведение несет на себе печать яркой индивидуальности его рассказчика, что не противоречит традиционности сюжета, образов, стиля. Не всякий человек может стать хорошим исполнителем исторической прозы. Для этого нужно особое умение сопереживать своим героям, отдаленным от тебя во времени, примерять события прошлого к современности, извлекая из них уроки, наконец, верить в то, о чем рассказываешь, чтобы увлечь слушателя, заставить и его верить, что это не пустая байка.

Читатель нашего сборника имеет редкую возможность сравнить, как разные люди (более того, в разное время и в разных местностях) рассказывают один и тот же сюжет. Для этого мы помещаем варианты некоторых самых распространенных сказок. Только прочитав несколько вариантов подряд, можно по-настоящему почувствовать, как живет фольклорное произведение, не имеющее устойчивого текста, как высокое искусство рождается прямо-таки у нас на глазах, из обыкновенной будничной беседы.

В том, что эти произведения существуют и дошли до читателя, огромная заслуга их собирателей. В прошлом и нынешнем веке энтузиасты, влюбленные в свое дело и не боящиеся трудностей, отправлялись и отправляются за тридевять земель в поисках бесценных, но очень хрупких сокровищ — произведений фольклора. С собой они берут только тетрадь, ручку (в нашем веке — и магнитофон) и открытое сердце, да еще твердую уверенность в том, что если именно они и именно сейчас не разыщут знатока народного творчества, не запишут от него все, что он помнит и чем дорожит, то пусть земля и не рухнет, но прервется духовная связь поколений, обеднеет национальное самосознание, люди забудут, кто они, откуда и зачем пришли на эту землю.

Читатель встретит в нашем сборнике и произведения, дошедшие до нас в пересказах и обработке знаменитых собирателей прошлого (И. Голикова, Е. Барсова, П. Минорского, В. Майнова и др.), и точные (воспроизведенные с магнитофонной записи) тексты, собранные такими опытными собирателями современности, как В. Бахтин,

Им. Молдавский, В. Евсеев, Н. Криничная, Э. Померанцева, В. Пулькин и многие другие. Без самоотверженного труда этих людей наше национальное богатство могло бы быть просто утеряно. Но этого, к счастью, не произошло. Так в добрый путь, читатель, давай вместе заглянем в одну из интереснейших страниц нашей истории и увидим ее глазами нескольких поколений наших предков.

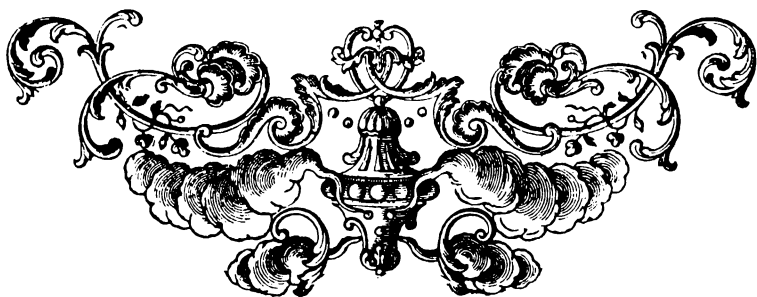

ПО СЛОВАМ ПЕТРА
И НАЗЫВАЕТСЯ...

I

РАЗДЕЛ

«Петр был гостем у себя дома. Он вырос и возмужал на дороге и на работе под открытым небом. Лет под 50, удосужившись оглянуться на свою прошлую жизнь, он увидел бы, что он вечно куда-нибудь едет. В продолжение своего царствования он исколесил широкую Русь из конца в конец, от Архангельска и Невы до Прута, Азова, Астрахани и Дербента. Многолетнее безустанное движение развило в нем подвижность, потребность в постоянной перемене мест, в быстрой смене впечатлений. Торопливость стала его привычкой. Он вечно и во всем спешил. Его обычная походка, особенно при понятном размере его шага, была такова, что спутник с трудом попевал за ним вприпрыжку».

В. О. Ключевский. «Петр Великий, его наружность, привычки, образ жизни и мыслей, характер»

«Петр прожил свой век в постоянной и напряженной физической деятельности, вечно вращаясь в потоке внешних впечатлений, и потому развил в себе внешнюю восприимчивость, удивительную наблюдательность...

I

КАК ПЕТР ПЕРВЫЙ ЛАДОГУ НАКАЗАЛ

Из Питера поехал Петр Первый по Неве и по Ладожскому озеру; вдруг поднялась буря, погода непомерная, насилиу доплыли к Сторожевому носу (где маяк Сторожевский). Вышел царь на берег, кружит его — укачало сине море.

— Ай же ты, мать-сыра земля,— закричал царь,— не колыбайся, не смотри на глупо на Ладожское озеро.

Того часу приказал подать кнут и порешил наказать

сердитое море. Место, где изволил наказать своими царскими руками, звали Сухая луда *, а с тех пор называется Царская луда. После того Ладожское озеро стало смиреннее и тишину имеет, как и прочие озера: это в виду у нас, мы сами там ездили и рыбу ловили.

ЛИСЬЯ ГОЛОВА

2

Дело тут не простое... В старинные годы в том месте, сказывают, был царь Петр... так от него дело пошло... Ехал по Свири Петр этот на судах,— только суда были большие,— и доехал он до порога Лисьей Головки, а тут были уж лошади приготовлены для тяги. Потянули первое судно, а оно на камень, да только как дело против воды было, то вреду не сделало. Тут доложили царю, что кабы не камень, то простору бы больше было и ход бы чистый был. Его царская милость сам смотрел камень и задумал поднять и отвалить в сторону.

С помощью немногосложных инструментов и снастей, какие находились под руками, под личным наблюдением царя сделаны были под камень закладки, и он был поднят из воды; оставалось подложить подкладки, и камень был бы на помостах; но дело все испортил один старик, крестьянин из деревни Важины, которому велено было подложить балки под камень, когда он будет на виду: старик оплошал, и камень, сорвавшись с веревок и цепей, юркнул в воду.

Император, от глаз которого не укрывалось никакое дело, заметил оплошность старика и в справедливом гневе изволил обозвать его из царских уст Лысой головой.

С той-то поры и мужика звали Лысой головой, да и порог стали называть Лысой Головой, а что теперь-то зовут Лисьей Головой — так это уж по забывтю народ переменил.

БЕСЕДНАЯ ГОРА

3

Петр Первый имел проезд при деревне Шестовой, ехал он в Архангельск; почтовая дорога тут пролегалась и теперь виднеется. Крестьяне из околных мест собрались во множестве, видимо-невидимо на горе — верста будет от

деревни; день был гулярный *. Наместный староста с выборными навстречу вышли с хлебом-солью, как водится, по русскому обычаю. Выступил Петр Первый из коляски; росту он был высокого, ученья великого; хлеб-соль принял и с крестьянами разговор держит:

— Каково вы, крестьяна, проживаете и какой же у вас промысел есть?

Тут крестьяне пословечно стали ему высказывать...

(Далее предание повествует о том, как крестьяне предложили Петру создать Мариинскую водную систему — соединить Ковжу с Вытегрою, чтобы им не возить хлеб гужем.— *Сост.*)

Придумался Петр Первый, головой потряхивает и видит: живут тут люди не слепцы, не по канату ходят, народ сметливый, работный. Заложил себе это слово на ум и поехал далее. С тех пор эта гора зовется Беседная гора...

В начале нынешнего столетия еще жив был 115-летний старик Пахом, который был непосредственным свидетелем того, как Петр I, скоро после этой беседы, хлопотал уже о соединении этих вод. Седой, как лунь, этот старик подробно рассказывал, как царь, в течение десяти дней, бродил по лесам и болотам и осматривал те места, где предполагалось соединить Ковжу с Вытегрою. «А батюшка-государь,— говорил Пахом,— был роста высокого, всех людей выше целою головою. Он часто встряхивал своими черными волосами, а пуще когда бывал в раздумье. Надежда-государь не гнушался нашего житья-бытья; кушивал нашу хлеб-соль и пожаловал отцу моему серебряный полтинник».

4

ВАЖНАЯ СОЛОМА

В Архангельской губернии есть селение Важмосолма. Ехал государь в Архангельск, к этой деревне подъезжает и видит: жнут девки и бабы в баше-красе — что твой маков цвет, и песни поют — что твой соловей заливается. Загорелась душа у царя Петра I, заискрились очи ясные, сколыхалась грудь его белая, закипела утроба богатырская. «Стойте,— говорит он. С коня слез.— Здесь пир устрою,— говорит,— на весь мир». Велел он тут из снопов столы делать и скамейки, и кушанья варить, и вино курить. Рассадил по местам, кому где быть надлежит: баб с мужиками,

а девок с молодыми парнями. И давай угощать! Петр Великий все хохотал, а девушки и бабы ему песни пели. Одна песня в особе ему прилюбилась: как споют ее, еще, скажет, девоньки, спойте. Девки пели:

Собирались бояре на совет,
Собирались думу думать государеву:
Время тяжкое подходит,
Хочет турка воевать...

Слышит он ее и голову свою наклоняет и думает, а парни и девки развеселились, не дают ему думу думать. Снопы разбросали и стали различные игры водить и плясать в размашистую. «Вот так важная солома!» — сказал будто бы Петр I. И с этих-то слов государевых стали будто бы звать это место Важмосолма.

ПОДАРОК ПЕТРА ВЕЛИКОГО

5

В последнее пребывание, весной 1724 года, на Олонецких марциальных водах государь получил какое-то важное известие, которое требовало немедленного присутствия его в Санкт-Петербурге. Государь недолго собирался в путь, тем более что намерен был сряду же возвратиться на воды для лечения. Приказал подавать лошадей.

Надобно заметить, что во всех отъездах государя с марциальных вод ему поставлял отличных лошадей крестьянин деревни Кончезеро Иван Федоров — человек зажиточный, ловкий и вполне искусный кучер.

Лошади были готовы. Государь, сядя в экипаж, изволил заметить кучеру Федорову, что ехать нужно поскорее. Станция была немалая — 35 верст, на трех лошадях и по дороге неважной. Федоров вполне уверил государя.

Лошади тронулись, и экипаж поехал вдаль. Проехавши верст 15, одна из пристяжных стала останавливаться. Ямщик, не задумываясь, спрыгнул с экипажа, отложил ее и оставил тут же, на дороге, а сам за вожжи — и вперед. Оставалось шесть верст до Шуи.

Поднялись лишь на гору, у самого берега озера Укшезера — и другая пристяжная стала, нейдет и только. Делать нечего, ямщик должен был так же поступить, как и с первой.

Государь серьезно сказал Федорову:

— Не довезти тебе.

— Нет, ваше царское величество, довезу, эта лошадь стоит десяти тех.

И в самом деле, Федоров обнадежил не напрасно: он знал своего испытанного коня, да и вся дорога впереди покатистая, под гору. Лишь только взялся за вожжи, конь с бешенством, как вихрь, понесся по дороге, и в несколько минут экипаж остановился в Шуе, у перевоза.

Государь, видимо, был доволен такой находчивостью и решительностью своего ямщика: вышел из экипажа, снял с себя спальный или рабочий, вышитый серебром колпак и, надевая на голову Федорова, сказал:

— Вот тебе подарок, приеду — награжу.

Не знал Федоров, что с ним делается: и подарок царский, и страх, и удивление...

Государь отправился вперед. Федоров же с тех пор стал прозываться Колпаков, и фамилия эта доселе принадлежит его потомству.

6

ДЕДНОВЦЫ

Есть народное предание, что дедновцы (жители села Дедново Рязанской губернии) отправили своего старосту с выборными людьми от всего мира встретить Петра Великого с хлебом и солью. Государь, принимая от них приношение, спросил старосту об имени. Староста огласил себя Макаром. Государь сказал: «Хорошо». Потом спросил и других об имени. Дедновцы вообразили, что имя старосты их понравилось царю, и все до единого назвались Макарами. Государь, смеясь, сказал: «Будьте же вы все Макарами». С тех пор дедновцы сльвут Макарами.

7

НА ПУТИ К АРХАНГЕЛЬСКУ

Путешествуя к Архангельску, Петр посетил Топецкое село Архангельской губернии, и, выходя из карбаса на илистый берег села, он с трудом мог идти по нем, сказавши при этом: «Какой же здесь ил!» И с той поры место это и поныне не называется иначе как Ил.

Придя в село, государь вошел в дом крестьянина Юринского и у него обедал, хотя обеденный стол был приготовлен для Петра в другом доме. Сей крестьянин, когда Петр выходил из карбаса на берег, случайно рубил на берегу дрова и, таким образом, первый поздравил государя с благополучным прибытием. Посему-то Юринский и был отличен перед прочими односельчанами. На память посещения своего государь пожаловал ему две чарки серебряные и таковой же именной перстень да несколько тарелок. Сверх того Петр дарил Степану Юринскому столько земли, сколько он видит, но благоразумный Юринский довольствовался пятьюдесятью десятинами.

ВЫТЕГОРЫ — ВОРЫ

8

Существует пословица, распространенная по всей России: «Вытегоры — воры, у Петра Великого камзол украли». Сохранился рассказ о самом факте, который послужил поводом к ней.

Была стоянка в Вытегорском погосте; лошадей меняли. Петр I ходил на Вянгинскую пристань; оборотя, пришел в избу, начал собираться в дорогу и хотел надевать свой камзол. Вдруг выступил вперед Гриша-простец, тамошний-житель. За святого его почитали: рубил он правду и злых людей краснеть заставлял. Пал этот Гриша в ноги Петру I и говорит:

— Надежа-царь-государь! Не прикажи казнить, прикажи слово вымолвить.

— Говори, что тебе надо,— изрек царь.

— Дай-ко ты нам, надежа-государь, этот камзол, что по плечам откидываешь,— сказал Гриша.

— А куда ты кладешь мой камзол? — спросил Петр I.

Тут Гриша-простец возотвествовал:

— Себе, надежа-государь, и тем, кто умнее и добрее,— на шапки, а шапки мы не токмо детям, а и правнукам запасем, на память твоей к нам, царя-батюшки, милости.

Прилюбилось Петру I это Гришино слово, и он подал ему свой камзол.

— Добро,— сказал,— вот тебе, Гриша, камзол, да смотри, не поминай меня лихом.

Взяли вытегоры этот камзол и пошили себе на шапки. Завидно стало жителям соседним и стали они говорить, что «вы-де камзол украли». И пронеслось это слово в Москву, а из Москвы во все города, и с тех пор стали звать Вытегор «Камзолниками»: «Вытегоры-де воры, у Петра Великого камзол украли».

9

ОСТРОВ ВОРОТНЫЙ

В городе Повенец на Онежском озере стоит ветхая, убогинькая церковь во имя апостолов Петра и Павла, построенная еще Петром Великим. Перед городом, саженьях в ста, виднеется плоский островок Воротный, который занят теперь лесною биржей. Славится он тем, что от него должен был повернуть обратно Петр, когда хотел, несмотря на бурю, пуститься по озеру.

Дело в том, что едва только вы явитесь в Повенец, как вам не преминут рассказать, что Петр хотел оставить Повенец как раз в день памяти апостолов Петра и Павла, 29 июня. Все было готово к путешествию, как вдруг поднялась буря страшная, да такая, что царя стали все отговаривать от поездки. Но не таков был Петр, чтобы обращать внимание на бури и тому подобные задержки, когда в виду у него какое-нибудь дело. Петр сел и отправился в озеро, но противный ветер решительно не давал возможности идти судну. Нечего делать, вернулся Петр назад в Повенец и заявил во всеуслышанье, что, видно, повенецкий Петр (церковь Петра и Павла.— *Сост.*) сильнее московского Петра.

Всякий мальчуган знает этот рассказ в Повенец и с необыкновенной гордостью сообщает его всем и каждому.

10

ПЕТРОВА КАРА

От нас Петрова кара километров за двадцать. Сама она что представляет? Залив на Ладожском озере как с северной, так и с полуденной стороны защищается каменистыми носками. Глубину имеет полтора-два метра, где в бурное время на небольших лодках можно найти спасение.

Почему называется Петрова кара? Это не только па-

наша, но и дедушка так говорил. Она называется потому, что, когда проезжал царь Петр I на лодочке по Ладожскому озеру, его застигла буря и он наказал плетью это озеро за то, что оно шибко бурливое.

ТРАВНОЕ ОЗЕРО

II

Бывает и не будет дождя. Если нанесут тучу на Травное озеро, то и разобьет. Такое чудесное озеро — не то чтоб очень великое, и все зеленое, как трава. Как туча до него дойдет — и всю разобьет, и воду всю выпьет.

Писатель был Ломоносов (может быть, слышали?) — так мальчиком все туда бегал и наблюдение делал. А потом ушел жить в Москву, так доложил царю Петру Первому: «Как будете в Архангельске, съездите на Травное озеро». Ну, царь сам, конечно, не поехал, послал офицеров. Ну, дорога плохая была, трудная, они в трактире просидели, а воды из Двины набрали да царю и представили. Царь дал анализ делать — вода как вода. Говорят, он на Ломоносова-то рассерчал: «Ты что, меня за нос водить вздумал?» А тот, говорят, обиделся: «Я знаю, озеро наше особенное, Травное, и вода в нем особая, а эта вода — речная». Ну, царь тех офицеров казнил и велел самому Ломоносову ехать... Да только не пришлось — то недосуг, а то царь помер — так и забылось. А сейчас бы надо вспомнить да на исследование взять.

ОХ, КАК ОБРЕЗАЛ!

12

Знаете фамилию такую — Обрезковы? Так она Петром I была дана. Петр, он когда со шведами воевал, часто ездил в наши места к одному старику советоваться. А у старика было три сына. Старший сын солдатом уже был, у Петра служил, а другие два — еще нет. Вот Петр один раз и говорит среднему-то сыну: «Иди и ты ко мне на службу». А тот ему: «Ох, ты меня как обрезал! Я-то жениться собирался, а ты на службу зовешь». Вот Петр и дал ему фамилию Обрезков. А младшему — Николаев (старика-то Николаем звали), а старшему, что у него давно служил, — Петров.

Есть на Северной Двине, близ Холмогор, Ухостров. Назван он в честь Петра I. Как в первый раз он ехал, этот остров ему очень понравился. Доехал он до этого места и ухнул: «Ух! — говорит, — какой остров!..»

Петр I приезжал сюда на Двину. В Брин-Наволоке есть царская пристань. Приезжал на коляске-тарантасе, в грязи застрял. Ну, мужички набежали, вытянули. Он их и похвалил: «Хоробрые вы мужички!» Отсюда и пошло название Хоробрицы.

Мосеев остров есть около Архангельска. Петр I как будто приехал туда, встал и сказал: «Мой сей остров!» Поэтому так и называется.

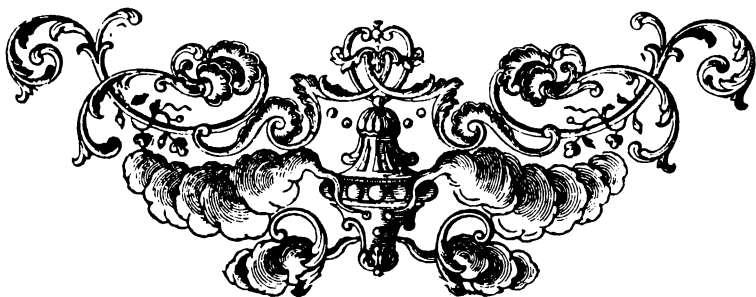

СИЯ БАТАЛИЯ-
СЧАСТЬЕ НАШЕ

II

РАЗДЕЛ

ПЕТР ПЕРВЫЙ НА ВОЙНЕ

Я Штелин
«Подлинные
анекдоты о Пе-
тре Великом»

«Гоняйтесь за дикими зверями, сколько вам угодно; эта забава не для меня. Я должен вне государства гоняться за отважным неприятелем, а в государстве моем укрощать диких и упорных преданных».

«Ради благополучия государства я, вы и солдаты жизни не щадили. Лучшие смерть, нежели позор!.. Десница Вышнего сохранила меня, чтоб спасти Россию и усмирить гордость брата Карла. Сия баталия — счастье наше; она решила судьбу обоих государств».

«Правда, крепость делает неприятелю отпор, однако у европейцев ненадолго. Победу решит военное искусство и храбрость полководцев и неустрашимость солдат. Грудь их — защита и крепость отечеству. Сидеть за стеною удобно против азиатцев».

Рассказы На-
ртова о Петре
Великом

16

ВОЙНЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО СО ШВЕДАМИ

Однажды Петр Великий поехал воевать со шведом и патриарху велел служить наскоро, а тот развел обедню надолго. Горячен был Петр I; не мог вытерпеть, что растянул патриарх службу долгую, не выждал конца и уехал в поход под шведа. И тот поход был ему несчастливый: под Нарвой попался он в обток и сам едва спасся.

Приехал он домой с горячностью и хотел патриарху своими царскими руками голову срубить. Патриарх, в ус-

мирение его, встретил его во всем облачении и с крестом в руках. Петр I к кресту приложился, закручинился и говорит патриарху:

— Ах, старец, сгубил ты меня.

Тогда старец ему в ответ:

— Царю! Почто ты не дождался окончания литургии и молебна; я бы,— говорит,— дал тебе мир и благословение, и был бы поход твой счастливый и благополучный.

И говорит Петр I:

— Да как же нам теперь будет Россию спасать?.. Нет у нас орудий, ни меди нету, ни пушек.

Тут патриарх на это слово:

— Не печалься,— говорит царю,— это еще не беда, что пушки у нас отняты: с каждой колокольни можно снять по колоколу и отлить орудия. Затем отслужим молебен, и я дам тебе мир и благословение, и Господь пособит тебе покорить шведов.

Так и было сделано. Как патриарх отпустил его с благословением, тогда он победил шведа и разбил Карлу; Карло не знал, куды деться, и убежал в Англию. И пишет туда Петр I: «Выслать оттуда Карлу!» Как стали его оттуда посылать, вынуждать к езде, он трех человек своими руками убил. Дело дошло до Петра I. Услыхал он это, усмехнулся и руками всплеснул:

— Ах, Карло, Карло,— говорит,— где ни ходит, а везде воюет.

Карло был широкий, росту среднего, плечистый, настоящий был воин, да на воина попал; Петр I ему не уступал.

ПЕТР I ПРИНИМАЕТ СОВЕТ ПУШЕЧНОГО МАСТЕРА

17

Из истории монаршей видим мы, что великий сей государь получил в Новгороде известие о совершенном поражении войск своих под Нарвою, в первую осаду города сего, и что вся артиллерия и денежная казна достались неприятелю. И хотя с героическим равнодушием принял он сию печальную весть, но должно было, однако же, в самой скорости иметь ему новую артиллерию; меди же, из коей

вылить оную надлежало, не было, и достать из других государств так скоро ее было нельзя.

В самое то время видит он расхаживающего взад и вперед против окошка своего в размышлении одного худо одетого человека и повелевает спросить его, чего он хочет. Сей отвечает, что он пришел помочь горю государеву. Монарх повелевает представить его себе и спрашивает, какое имеет он до него дело.

— Прикажите, Всемиловейший Государь, прежде поднести мне чарку вина: умираю с похмеля, а денег нет ни полушки.

Из таковой смелости заключает монарх, что он нечто дельное представить ему хочет, и повелевает поднести ему добрую чарку.

— Говори же,— продолжает государь.

— Ваше величество думает теперь о потере артиллерии и где взять меди на вылитие новой, не правда ли?

— Ну говори же, что далее? — сказал монарх.

— Прикажите, Ваше величество, подать другую чарку вина, истинно не охмелился одною.

Сколь ни должна быть досадна таковая наглость, но содержание начатой речи было довольно важно, чтоб дослушать оную. Повелевает подать ему другую чарку.

— Теперь доволен. Меди, государь, у тебя много: сколько излишних и ненужных при церквах колоколов? Что мешаешь тебе взять целую половину оных и употребить на вылитие стольких пушек, сколько тебе угодно? Нужда государственная важнее, нежели многие колокола. А после, как, Бог даст, одолеешь своего противника, то из его же пушек наделать можно колоколов сколько хочешь. К тому же,— заключил он,— есть из них много разбитых и без употребления.

Монарх, выслушавши сие, улыбнувшись, произнес: «Камень, его же небреготы зиждущий, той бысть во главу угла». Какое награждение учинил государь сему пьяному, неизвестно; а известно только то, что по сему совету было поступлено, и в ту же еще зиму вылита из некоторой части колоколов великая артиллерия. Пьяный сей был пушечный мастер, и один престарелый пушкарь, знакомец его и бывший того очевидцем, передал нам сие.

Петр I, нередко бывая в Архангельске, заезжал и на Соловки.

Раз, живя здесь, государь задумал снять самые большие монастырские колокола, чтобы отлить из них пушки. Монахи стали умолять государя отменить это решение и оставить на монастырской колокольне прежнее число колоколов.

— А зачем вам колокола? — спросил государь.

— Созывать народ к богослужению, — отвечали монахи.

— Ничего, — отозвался царь Петр, — если от вас народ не услышит звона, так пойдет в другие церкви. Разве это не все равно?

Но монахи не отставали от царя и ссылались на то, что с отобранием монастырских колоколов умалится слава святых соловецких угодников.

Государь ничего им не ответил на это, а только приказал всем монахам, вместе с игуменом монастыря, сесть на катер и ехать на дальний остров архипелага и там слушать во все уши, что будет, а сам велел три раза перезванивать в монастырские колокола, а потом три раза палить из пушки. Через несколько времени венулись монахи.

— Ну, что же вы слышали, святые отцы? — спросил царь возвратившихся монахов.

— Мы слышали, — отвечали они царю, — точно будто из пушек палили.

— Ну, вот то-то и есть, — заметил царь, — колоколов ваших вы не слышали, а пушки славу мою до вас донесли! Так уж лучше давайте мне ваши колокола; я их на пушки перелю, а пушки эти славу святых угодников соловецких распространят до самого Стекольного города.

Волей-неволей монахи согласились на предложение царя и отдали ему лучшие монастырские колокола.

Так и перелил царь Петр Алексеевич монастырские колокола на пушки.

Когда Петр со своим войском пришел по Ладожскому озеру к городу Сортавала, то он стал стрелять по крепости. Стрелял, стрелял, но никто не выходит из крепости, не сдается она.

Но вот поднялась на высокое место женщина, одета она была так: спереди на ней было шелковое платье, а сзади — рогожа. Показалась эта женщина на крепостной стене. Царь Петр догадался, что крепость надо брать сзади, что там нет стены. Так и попал царь Петр в крепость.

ВСТРЕЧА ПЕТРА ПЕРВОГО СО ШВЕДСКИМ КОРОЛЕМ НА ЛАДОЖСКОМ ОЗЕРЕ

Досюль,— еще нас на свете не было,
Да и деды дедов наших не были, да на свете не жили,
А и народа-то на земле было малость-мальская,—
Цари в ту пору делили меж собой свои владения.

В ту-то пору давнюю
Наше место * не заведомо ** было ни царем, ни боярином,
Ни лихим человеком удалым.
А в лесу зверя развелось:
Что ни куст — лисица с куницею,
Что ни пень — медведь с волчищем,
А и рыбы наплодилось —
Хошь рукой имай аль карцом *** черпай.

Полюбилось то наше место привольное царю
свейскому ****.

А и Петр — русский царь заприметил,
Что ручьи у нас глубокие,
Реки долгие, широкие,
А морям и нет конца.

место *ме-*
ста при устье
Свири.
не заведомо
не занято.
карцом
вином.
свейскому
дскому.

Снарядился сам на поиски
На своей лодке крашеной,
Серебром пораскладенной,
Золотым рулем приправленной,
Со боярами да вельможами.

А свейский-то царь заспесивился —
Не поехал сам, послал начальников:

В полон забрать ему воду с рыбою,
И леса со зверем всяким,
Чтоб владеть ему повеки.
Едет-катит Петр-царь на поиски
По морю Ладожскому
Со боярами да с велможами.
А и сам сидит во корме,
Золотым рулем поворачивает,
А стречу ему как раз и есть супостат,
В лодках писанных,
С шелковой покрышкой алою.

Не ясен сокол налетел на лебедь белую,
Не лебедь смутил воду синюю:
То летят, воду рябят лодки свейские
На цареву лодку крепкую,
С шумом, свистом порываючись.
В мелки щепки искрошить хотят
Цареву лодку дубовую.

Не стерпел тут русский царь, понасупился,
Очи ясные порассветились,
И румянец стал во всю щеку.
А и крикнет он бар-вельможам своим:
— Поубавим, что ль, спеси у свейского царя?
Силой ли сгубить их
Аль пустить с белым валом пучинистым?

Промолвили тут бояре:
— А и что, царь, брать греха на душу,
Хоть и некрещеную, а человеческую?
А и пусть они умрут от ветра-сивера
Да валов рассыпчатых.

Лишь промолвили бояре,
Как тутотка взял царь —
Отвязал от ремня золотой рожок,
Протрубил на все стороны громким голосом...
Разносился голос по морям далеким,
По водам темным.

Становилась вдруг темень Божия,
Собирались ветры в тучу густую,
Расходились воды ярые —
Вал вала подталкивает,
Гребни-ветры им подтягивают.

Налетел ветер,

Посыпал покровы алые,
Побросал платье по морю,
А тут нагнала их вода ярая —
Вал живой горой идет-тянется,
Белым гребнем отливается.

Подошел тут первый вал,
Приподнял стоймя лодки свейские,
А второй вал понакренил их,
А и третий — уж как тут и был —
Захлестнул навек начальников.
Расступилась вода надвое,
Ушли камнем в топь глубокую
Души грешные, некрещенные.

С той поры давней на Ладожском
По каждый год на том месте
Тонет человек — душа крещеная:
Собирают то силу утопшие
На войну с Петром-царем.

21

ПЕТР I В ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОМ МОНАСТЫРЕ

Когда Петр I воевал со шведом, под Полтавой когда был бой, поехал он с Москвы под Полтаву. Заехал по пути в Троице-Сергиевский монастырь к настоятелю под благословление. А ведь царь приехал, так сперва надо чайку попить, угостить царя игумену. Вот сидят они с игуменом за столом, ожидают, когда служба им соберет на стол. А в которой комнате они сидели, были половики постланы или ковры, как там, и вот служба несет противень с чаем. Два стакана с чаем и водка, конечно, на подносе. Как он замешался в этих половиках да упал с подносом. Но не растерялся служба, а показывает на эти черепья и говорит:

— Так вот, императорское величество, сокрушите супостата.

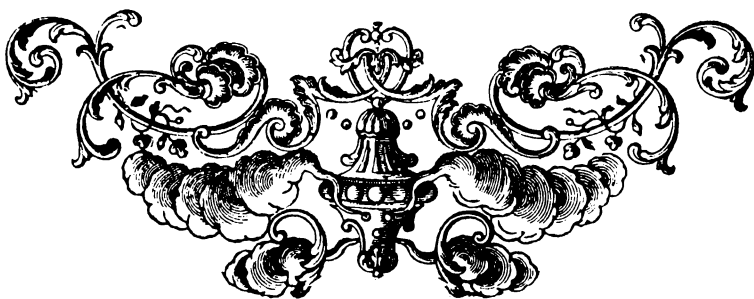
Потом Петр I не забыл этого службу, и когда он разбил шведа под Полтавой наголову, и вот он возвратился обратно и этого службу с простых монахов сразу возвратил в архимандриты.

НЕ БЫЛО БЫ
ЛАПОТНИКА...

III

РАЗДЕЛ

ПЕТР ПЕРВЫЙ И КРЕСТЬЯНЕ, МАСТЕРОВЫЕ ЛЮДИ; ПЕТР-РАБОТНИК

Рассказы На-
ртова о Петре
Великом

*«Врачую тело свое водами, а подданных — примерами;
и в том и в другом исцеление вижу медленное; все
решит время; на Бога полагаю надежду».*

Слова Петра I
И. И. Неплю-

*«Видишь, братец, я и царь, да у меня на руках мозоли;
а все оттого — показать вам пример и хотя бы под
старость видеть мне достойных помощников и слуг
отечеству».*

*«Если Петр не спал, не ехал, не пировал или не
осматривал чего-нибудь, он непременно что-нибудь
строил. Руки его были вечно в работе, и с них не сходили
мозоли. За ручной труд он брался при всяком представ-
лявшемся ему случае. В молодости, когда он еще много-
го не знал, осматривая фабрику или завод, он постоянно
хватался за наблюдаемое дело. Ему трудно было оста-
ваться простым зрителем чужой работы, особенно для
него новой: рука инстинктивно просилась за инстру-
мент; ему все хотелось сработать самому... С летами
он приобрел необъятную массу технических познаний.
Уже в первую заграничную его поездку немецкие принце-
сы из разговора с ним вывели заключение, что он
в совершенстве знал до 14 ремесел. Впоследствии он был
как дома в любой мастерской, на какой угодно фабрике.
По смерти его чуть не везде, где он бывал, рассеяны*

были вещицы его собственного изделия, шлюпки, стулья, посуда, табакерки и т. п. Дивиться можно, откуда только брался у него досуг на все эти безделки».

В. О. Ключевский. «Петр Великий, его ружность, привычки, образ жизни и мысли, характер»

КАК КУЧЕР ПЕТР СТАЛ ЦАРЕМ

22

До Петра Великого в России не было царей. Долго жили русские, не имея у себя царя. Петр Великий сделался первым царем. Вот как это произошло. Вначале он был кучером и прозывался просто «кучер Петр». Он был умным, религиозным, честным и трудолюбивым человеком. Все, знавшие его, обращались к нему за добрым советом, а он каждому помогал в беде и несчастьях. Кучеру Петру первому пришло на мысль, подать голос и посоветовать своим согражданам избрать, по примеру других, царя. Все согласились на это доброе, разумное предложение. Но вот беда: кого избрать царем? Долго думали русские об этом и, наконец, отличаясь религиозностью, решились прибегнуть к помощи Божьей.

Решено было, чтобы в соборе, в подсвечнике перед образом, поставлена была свеча и чтобы каждый приходил в собор, молился перед образом и свечой, и если свеча загорится сама у кого-либо, то быть тому царем.

В назначенный день народ со всех сторон стал собираться в собор. Первыми приходили и молились вельможи. Подходило к образу и молилось множество простого народу, но свеча ни у кого не загоралась. Наконец в числе простых своих сограждан вошел в собор кучер Петр. Помолившись у дверей и поклонившись на все четыре стороны, Петр подошел к образу, перед которым стоял известный подсвечник со свечой, пал на колени и стал горячо молиться.

Вдруг во время молитвы, когда взоры всех были обращены на подсвечник, свеча загорелась. Вельможи, бывшие в соборе, были очень поражены этим и, не поверив этому чудесному явлению, выпавшему на долю простого бедного кучера, прогнали Петра.

На следующий день еще больше приходило народу в собор, но увы! Свеча ни у кого не загоралась. Тогда

вельможи согласились опять призвать кучера Петра, чтобы он помолился, не загорится ли свеча у него во второй, в третий раз. На третий день, когда призвали Петра, он, как и в первый раз, помолившись, подошел к подсвечнику, стал на колени, и свеча загорелась. Потушили свечу; Петр опять помолился, и свеча загорелась в третий раз.

Тогда вельможи и народ, бывший в соборе, явно увидели в этом десницу и помощь Божию и решили избрать царем кучера Петра. Так был избран, указанный самим Богом, первый русский царь — Петр Великий.

23

МАКОВКА ИЗ КОРНЕЙ

Перед тем как заводить порядки на Олонце, он (Петр Первый) долго смотрел на небо и после взял за макушку молодую сосну, в толщину оглобли, в рост человека, вырвал ее из земли и посадил опять в землю торчмя головою, вверх корнем. «Коли сосна приживется, дело удастся!» Поглядели люди: корни стали маковой, и дело пошло как по маслу!

24

ПЕТР ПЕРВЫЙ НА ПЕТРОВСКОМ ЗАВОДЕ

Часто ездил в нашу лесную сторону Петр I. Где нунько Петрозаводск, тут стояла только мельница с избой. Приехал Петр I и поставил тут завод чугунный, церковь во имя Петра и Павла и сад насадил. Придет, скажут, в завод и своими царскими руками крицы * дует, а бояре уголья носят. В молотобойню завернет, и молот в руки и железо кует, и это железо в Питере, скажут, у какого-то барина до теперь хранится. Вот оно царь так царь: даром хлеба не ел, лучше бурлака работал.

*крицы
желе-
заваренного
из чугуна же-*

25

ФАЛЬШИВЫЕ РУБЛИ

Однажды Петр подъехал к кузнице и говорит кузнецу:

— Подкуй ты мне, кузнец, лошадь.

Кузнец сказал:

— Можно!

И начинает ковать подкову.

Петр говорит:

— Покажи-ка подкову твою.

Кузнец подает подкову Петру. Петр взял подкову, разогнул ее и говорит:

— Нет, брат, фальшивы твои подковы, не годятся моему коню.

Тогда кузнец сковал вторую. Он и вторую разогнул. Потом кузнец сковал третью, стальную, закалил ее и подает Петру.

Петр взял подкову, осмотрел ее — эта годится. Кузнец сковал четыре подковы и подковал лошадь.

Тогда Петр спросил:

— Сколько тебе за работу?

А кузнец говорит:

— А ну-ка выкладывайте деньги, я буду проверять.

Петр достает серебряные рубли. Кузнец берет рубль, сломал его и говорит Петру:

— Нет, мне таких денег не надо. Ваши рубли фальшивы.

Тогда Петр достает золотые монеты и сыплет на стол. И говорит кузнецу:

— Ну как, эти годятся?

Кузнец отвечает:

— Вот это не фальшивые деньги, могу принять.

Отсчитал, сколько ему нужно за работу, и поблагодарил Петра.

КУЗНЕЦ И ПЕТР I (вариант)

26

Петр I однажды заехал в кузницу на своей лошади к кузнецу подковать лошадь. Кузнец сковал подкову. Петр I взял подкову и сломал ее пополам в руках. И говорит:

— Что же ты куешь, когда они ломаются?

Кузнец сковал вторую подкову. И Петр I не мог переломить ее.

Подковал лошадь, Петр I дал кузнецу серебряный рубль. Кузнец взял в руки и сломал его пополам. И говорит:

— А что же ты мне за рубль даешь?

Ну, тогда Петр I поблагодарил кузнеца и дал ему за это 25 рублей. Вышло то, что сила на силу попала...

Петр I вторую подкову не переломил, а кузнец рублей без счету наломал бы.

27

ПЕТР И КУЗНЕЦ *(вариант)*

Петр I едет, ему подкову надо. Подкову ему кузнец меряет.

— Твоя подкова плоха,— говорит Петр I и переломил ее. Петр I платит рубль, подает ему, а кузнец говорит:

— Раз ты мою подкову сломал, не надо мне рубля твоего. Взял — и сломал, и бросил.

— Ну, иди тогда со шведами воевать.

— Пойду, раз пошлешь.

Зачали бороться. Кузнец Петра повалил.

— Ну, молодец,— говорит Петр,— умеешь воевать. Похлопал его по плечу.

28

ПЕТР И МЕНШИКОВ *(вариант)*

Вот поехал раз Петр I на охоту. Едет на лошади и как-то потерял подкову. А лошадь у него была богатырская. Без подков нельзя ездить.

Подъезжает он к одной кузнице и видит — там куют отец с сыном. Паренек у кузнеца что надо.

— Вот что,— говорит,— подкуй мне лошадь.

Сковал парень подкову, царь за шипаки и разогнул.

— Стой,— говорит,— это не подкова. Она мне не годится.

Начинает он ковать другую. Взял Петр и вторую разломил.

— И эта подкова не ладна.

Сковал он третью. Петр схватил раз, другой — ничего не мог сделать.

Подковали лошадь. Петр подает ему рубль серебряный за подкову. Берет он рубль, на два пальца нажал, рубль только зазвенел. Подает ему другой,— и другой тем же манером.

Царь изумился.

— Вот нашла коса на камень.

Смекнул, достает ему пять рублей золотом.

Поломал, поломал парень — не мог сломать. Царь записал его имя и фамилию. А это был Меншиков. И царь как приехал домой, так сразу его к себе и призвал. И стал он у него главный управитель.

«Меншиков в беззаконии зачат, в грехах родила мать его, и в плутовстве скончает живот свой, и если он не исправится, то быть ему без головы...»

С. М. Соловьев.
«История Рос-
древ-
врс-

КАК ПЕТР I КОНЯ ПОКУПАЛ (вариант)

29

Как-то Петр I искал резвого коня, который бы быстро бегал. Он пошел к кузнецу будто бы за делом — коня подковать, а у кузнеца была очень хорошая лошадь. Кузнец подкову выковал и бросил остужаться. Петр I берет подкову, в руках вертит да и разогнул, говорит:

— Хвалят тебя, что хороший кузнец, а подковы гнилые делаешь.

Тот ничего не говорит, делает новые подковы — и коня подковывает. Петр I дает за подкову серебряный рубль. Кузнец берет, вертит рубль да и разламывает пополам и говорит:

— Что ты за царь, как гнилые деньги приносишь.

Царь спрашивает:

— Говорят, у тебя есть резвый конь.

— Есть кое-какой.

— Не повезешь ли меня — такой-то и такой-то путь — тридцать верст в час надо бежать. Ежели не сможешь доставить в срок, то заработок твой пропадет и еще кое-что случится.

Кузнец говорит:

— Повезу. Только дай мне время: конь распряжен, и палки надо сковать.

Он сковал три палки и нагрузил в сани пятнадцать пудов железа. Усаживается в сани, и поехали. Царь говорит:

— Кажется, потеряешь заработок да и свою голову — тихо этот конь идет.

Кузнец взял железом ударил коня, и конь побежал.

Один перелесок проехали. Едут дальше. Опять царь говорит:

— Кажется, потеряешь ты заработок и свою голову потеряешь — очень уж тихо идет конь.

Он взял второй раз ударил другой палкой, конь рванул и давай бежать. Проехали второй перелесок. Проезжают последний перелесок. Царь смотрит на часы и говорит:

— Кажется, потеряешь заработок и свою голову — очень мало времени осталось.

Он взял ударил третий раз коня, и конь побежал, на полчаса раньше срока приезжают на назначенную станцию. Царь встает из саней и спрашивает:

— Сколько твой конь стоит?

Кузнец говорит:

— Он не продажный.

Царь спрашивает второй раз. Опять отвечает кузнец:

— Не продажный.

Царь спрашивает третий раз:

— Неужели коню цены нет? Я дам — возьми сколько хочешь.

Он говорит:

— Ведь сказано уже раз — не продажный конь.

Царь говорит:

— Неужели ты даже царю не продаешь? — взял и застрелил коня да заплатил за провоз сколько было назначено.

Кузнец огорченный пошел бродить по городу. Ходит по кабакам и где только увидит писарей в лохмотьях, их всех угощает. Так делает несколько раз. Был там один писарь крепкий в грамоте, тот и спрашивает:

— Почему ты нас поишь, чем обижен?

Он говорит:

— Вот такая у меня обида. Я привез царя, и мы подрядились о цене. Такой путь проехали, а я привез еще на полчаса раньше назначенного времени. И он спросил, сколько возьму за коня? Я ответил: «Он не продажный, он домашний конь». Третий раз спросил, я не продал, он взял да застрелил коня.

— Не беспокойся, — говорит писарь, — купи бутылку вина, поди купи лист гербовой бумаги.

Взял и написал прошение. Пишет правой рукой, потом левой рукой пишет. Взял и пальцем ноги подписался.

— Теперь найми человека, который бы отнес прошение.

Он пошел, нашел человека и заплатил ему, и тот пошел. На второй день уже ищут его, зовут на суд. А писарь говорит:

— Теперь он заплатит за коня. На меньшее не соглашайся, а потребуй серебра и золота столько, сколько войдет в кожу коня.

Идут на суд, и царь спрашивает:

— Сколько возьмешь?

Он говорит:

— Сколько войдет золота и серебра в кожу коня.

Ему пришлось заплатить. Кузнец взял деньги, да еще и по сей день живет богачом.

«Я ведаю, почитают меня строгим государем и тираном. Ошибаются в том не знающие всех обстоятельств. Богу известны сердце и совесть моя, колико соболезнования имею я о подданных и сколько блага желаю отечеству. Невежество, упрямство, коварство ополчались на меня всегда, с того самого времени, когда полезность в государство вводить и суровые нравы преобразовать намерение принял. Сии то суть тираны, а не я. Честных, трудолюбивых, повинующихся, разумных сынов отечества возвышаю и награждаю я, а непокорных и зловредных исправляю по необходимости. Пускай злость клеветает, но совесть моя чиста. Бог судья мне!»

— Рассказы На-
ртова Петра
Великом

ЧУДЕСНЫЙ КОНЬ ПЕТРА I

30

Узнал царь Петр о том, что в Финляндии есть чудесный конь, и захотел приобрести его себе. Подумал он, как это сделать, и решил отправиться в Финляндию за чудесным конем. Поехал он туда, прибыл в одну деревню. Там сразу же узнали, что это Петр, и караул возле него поставили.

Но в этой деревне был один бедный крестьянин. Запряг он в сани клячу, уложил в сани тайком от Петра, полный воз навозу наложил и под ним из-под караула вывез Петра в чистое поле.

Петр из саней поднялся и направился в финские

земли. Нанялся он там в работники при огромном хозяйстве. Его определили водовозом и дали самую плохую клячу. Стал Петр ухаживать за этой клячей.

Вот до финского князя дошла весть, что у того хозяина живет батрак, умеющий ухаживать за клячами и выхаживать из них хороших коней. Финский князь послал гонца за тем работником. Так Петр стал конюхом финского князя. Он стал ухаживать за чудесным конем.

Проходит немного времени, и собираются у князя сенаторы. Петр за дверьми слушает, о чем они там говорят. И слышит, кто-то хвастается:

— У нас есть чудесный конь, но никто не в состоянии проехать на нем.

Царь Петр и говорит:

— Дайте, я проеду на нем!

Но на этот раз ему не разрешили.

Снова через некоторое время собираются у князя те же люди. Приходит к князю и Петр, слушает за дверьми. Снова слышит он, как хвастаются тем чудесным конем. Петр и говорит:

— Отдайте мне коня, попробую я проехать на нем.

И тогда разрешили ему прокатиться на коне.

— Попробую-ка я проехать и проверю, что это за конь. Ведь из крепости-то он никуда не уйдет.

Вывели военные люди коня из конюшни, привязали его цепями и канатами, укрепили седло на коне. Ведут его на цепях и канатах внутри финской крепости.

Петр смотрит, где бы можно через стены крепости перескочить. Приходит он к князю и говорит:

— Освободите коня от цепей, ведь он же смирный. Попробую я на нем проехать без цепей и канатов.

И только меднолобого коня освободили от цепей, как Петр вскочил на вороного, через стены крепости перемахнул и в Питер прискакал. Еще и теперь он там верхом на нем сидит около реки. А финский князь упал на колени и сказал:

— Ведь это был царь Петр!

Здесь фамилия — Лайкачев. Был мастер, Лайкач. Приходит к нему Петр I.

— Бог помочь, мастер.

А мастер не отвечает, тешет одним разом, ничего не рассказывает. Потом дотесал брус, оправился:

— Просим милости,— говорит,— ваше императорское величество!

— А почему же ты мне сразу не сказал?

— А посему, что я тесал,— говорит.— Если глаз отведу, то не дотесать. Надо окончить дело.

Царь положил персты:

— Можешь ли ты мне меж персты попасть и персты не рассечь?

Ну вот, положил руку, а он топором и шмакнул между перста.

— Ну,— говорит,— молодец, проводником будешь на Повенец.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ОСТРОТЫ РАЗУМА ГОСУДАРЕВА

В бытность монарха в первый раз в чужих краях приехал в Москву один обманщик монах грек и объявил, что он привез с собою неоцененное сокровище, а именно часть срачицы * Пресвятой Богородицы. Он представлен был царице Евдокии Федоровне, рассказал ей составленную им повесть, откуда, каким образом и через какие руки дошла до него сия срачица; скольких стоило ему трудов приобретение оной; что он, единым движимый усердием, дабы сия святыня не осталась в областях неверных и не могла бы поругаема и осмеяна быть и совсем погибнуть, привез ею в Россию как в государство, благочестием и верою святою сияющее.

Довольно было и сей басни, с лицемерною святостью произнесенной, для уверения царицы и двора ее. Однако монах, дабы совершеннейшее словам своим доставить доверие, требовал, чтобы принесены были горящие угли, на кои бы мог он возложить сию святую срачицу, веря несомненно, что не коснется ее огонь. Царица пригласила

срачица
рочка

патриарха и нескольких из знатнейших особ духовных; при них положена была срачица на горящие уголья, обьята пламенем и раскалилась как железо, но, изъятая и остуженная, явилась невредима и убеленная, как снег. Все ужасом и удивлением объемяются, удостоверяются в словах монаха, лобызают оную с благоговением, как истинную Богородицину срачицу, полагают ее в богатый ковчег и вносят с церемонией и пением в церковь. Обманщик награждается щедро сверх его чаяния и уезжает из государства.

Вскоре после сего приезжает монарх; доносят ему о всем том с подробностью и поздравляют его с сим новым сокровищем духовным. Младой государь, не выдав ее еще, предугадывает уже обман; приказывает ее принести к себе и доказывает, что все они обмануты мошенником, что лоскут тот не что иное, как из амианта, или нестерпаемого каменного льна, выткан. Спрашивает: «Где тот монах?» Но он, как сказано, уже убрался с деньгами и подарками за границу.

33

КАК ЛАДОЖСКИЙ КАНАЛ КОПАЛИ

Покуда Ладожскую канаву копали, пошлин ни с кого не собирали: всякое звание приходи и копай. Многие разжились и разбогатели. Приезжает однажды Петр I на канаву и видит: народ копает в большом уборе, в наряде, в красе-басе.

— Ай да молодцы, знают денежки нажить!

А тут капиталов стало мало хватать на канаву, и взяты негде. Тогда Петр I умыслил на каждой версте сделать кабак. Так и сделал.

Через несколько времени видит тех же самых копальников в самых худых одеждах. Другие даже в кулях рогожанных ходят и работают. Рассмеялся Петр, всплеснул руками:

— Ай да молодцы: знают денежки нажить, да умеют и пропить!

Об этом и песня есть:

Мы канавушку копали,
Все ю проклинали.
На канавушку — на конях,
А с канавушки-то — пеша.

Строил канал Петр — мужиков поторапливал:

— Скорее! На водку будет!..

Мужики к водке приохотились, вот тогда и пить стали (давно уж, подумай-ка, когда Великий Петр жил!).

Сами потом каялись: «Ведь все запустошилось дома, а мы на канале что заработаем, то и пропьем!» Так Петр канал строил.

ПЕТР I И РИЖСКИЙ КУПЕЦ**35**

Когда у России не было пушек и Петр I узнал, что за границей пушки повылили, он захотел это искусство рассмотреть. Поехал в Ригу. А рижские купцы ездят за товарами в чужие земли. Он нанялся купцу в работники и поехал с купцом за границу. Приехал в Ригу, а тут начали подмечать, что он Петр; отдан был приказ на всех заставах, чтобы его не выпустить. Он это дело узнал и начал этого самого купца, у которого был в работниках, просить к себе в Москву, я, мол, сам купец. Купец рижский спрашивает: «Как же тебя узнать? Москва велика». — «А ты приезжай, только спроси, где здесь живет Петр-купец. Моя жена частенько ходит по рынку, и лавки у меня есть. А я захотел узнать, как у вас торговля. Только дай честное слово, что будешь!»

Петр распрощался с ним, пошел в город; мужичок берет навоз. Он просит мужичка: «Сбрось на меня навоз, я тебе больше уплачу». Петр — на сани, а мужик его навозом прикрыл и вывез из города Риги; поблагодарил его, заплатил горсть золота.

Тогда Петр уехал в Москву, приказал разослать афишки по всей Москве: когда будет рижский купец в Москве, то показать ему на Петра-купца. Вот и приехал рижский купец, и показали ему на Петра-купца. Принял его: «Гостюй у мене!» Повел его по лавкам: «Вот у меня сколько лавок, я сам купец». Пришли домой, показал жену.

Два дня гостил, Петр был не в форме; а когда на третий день оделся Петр в форму, тогда рижский купец об землю ударился — спужался. Царь его не страшал: «Не бойся, я тебе все прощаю, хоть ты меня и бранил: за

незнание и царя бранят. Ну вот, братец, приезжай совсем в Москву и торгуй, поместья дам».

Царь ходит по Москве и думает, как бы пушек налить, думает собрать с Расеи старые пятаки для литейных пушек. И шел по Москве в простой одежде. Встречается с ним человек. Спрашивает царь:

— Что ты за мастер?

— Я своему делу мастер.

— Кто ж ты такой?

— Я медник.

Он ему рубль подарил.

— Скажи мне, братец, про дело, что я вздумал: хочу собрать медь, налить пушек.

— Царь, я тебе совет дам: вы по колоколу с каждой церкви снимите и налейте пушек. На что ж тебе столько пушек?

— Пойду Ригу завоюю.

36

ОСУДАРЕВА ДОРОГА. ПЕРВАЯ МОСТОВИНА

...У Нюхчи, а потом и везде по ямам, первую мостовину, благословясь, клал сам осударь, а вторую давал класть своему сыну возлюбленному, а там и бояр на это дело потреблял. Немчин один не захотел мостовины класть, так рассерчал на него осударь — приказал ему позади последнего солдата стать и на ямах солдатам за стряпуху рыбницу варить. Натерпелся немчин сраму — стал и мостовины класть и другую всякую работу делать не хуже самого осударя.

37

ЛАПОТЬ ПЕТРА ПЕРВОГО

Старики говорили, что первым у него заплетен был лапоть. Плел-плел, а заплести конца не мог. У Петра этот лапоть так незаплетенным и остался: вывел у лаптя носок, а пяты не смог заплести.

Теперь в музее этот лапоть хранится, в печурке положен, а при нем надпись: «Жирка вести — не лапти плести, а лапти плести — надо концы свести».

Петр Великий объезжал всю Расею в одно былое время. Ехал дорогой с кучером, и захотели они обедать. И вот приказал государь кучеру заехать в деревню, в первый попавшийся дом. Установили они лошадей, привязали их и входят в хибару. Поздоровались с хозяйкой дома и попросили у ней поесть.

Хозяйка отвечает:

— Поесть-то нечего, накормить-то нечем. Разве вот хлебца ломоть, да квасу немножко, да масла ложку. Если желаете, я вам сделаю мурзовку.

Она не знала, что тут был Петр Великий.

Они на это согласились. Когда сделала она мурзовку, подала им покушать. Им сильно понравилась эта мурзовка. Покушали они, хотели ей уплатить, но она деньги не взяла. Они хозяйку поблагодарили и с этим поехали.

Приехали во дворец. Петр Великий посылает своего камердинера, чтобы прислал повара. Когда повар явился налицо к государю, государь говорит повару:

— Я бы в настоящее время желал, чтобы ты меня накормил мурзовкой.

«Что это за мурзовка?» — думает повар.

Пришел в кухню в свою и начал смотреть каталоги, и преysкуранты, и суточные карточки, но мурзовки нигде не нашел. Повар сильно смутился. И решил он идти к государю. Явился он налицо к государю и говорит ему, что он нигде ни в какой книжке мурзовки не нашел.

Государь посылает повара:

— Иди,— говорит,— в конюшню, скажи, чтобы тебе запрягли пару лошадей в серых яблоках, поезжай в село, в котором мы с кучером останавливались, разыщи дом, в котором мы обедали. Там ты и узнаешь, что такое мурзовка.

Когда приехали до того села, то кучер признал хибарку, в которой они обедали. Входят в помещение и начинают расспрашивать хозяйку:

— Чем ты кормила государя?

Она им отвечает напрямик:

— Я,— говорит,— не знаю, государь или кто он такой, только кормила я их мурзовкой. Налила в миску квасу, накрошила туда хлеба, огурцов и картошки и потом помаслила.

Когда повар с кучером вернулись из этой деревни, доложили о их приезде государю. Государь дает повару приказ: приготовить ему мурзовку.

И повар приготовил, да не в таком вкусе, как ел в деревне, а еще получше. И государю понравилась эта мурзовка.

39

ПЕТР ПЕРВЫЙ И ТЕСТЕННИКИ

Когда Петр I перетаскивал суда, прорубили просеку от Белого моря к Онежскому... Вот, между прочим, рассказывают (насколько это правда, судить я не могу): остановился он в деревне Телекина... Входит в избу — мужики сидят за столом и едят. У него была дубинка, с дубинкой любил ходить. Ну вот.

— Что вы едите?..

— Тесто!..

— Ах, вы разбойники: вам хлеб лень печь!..

И дубинкой давай полосовать.

Правда или нет?

А тесто это в старину здесь готовили из овсяной муки...

40

МЕТКИЙ ОТВЕТ

Петр Великий подошел к солдату, который лапти плел, и говорит:

— Кто лапти плетет, весь век цветет.

А солдат отвечает:

— Не было бы лапотника — не было бы и бархатника.

— Это правильно,— говорит Петр.— Лапоть плести — одна в сутки надо есть.

А солдат ему:

— Кто лапти плетет, весь хлеб барину отдает.

Как только время свободное ему от черной работы, так он все по кабакам ходил да у мастеров выведывал о их мастерстве: все научиться хотел всему. Приходит раз в кабак и встретил там оборванного пьянчужку; взял водки, а его не потчует.

— Ты, видно, ничего не умеешь? — спрашивает. — Что больно обтрепан?

— Нет, — говорит, — умею вот такое-то ремесло.

— А как вот эту вещь делать?

— Так вот, — говорит.

— Врешь!

— Нет, не врешь!

Поднялся спор, и пьянчуга доказал Петру, что тот врет. Петр остался этим очень доволен, потому что о мастерстве все, что надо, разузнал. И напоил мастерового в лоск.

ПЕТР КРЕСТИТ РЕБЕНКА**42**

Был этот случай в Вожмосалме. У одного бедного-пребедного мужика народилась дочь. Надо малютку крестить, а к горюну никто в кумы нейдет. Проходил Осударь в это время через Вожмосалму и узнал, что такая беда с мужиком. Пришел он к бедному мужику и говорит, что будет в него кумом.

Только прослышали про такую волю Петрову на погосте, как стали к бедняку бабы самые богатые толкаться да зазываться в кумы. «Не хочу я с ними кумиться, — говорит Петр, — а разыщи ты мне самую лядащую бабенку, что у вас по погосту христа-ради ходит». Нашел бедняк такую бабу лядащую, и покрестил Осударь с ней беднякова младенца. Как покончили крестины, так и говорит Осударь: «А не худо бы, куманек, и винца выпить!» А у бедняка денег-то ни полушки, а зелена вина — ни косушки. «Видно, делать нечего, — сказал царь, — моя анисовая нынче деда делать будет». Вынул свою походную баклажку да чарочку золотую, налил ее своей анисовой водкой, всех перепотчевал, сам выпил, одарил бедняка деньгами, а чарочку куме подарил на память.

Однажды ехал государь Петр I в Архангельск по большой дороге. Приехал к крестьянину и видит, что живет исправно, что на сарае корму, под окном дров, на дворе скотины много. И спрашивает государь:

— Что, крестьянушка, хорошо ли тебе жить? Кажись, всего у тебя в сытость.

— Нет, надежа-государь. Мы ведь работаем, стараемся, а вот как господа-то живут противу нас, так далеко лучше.

Петр приказал крестьянину к его следующему приезду выкормить быка, да так, чтобы был он жирен, а сердце в нем было черно.

По совету приятеля крестьянин рядом с быком в углу держал медведя. Как медведь рыкнет, так бык медведя ужасается и назад присядет: он думает, что медведь его съест. Оттого в быке стало сердце черное.

Царь приехал, приказал убить быка: действительно, сердце в нем гнилое.

— Так и господин живет, которому завидуешь ты: сегодня во всем у него продовольствие, а сердце все в нем тлеет, как бы под суд не попасть. Завтра может лишиться всего и остаться без куска хлеба. А ты грешишь, что Бога не славишь: поработал ты, лег спать — и руки за голову. Подати отдал — и ни о чем ты не тужишь. Сердце у тебя спокойное, не тлеет оно, как у этого быка.

Так государь и разговор кончил.

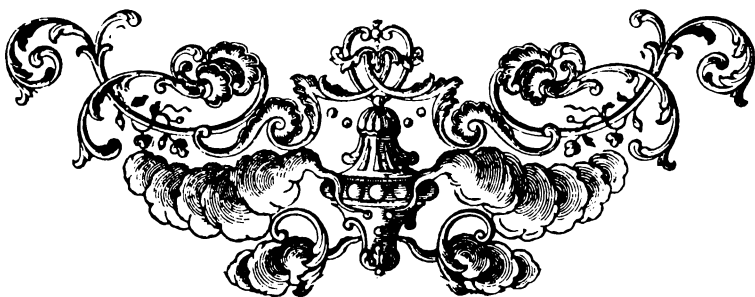

УМА МНОГО,
А ДЕНЕГ НЕТУ

IV

РАЗДЕЛ

ПЕТР ПЕРВЫЙ И СОЛДАТЫ

Рассказы На-
ртова Пётре
Великом

*«Мир хорошо, однако притом дремать не надлежит,
чтоб не связали рук, да и солдаты чтоб не
сделались бабами».*

*Тут сидит большой боярин...
Он наборы набирает,
Солдатиков забривает.
Все солдаты стоят-плачут,
Что один солдат не плачет —
Вдоль по ярмарке гуляет,
В золоту скрипку играет.
Солдатиков забавляет:
— Вы не плачьте-ка, ребята,
Не тужите, новобраны,
Нам не пашенку пахати,
Не работу работати,
Только в фрунты постояти,
Только ружья заряжати...*

Из историчес-
ких песни

44

ПЕТР ПЕРВЫЙ И НОВОБРАНЦЫ

...Петр I обходил новобранцев. Он ведь сильный был,
Петр I: ну, того захватит — полетел, того захватит — поле-
тел. Одиннадцатый новобранец:

— А ты что,— говорит,— всех ворочаешь-то?
А ну-ка, я тебя!

— Ну, давай.

Тот сопит. Тот как поднял Петра — полетел Петр сразу. Так за это Петр I ему еще вина налил два стакана. И потом этот новобранец стал в чести у Петра I, как очень сильный был.

А фамилии его не знаю...

НОВОБРАНЕЦ НА ЧАСАХ

45

Один из новобранных солдат стоял на карауле в таком месте, куда, думал он, не придет так скоро командир его, всего же меньше ожидал он тогда самого государя, потому больше, что уже время было обеденное. Сей пост его был на самом берегу Невы, или Невки; и так как время было весьма жаркое, то и вздумал он раздеться и искупаться.

Но сверх чаяния своего увидел идущего к его посту государя, и так уже близко, что успел он, выскочив из воды, надеть на себя одно только исподнее платье, шляпу и перевязь, и подхватя ружье и став в позитуру, отдал оным честь и продолжал стоять вытянувшись. По строгости, с какового монарх желал, чтоб хранима была воинская дисциплина, казалось, что он велит его как преступника наказать, но вместо того не мог, смотря на него, не рассмеяться, сказав сопровождающим себя: «Хоть гол, да прав».

Он спросил солдата:

Давно ли в службе?

Недавно,— отвечает часовой.

Знаешь ли ты,— продолжал государь,— что велено делать с теми часовыми, которые оставляют пост свой и кидают ружье, как сделал ты?

— Виноват,— сказал солдат.

Ну, быть так,— заключил государь.— Прощается сие тебе как новичку, но берегись вперед дерзнуть что-либо сделать, сему подобное.

ПЕТР И ЧАСОВОЙ

46

Когда у Петра I родился сын, обрадованный государь немедленно послал своего генерал-адъютанта в крепость к обер-коменданту с приказанием возвестить народу эту радость пушечными выстрелами. Но так как перед тем

отдан был приказ не пускать в крепость никого после пробития вечерней зари, то часовой, из новобранцев, остановил генерал-адъютанта.

— Поди прочь! Не велено никого пускать.

— Меня царь послал за важным делом.

— Я этого не знаю, а знаю только одно, что не велено мне никого пускать, и я тебя застрелю, ежели не отойдешь.

Нечего было делать: генерал-адъютант вернулся и доложил Петру.

Тот сам, как был в простом кафтане, без всяких отличий, идет в крепость и говорит солдату:

— Господин часовой, пусти меня.

— Не пущу.

— Я тебя прошу.

— Не пущу.

— Я приказываю.

— А я не слушаю.

— Да знаешь ли ты меня?

— Нет.

— Я государь твой!

— Не знаю, а я знаю то одно, что он же приказал мне никого не пускать.

— Да мне нужда есть.

— Ничего я слышать не хочу.

— Бог даровал мне сына, и я спешу обрадовать народ пушечными выстрелами.

— Наследника? Полно, правда ли?

— Правда, правда!

— А когда так, что за нужда: пусть хоть расстреляют меня завтра! Поди и сегодня же обрадуй народ сею вестью.

Государь приказывает коменданту сто одним выстрелом известить столицу о рождении сына; затем спешит в собор, где при звоне колоколов благодарит Бога за милость. А солдата жалует сержантом и десятью рублями.

47

ПЕТР УЧИТ СОЛДАТА БЫТЬ ЭКОНОМНЕЕ

Царь собрался на Васильевский остров к корабельному строению со многими солдатами. Один простой солдат и говорит:

— Петр Алексеевич, государь великий! У меня жена

сына родила. Желает ли ты ко мне кумом и отобедать в такой день?

— Как не желать? Желаю, солдат, возьми. Я всегда готов.

Приказал солдат жене все справить: «Государь сам будет обедать со мною». Накупили всякой водки кума попотчевать, государя.

Пришли в дом. Кум и говорит:

— Жена, давай выпивку на стол!

Государь видит на столе всякие водки и говорит солдату:

Надевайся-ка, кумушко, да пойдем назад на стросние.

Пища набрана на столе, а они пошли назад на Васильевский.

— Скидай-ка, кумушко, шинель да ложись-ка, кумушко, на нее!

И лег кумушко на шинель. Государь приказывает:

— Трижды палкой ударить его!

И трижды палкой ударили его по царскому слову.

— Вставай-ка, кумушко, надевайся и теперь пойдем обедать.

Стали они есть и пить и кушать, увеселили свои головы.

Кумушко, прости меня, что я почтил тебя. Отобедали бы с тобой, чем Бог послал: и для царя солдат не должен расточать копейки!

СТАРОЕ СЕДЛО

48

При Петре I солдаты служили 25 лет. Вот один солдат прослужил 25 лет и перед концом службы был назначен в караул во дворец, туда, где находился Петр I. Вот видит солдат, что Петр I прошел в свою комнату, идет мимо двери, и солдат громко сказал про себя:

Да, прослужил я у Петра 25 лет и ничего не выслужил, хотя бы он меня старым седлом наградил.

Этот разговор услышал Петр, вызывает солдата к себе:

— Что ты, солдат, говорил?

Да я извиняюсь, Ваше величество. Прослужил я у тебя 25 лет, и никакой наградой ты меня не наградил. Наградил бы ты меня хоть старым седлом.

— Зачем тебе старое седло? Я могу тебя наградить новым седлом.

— Зачем мне новое седло? Ты меня старым награди.

Пришел конец службы солдату. Петр награждает его старым седлом. Пишет документ: «За продолжительную службу 25 лет и честность в боевой подготовке награждаю такого-то солдата старым седлом».

Получил старое седло солдат, пошел домой пешком. Вышел за город:

— Куда,— говорит,— мне старое седло?

Взял да и бросил его к черту! А откуда был солдат, там было барское имение и называлось оно «Старое седло». Прибывает солдат домой, приходит к барину, предъявляет документ:

— Можешь освободить имение. Вот документ, подписанный Петром I. Катись отсюда!

Так и жил солдат в этом имении до самой смерти.

49

ЧЬИ СОЛДАТЫ ЛУЧШЕ

Известно, что великий государь многократные имел свиданья с королями польскими и датскими. Однажды, и кажется при одержании уже Полтавской победы, они забавлялись после обеда разными разговорами. И когда между прочим зашла речь о храбрости и беспрекословном повиновении солдат, то король датский сказал: «Должно дать неоспоримое преимущество его датским солдатам как старым и к дисциплине издавна привыкшим. Король польский, напротив, отдал преимущество саксонским своим войскам, приводя из истории некоторые примеры отличной их храбрости. Герой наш, выслушав оное, обратился к последнему, сказал: «Я бы советовал тебе молчать с твоими саксонцами; я их знаю совершенно, они не много лучше трусов поляков; а датские солдаты, сколь они ни стары, но против моих новых никуда не годятся».

Когда спор усилился, государь сказал: «Хорошо, сделаем теперь пробу тому. Призовите сюда по одному из своих солдат, кто из них храбрейший и вернейший, по мнению вашему, и велите им броситься из окошка. Покажут ли они к повелениям вашим беспрекословную готовность?»

А я в своих уверен. Ежели бы хотел только из тщеславия обеспечить себя пожертвованием одного из них, то бы каждый беспрекословно исполнил оное». И настоял, чтобы опыт сей был сделан.

Начато сие с датского. Призван один из неустрашимейших гренадеров. Король повелевает ему броситься из окна (сие происходило на третьем этаже); гренадер падает перед королем на колени, просит о помиловании, но король кажется не внемлющим, повторяет приказ свой. Гренадер проливает слезы и просит по крайней мере сказать вину его и дать время на покаяние. Герой наш, усмехнувшись, говорит королю: «Полно, брат! Дай ему время на покаяние!» И выслал его вон. «А с твоими саксонцами,— обратясь к польскому, сказал,— и пробы таковой делать не надобно; опыт сей только бы осрамил тебя».

Наконец призывает к себе монарх своего офицера, велит ему ввести какого-нибудь из своих гренадеров. Вводят его, и государь с холодным духом велит ему броситься из окна. Гренадер, ударя рукою по шапке своих, идет к окну и, перекрестясь, поднимает ногу на окошко. «Остановись! — закричал монарх.— Мне тебя жаль, и поди вон». Гренадер оборачивается, делает честь ударением рукою по шапке и выходит.

Монарх спрашивает удивленных королей: каковы им кажутся его солдаты. Признаются они, что сей подлинно неустрашимый и есть слепой исполнитель воли государя своего. И просят отличить его, наградя офицерским чином.

Монарх отвечает, что не один он таков, но что и все его солдаты таковы же точно. «И по-вашему, надобно будет всех мне пережаловать в офицеры. Не хотите ли подобное же испытать и на других? Изберите из них сами такого, который бы, по мнению вашему, менее имел духа; я уверен, что и он так же поступит». Однако ж государи сии не захотели пуститься на новую таковую пробу, а настояли только о пожаловании офицером первого. Великий государь снисходит к их просьбе, призывает его опять и объявляет ему чин офицерский. Короли же пожаловали ему посто червонных.

Такого рода дело было у Петра Великого. Однажды Петр Великий вечером пришел в штатской одежде в трактир (тогда пивных не было, все трактиры были). Кроме одного солдата в трактире никого не было, и тот сидел у столика, понутив голову.

Петр Великий сел рядом с ним и спросил:

— О чем задумался, служивый?

— А, барин, задумаешься, что вчера был пьян, а сегодня похмелиться не на что.

— На деньги, возьми полштофа.

Солдат моментом принес полштофа (обрадовался он, что похмелье есть) и с барином выпили (потому что он его за барина считал). Поразговаривал минут пять с солдатом, Петр Великий сказал:

— Ну, ладно, я пойду.

А солдат и говорит:

— Спасибо, барин, а когда я с тобой рассчитаюсь?

— Ладно, когда-нибудь.

А солдат говорит:

— Ладно-то мало радости, а по-нашему, по-русскому, надо бы сейчас.

— Да как же сейчас, коли у тебя денег нет!

Солдат говорит:

— Пойду к куме, заложу тесак.

А Петр Великий и спрашивает:

— А если будет внезапный осмотр, как же ты выйдешь без тесака?

А солдат и говорит:

— Знаем, как ихнего брата объегорить (значит, про начальство).

Петр Великий заинтересовался этим ответом, что как же он объегорит, и сказал:

— Ну, ладно, иди, да только побыстрей.

Минут, значит, через двадцать вернулся солдат, купил штоф вина и сел рядом с Петром Великим. Когда окончили выпивку, у солдата здорово загудело в голове. Петр Великий говорит:

— Теперь можем расходиться.

Солдат отблагодарил его и сказал:

— Ну, барин, может, когда и увидимся.

А Петр и говорит:

— Наверно, скоро увидимся.

На следующий день рано утром в казарме поднялась суматоха, стали говорить, что надо идти на парад: царь будет войска проверять или осматривать. Значит, этот солдат забегал. Что же ему делать, как без тесака выйти? И недолго думал, взял растропину, обтесал, ручку пристроил, главное дело, и вложил в ножны.

Проходит Петр Великий по рядам, ища виновника. А рядом с ним начальство: генералы, офицеры, в общем, начальство; и поравнявшись с этим солдатом, дает команду:

— Два шага назад. Руби ему голову!

И показывает на офицера. Офицер весь задрожал от испуга и подумал: «За что мне будут голову рубить, если я ни в чем не виновен?»

Солдат сделал два шага назад. Поставил глаза свои в небо и сказал:

Господи! Если неповинен сей человек, претворись мой тесак в лучинину.

И моментом выхватил лучинину.

Все присутствующие были изумлены таким случаем, в особенности тот офицер, которому нужно было голову срубить. Все подумали, что здесь какое-то чудо сотворилось. Петр Великий, не сказав ни слова (он смекнул, в чем дело, а другие этого не знали), пошел дальше по рядам. После осмотра велел позвать этого солдата к себе.

Когда солдат пришел, Петр Великий спросил его:

— Ты вчера в трактире был?

Тот говорит:

Да, был.

Петр Великий говорит:

Вино пил?

Тот говорит:

Пил.

С кем пил?

— С каким-то барином.

— А ты знаешь, что это был я?

Солдат весь задрожал от испуга (он думал, что теперь ему беда).

А Петр Великий и говорит ему:

Ну, не бойся ничего, но молодец, что так мог устроить.

И отпустивши, сказал ему:

— Смотри, никому не говори, что такое дело было.

Этого солдата офицер в честь благодарности сколько раз поил вином и отпустил на две недели в отпуск домой. Но однажды солдат под пьяную лавочку просказался офицеру. Офицер плевался, ругался с досады:

— Знал бы, не стал бы на тебя денег тратить и в отпуск не отпустил бы.

Но уж поздно было.

51

КАК СОЛДАТ ШАШКУ ЗАЛОЖИЛ

(вариант)

Идет солдат, говорит сам себе:

— Эх-ма, много ума, а выпить не на что.

Навстречу ему Петр I:

— Что, солдат, говоришь?

— Да ума много, а денег нет.

— Пойдем со мной,— говорит Петр солдату,— я тебя угощу.

Петр покупает солдату полбутылку, выпили. Солдат говорит:

— Эх, еще бы!

Петр говорит ему:

— У меня денег больше нет.

— И у меня нет.

На солдате была шашка.

— Давай, солдат, шашку заложим, а завтра выкупим.

Заложили шашку за полбутылку, выпили и пошли. Когда солдат скрылся из виду, Петр вернулся в трактир и выкупил шашку, а наутро приходит в ту часть, где служит солдат. Солдат утром проснулся рано, хватился шашки, а шашки-то и нет. И вспомнил, что он ее вчера заложил в трактире с каким-то человеком, неизвестным для него. Побежал, занял денег у товарищей и пошел в трактир.

— Шашку бы мне выкупить.

— Шашку,— говорят,— еще вчера выкупил твой товарищ, с которым вы вместе сидели.

— Ах! Черт возьми!

А там уже команда — выстроить всех для парада в полной боевой готовности. Сейчас же побежал солдат к стоя-

рам, заказал деревянную шашку, подкрасил ее под цвет стали, мимоходом забежал к сапожникам, сшили ножны, и все было сделано под форму шашки.

Петр I солдата заметил. Он приказал выстроить весь полк, разбить его побатальонно, поротно, по отделениям. Петр I долго ходил, осматривал войска, у кого ремешок посмотрит, у кого подворотничок, дошел до того солдата, который шашку в трактире заложил, дошел и смотрит: вот он стоит. Спрашивает командира взвода. Взводный говорит ему:

— Я! — Ваше величество!

— Выйдите два шага из строя. И вы, солдатик, выйдите.

Вышли из строя. Петр говорит:

Ну, солдатик, отрубите взводному голову, сейчас же.

— Что Вы, Ваше величество, безвинному человеку голову рубить!

— Я приказываю.

Тогда солдат вынимает шпагу и говорит:

— О Господи! Превратись моя шашка из стальной в деревянную!

Как тянул взводного по шее, и шашка пополам. Петр говорит:

— Раз ты меня перехитрил, то награждаю тебя долгосрочным отпуском и деньгами на всю жизнь.

И поехал солдат домой с почетом.

ШАШКУ ЗА РУБЛЬ

(вариант)

52

При Петре брат царствовал — Алексей. Надо было бы царствовать-то Петру, а мать постановила ему. И захотел поехать Петр в Данию. Ездили тогда на лошадях. Он запряг шестерку и едет.

Присажает в Данию. Заезжает он в одно село. Подъезжает к кузнице и говорит: «А ну-ка, поди-ка сюда, кузнец!» Кузнец подходит. «Мне нужно подковать лошадь. Но нужны прочные подковы — лошадь у меня сильная». Кузнец взял лист железа и говорит: «Сейчас, ваше императорское величество». Берет полосу железа, выковывает подкову, выносит и говорит: «Вот вам готова подкова». Петр берет ее и согнул сразу: «Плохая».

Кузнец взял опять то же железо и сковал еще другую подкову. Петр взял ее и говорит: «Вот эта хорошая». Стал он расслачиваться. И дает ему серебряный рубль. Бумажные деньги в чужом государстве и уплату давать было нельзя. Кузнец берет этот рубль между пальцев и проткнул его большим пальцем: «Плоховат, ваше величество». Петр дает ему другой — нечего делать.

Заезжает Петр в пограничный город. А там много войска стояло. И прослышал он о распушенности войска. И вот он надевает простое платье и идет по городу. Заходит в гостиницу и видит: сидит солдатик и пьет. Он и говорит:

— Здорóво, солдатик!

— Здорóво!

— Вы что, выпиваете?

— Да, выпиваем.

— Можно с вами?

— Можно.

— Слушайте, вы мне продайте ваш клинок?

— Что же, можно. Рубль.

Петр отдал ему рубль и пошел.

Приходит на квартиру и отдает приказ в этот полк: «Выйти на смотр, царь едет».

Приезжает царь. «Здорово!» — «Здравия желаем, ваше императорское величество».

Вот он сходит с повозки и проходит по полку раз и два. И этого солдатика заприметил. Подходит к нему и спрашивает: «Ну как, дисциплину выполняешь?» — «Да».

А когда только всех солдат гнали, то у этого солдатика шашки нет. Он подбегает к мастерской, берет щепку и вставляет. Теперь царь ему и говорит: «А ну-ка, отсеки голову вот этому солдату». (А у него нечем сечь).

«Ваше величество, у меня руки не поднимаются на брата своего».

Тогда он оборачивается к другому и говорит: «А ты дисциплину выполняешь?» — «Да». — «А ну-ка, отсеки ему голову!» — и показывает на того солдата, у которого нет шашки.

Тот перепугался — и видит, что делать ему нечего, и говорит: «О господи! Ты сотворил чудо в Канне Галилейской, претворил воду в вино, преврати мою шашку в щепку!» Вынул, размахнулся и переломил об его шею щепочку пополам.

Тогда все солдаты и офицеры делаются в панике: что такое, шашка превратилась в щепку. А Петр подходит к этому солдату и говорит: «Вот тебе рубль, и не продавай ты больше свою шашку за рубль. Тогда она в щепку не превратится».

ДЕРЕВЯННАЯ САБЛЯ

(вариант)

53

Вот раз один солдатик сидел в ресторане. Пришел царь Петр I. Пришел, за стол сел к столу и сидит. А солдатик не знает, что это за царь. Выпили по чарочке. У солдатика денег не стало. Он и говорит:

— Давай еще выпьем!

Царь говорит:

— Да денег-то больше нету у нас.

— Ладно,— говорит,— я саблю заложу.

— А если завтра смотр?

— Ничего,— говорит,— я до завтра выкуплю.

Ну, вот, сходил, саблю и заложил. А царь Петр I и ушел. Солдатик выпил и отправился в часть домой.

А утром как раз полк выстроили ихний. А у солдатика сабли-то нету. Он на скору руку взял да сделал деревянную, сунул в ножну. Вот выстроили на плац войска. Царь Петр I идет осматривать. Знает, из какой роты солдат. Дошел до этой роты, узнал этого солдата и вызывает.

— Пять шагов вперед! — говорит.

Солдат и вышел.

Царь и говорит:

— Руби мне голову!

Что ты,— говорит,— Ваше высокоблагородие, царю голову рубить!

Руби! — говорит.

Вот солдат перекрестился.

Господи, благослови!

Как шмякнет царю по голове! Так эта деревянная сабля на три части и разлетелась! И царь его в унтер-офицеры произвел. «Вот какие солдаты у меня есть — не трусят царю голову рубить!»

Был Петр Великий, занимался разными изделиями и ездил в лес с борзой собакой зверье ловить; и настигла его темная ночь. Он и дале, и дальше, да и заплутался. Напал на него лютый медведь и растерзал его охотную собаку. И так было ему жаль ее, что легче бы сам жизни решился. «Ах, остался я ни при чем!» И скружился в темном лесу, три ночи ночевал.

И в то же время новобранный солдатик, прослужа недолго время, из полку убежал и на Петра Великого напал. Смотрит Петр Великий на форму солдатскую и видит по форме, какого полка. «Ах,— думает,— солдат-то мой!» Солдат идет пешком, Петр едет на коне да и кричит: «А подь-ка, землячок, сюды!» Землячок подошел, говорит Петр Великий:

— Здравствуй, земляк!

— Здравствуй.

— Ты чей, откуда?

— А что тебе за надобность?

— Ты не бежал ли? Я ведь тоже бродяга.

Солдатик признался, что бежавший. Остановился Петр, покалякал с ним.

— Кто у вас ротный? Кто полковником?

Солдат сказал, кто. Петр вынул бумажку с карандашом, это все записал, стал спрашивать:

— С какого ты году?

— С такого-то.

— Отчего ты бежал?

— Да вина-то небольшая: потерял всего только одну пуговицу, да замучил меня полковник мукой и кажен день бьет. Оттого я и бежал.

— Ну а как, земляк, у вас в полку пища? Говядины по сколько варят?

— А так варят — только славу делают.

Петр Великий назвал земляком, Петрушей. Его солдат и спрашивает:

— А у вас в полку как?

— У нас варят по фунту на каждого солдата.

— Нет у нас этого, Петруша, нет ничего.

— А варят ли крутую кашу?

— Варят да никогда, а такую только варят, что крупинка за крупинкой, и на ложку не поймать.

Пойдем, землячок, куды-нибудь.

Долго ли, мало ли ехали, вечер их пристигает. Подъехали к высокому дубу, и говорит Петр Великий:

— Земляк, похрани моего коня, а я влезу на дуб, погляжу, нет ли где огонька.

Петр Великий полез на дуб, а солдат смотрит: у него у седла чумоданчик. Открыл его, посмотрел: там графинчик водочки. Вот солдатик из горлышка-то и потягал, похваливает себе: «Ах, да водочка какая хороша!» А Петр рассмотрел: в незнакомой стороне светится огонек. Он слез с дубу, подходит к своему коню, открыл чумоданчик, вынул графинчик да и смотрит.

— Ах, землячок, знать, ты чумоданчик открывал и водочки выпивал?

— Виноват, земляк, потянул.

— На-ка, потяни еще!

А вор-солдат да и гораздо потянул. Петр Великий сел на своего коня и поехал прямо в ту сторону, где виднеется огонек. А солдат за ним вприпрыжку, хмельной. Подъехали к огоньку — преогромный двор. Да на двор ворваться никак невозможно. Вот они думали, думали, как бы влезть. Солдатик вздумал да и говорит: «Слезь-ка ты с коня». Петр слез с коня, солдат вскочил на коня и перепрыгнул через ворота. Отпер их. Въехали они на двор и смотрят: где лежит рука человеческая, где голова... Петр Великий немножко оробел.

Ах, землячок, да не ладно! Кабы нам здесь живым быть? Должно быть, здесь нехорошие люди.

— Ну-ка я еще потяну!

Он водочки еще потянул, взошел к сенной двери, в комнату — навешаны престрашные орудия: разные сабли, ружья, и в этой горнице — одна старая старуха. Вот солдатик, как выпивши, смелый, с грубостью на нее закричал:

— А, старая ведьма! Дай-ка нам поесть!

Старуха видит, что он шибко на нее наступает, сейчас собрала им поесть. «Водки дай!» Старуха по стакану водки подала. Солдатик приурезал, а Петр Великий испугался: стакан в руки не берет и водочку не пьет.

— А что же ты, земляк, не пьешь? Что оробел? Двум смертям не бывать, а одной не миновать! Я на то ведь уж

пошел. Выпьем! Живы в руки еще не дадимся. Баушка! Живо! Дай нам овса!

Та амбар отперла и овса насыпала. Солдаты, что было у ней в печке жарено и варено, все поел и спрашивает: «А где ж, баушка, нам отдохнуть?» Показала старуха на суши-ла. «Там и спите»,— говорит.

Вдруг бряк, стук, скачут с колоколами, с побрякушками и гайкают, свищут — едут разбойники. Старуха выбегла, ворота отперла, на двор их впустила. Они лошадей выпрягли, корму задали, всходят в дом.

— Ну-ка, давай, хозяйка, поесть!

— Да нечего!

— Что такое?

— Да у меня есть два солдата, они все поели, чуть и меня-то не прибили.

Атаман и говорит:

— А где же они?

— Да вот на сушилах.

— Ну, ладно. Пушай лежат до время.

Старуха избу затопила, ужин заварила, потом, как поужинали, легли все спать. Ложимшись спать, и говорят:

— Надо их, солдат-то, убрать.

— Поспеем еще! Пушай лежат.

Как завечерело, Петр Великий и говорит:

— Как же, земляк?

— Ну, что же?

— Давай кониться, кому до полуночи спать ложиться, кому караулить; а то нас они похитят.

— Ну, давай!

Стали кониться; досталось Петруше караулить. Вот Петруша немножечко посидел, вздремал да и повалился, лег спать; а солдат не спит, на ногах стоит и сам себе и говорит: «Эка сонюля, а еще караулить взялся!»

Разбойник встал:

— Ну-ка, ребята, идите двое! Угломоните их там!

Один из разбойников и говорит:

— А чего двоим-то делать? Я один, еще мне и то мало двоих-то.

Надел оружие и побежал. Влез на лестницу. Петр Великий спит, а солдат во все глазыньки глядит. Только разбойник голову показал, как солдат размахнулся шашкой, да и голову долой. Атаман ждать-пождать — разбойника нет.

Послал другого. Он и другого так; а Петруша крепко спит. Солдат работает: как который ни покажет голову — с каждого долой. И всех до одного порубил. Атаман думает: «И куды ребята делись? Идти-ка самому!» Подошел к лесенке — их куча лежит. «А, так вон как!» Вбежал на лестницу, как голову показал — и с этого голова слетела. Кончились все. Ну, и стало светать.

Петр Великий спит, ничего не чувствует. Лег на часок — и всю ночь проспал. Солдат на свету будит Петра.

— Что это ты, земляк, за сонюля? Открой-ка мне чумодан-то, дай-ка я водочки потяну: измучился.

Петр встал, водочки ему подал и посмотрел с лестницы вниз. Испугался.

— Кто это, земляк, набил?

— А, сонюля! Ты словно из дворян: все ночь проспал, ничего не видал!

С сушилов слезли, вбежали к старухе в горницу, и говорят солдат, подняв на нее саблю востру:

— Старая ведьма! Айда, показывай нам, где у вас деньги лежат!

Старуха испужалась, подвалы отпирала; злата-серебра там множество. Петр Великий сказал солдату:

— Ну-ка, земляк, насыпай себе казны!

Вот земляк зачал насыпать и золото и серебро, и говорит:

— А ты что же, Петруша, не насыпаешь?

— Мне, земляк, не надо.

Взял немного, а солдат кругом себя деньгами обсыпал. Петр и спросил у старухи:

— А где же вот в такое-то место дорога?

Она вывела их на дорогу.

— Вот здесь,— говорит.

Солдат вышел на дорогу и снес с старухи голову. Поехали по дороге. Ехали долго ли, мало ли, выехали на свой трахт, к городу. Видит Петр Великий, что близко.

Ну, земляк, теперь прощай, в гости приходи.

— А где же мне тебя найти? Ведь меня там поймают.

— Иди, никто не тронет. Спроси только, где Петруша живет — всякий доведет.

Петр Великий въехал в свой город; несколько тут было застав, караульных солдат. Вот он приказал, чтобы каждый солдат таковому солдату прохожему честь отдавал, как ему.

Бежавший солдатик пошел. Подходит к первой заставе — караульные его встречают, честь воздают, как царю. Он жертвует им горсть золота и думает себе: «Вон что, паршивый, сделал! Как честь-то мне воздают! Знают, что у меня деньги есть». И пошел дальше. Покамест до царского дворца шел, которы деньги были, все роздал. Подходит к дворцу и спрашивает сторожей: «Где бы мне найти Петрушу?» (Ну, а Петр I всем уж рассказал). Все сторожа во дворец его принимали, Петру Великому доложили. Петр Великий одел на себя царскую одежду и вышел на крыльцо.

Солдат подошел к крыльцу, видит, что царь. Немножечко знает, как честь отдать,— честь отдал. Царь стал его спрашивать:

— Чей ты, откуда?

Солдат думает: «Ах, да вот где попал! Петруша куды меня довел!» Видит, дело плохо: Петр Великий его допрашивает. Солдат сознался (нечего делать-то):

— Бежавший я,— говорит.

Петр Великий со страхом сказал:

— Взять его на три суток на обвахту, а после трех суток отправить его в Сибирь на поселенье, навечно!

Солдат идет и головой только помахивает. Посадили его; солдат говорит себе: «Ах, да Петруша! Чего теперь делать?» Просидел трое суток на обвахте. Петр Великий надел на себя ту одежду, в которой с ним был, приходит.

— Здравствуй, земляк!

— Здравствуй, брат Петруша! Хорошо ты делаешь? Тебе не быть живому, да и мне тоже. Чай, знаешь, сколько я из-за тебя душ погубил? До чего ты меня довел?

— А что?

— Да вот я на обвахте сижу; только фунт хлеба да фунт воды мне, да еще мало того: навечно в Сибирь, на каторгу.

— Кто это сказал?

— Петр Великий сам сказал мне.

— погоди, земляк, я схожу к нему и попрошу, не отправить ли тебя в старый полк.

— Эх, да, брат любезный, постарайся и попомни мою добродетель.

Петр Великий тем же часом отправился, куды ему следует, приказал караульным с обвахты его взять и привести опять во дворец. Повели его к царю — и прямо на крыльцо. Петр Великий вышел, взял его за руку и повел в свое залo,

посадил в стул, сам в другую перегородочку пошел, царскую одежду скинул, надел охотницу, вышел.

— Здравствуй, земляк! Не робь, земляк. Останешься без последствий. Что тебе царь сказал?

Ничего не сказал.

— Вот я его переспрошу пойду.

Повернулся в другие двери, надел царскую одежду, подошел к солдату.

Здравствуй, земляк!

— Здравия желаю!

Ну, а что, ты Петрушу узнаешь ли?

— Да кабы пришел, когда бы не узнал.

А что, он на меня не помахивает ли?

Есть немножко.

Тут Петр Великий по головке его погладил, да и сказал:

Благодарю тебя, земляк, что ты спас меня!

Написал своеручное ему письмо и отправил его в свой полк, на казенный счет, заступить на то место полковником, а того полковника — на его место рядовым.

БРАТ АЛЕША

(вафиант)

55

Служил солдат на службе 25 лет. Вот тебе, отслужился и пошел домой. Шел-шел и говорит:

— Что ж я двадцать пять лет отслужился и царя не видел. Дай же я вернусь, погляжу царя.

Шел-шел и облудился он дорогою, и зашел в лес. И блудит по лесу. А царь, у какого он служил, был на охоте и облудился. И вот они сошлись вместе с солдатом.

Ну, ты, парень, где был?

— Да вот я служил, не видел царя, воротился и облудился.

Царь говорит:

И я тоже.

Солдат спрашивает:

— Как тебя звать?

Да назови брат Алеша.

— Ну, брат, где будем ночевать?

Ходили-ходили, никакого там селения не нашли. Этот солдат говорит:

— Ну-ка, подсади меня, я на дуб влезу, погляжу, не светится ли где огонек.

Влез он на дуб и глядит — светлеется огонек. Приезжают туда к этому двору — двор весь чугунный, на запоре, собаки лихие. Постучали — собаки заворчали. Выходит старая старушка, отворила.

— Не можно ли у вас переночевать?

— Можно,— отвечает старуха.

Отворила ворота, ввел он своего коня, прибрали коня, приходят они в избу, при ней немая девка одна. Попросили они чего-нибудь поесть. Старуха говорит:

— Нет ничего.

А ведь тогда солдаты были нахальные.

— Как это, печена мать, нет ничего?

Полез в печку, там есть мясо. Он вынимает.

— Брат Алеша, вот нам и кушанье.

Открывает шкаф, там водка есть. Он вынул:

— Ну, брат Алеша, пей.

Брат Алеша пить не стал. Солдат выпил, закусил.

— Где ж,— говорит,— нам спать?

Старуха ведет их на чердак. Брат Алеша уснул, а солдату не спится, как на часах.

И вот слышит конный топот, лошадиный грохот — двенадцать человек едут. Это все живорезы тут живут и только занимаются одной охотой — людей режут. Массой привезли кровавых платьев.

Тут приехали, старуха говорит:

— У нас гости есть, вот у меня на чердаке прибрата.

— Ну, на чердаке прибрата, это мы еще справимся с ними. Давай ужинать.

Сели они ужинать, попили-поели, какие дюжа пьяные, какие нет. Вот старый старик и говорит:

— Поди-ка, Ванька, прибери-ка их там.

Вот пошел Ванька-то, а солдат слышит, уж держит саблю наготове. Только он на чердак показался, он ему сейчас голову долой.

— Чтой-то там долго завозился? Поди-к, Сенька, ты!

— Чтой-то они там двое долго возятся, поди-к, Роди-вон, туда!

— Ну-ка-ся, Степка, прибери их там немножко!

А этот солдат столько управляется, им головы сымает один по одному.

Старик посылал, посылал один по одному — и всех двенадцать туда уж он послал. А этот солдат принялся за работу: всех по одному поклал.

Старик со старухой сидит и говорит:

— Это они хорошие стали там вещи делить.

Пошел старик себе, не терпится ему. Только он пока- зал голову, и покатилося у старика туда голова.

Вот тебе, солдат не спал. Вот стало рассветать, он брата Алешу толкал:

— Брат Алеша, проснись, огляди, что тут есть.

— Ах,— в испуге брат Алеша.— Что ж ты мне не сказал?

— У нас бы ошибка получилась, и ты бы с меня голову снял. Ну,— солдат говорит,— ничего. Гляди,— гово- рит,— стражей не прозевай, меня в обиду не давай.

Пришли они в хату, немая девка за дверью с ливор- вертом притаилась. Брат Алеша в хату не пошел, скочил солдат быстро, пропал немой выстрел. Вдруг ей брат Алеша голову снял.

Ухватил солдат старуху за душу, стал ее трясти, как грушу.

— Постой, служивый, не тряси.

— А ты, такая мерзавка, все Расскажи, что у тебя где есть, покажи.

— Ну, иди за мною. Вот платья.

Повела в выход, в земле вырыт трехэтажный. В од- ном этаже гужи да тяжи, в другом этаже платья да ши- нели.

А он говорит:

— Что бы вы, братья, были смелы.

А в третьем этаже — золото и серебро. Солдат брата Алешу зовет:

— Будет нам продолжать, давай-ка золото насыпать.

Солдат выпил вина рюмку, насыпал золота сумку. Куда еще больше девать? Скинул подштанники, давай насыпать. Брат Алеша сказал:

— Довольно, не донесешь.

Эту старуху убили, двери затворили и уехали. Ехали- ехали, выехали из лесу, там уж царство недалеко. Дал коня брату Алеше:

— Ну, ехай, а я пойду пошибчее.

Вот тебе, приехал царь и говорит:

— Пойдите вы этого солдата с музыкой встретьте.

Послал полк солдат. Не доезжая десять сажен, заиграли в музыку.

— Ах, какие,— говорит солдат,— хитрые, узнали, что я богат, стали с музыкой встречать.

Взялся он золото рассевать, некогда солдатам в музыку играть, кинулись деньги собирать. Пока он с ними поговорил, весь полк золотом наделил.

Высылает другой полк царь. Не доходя его в десяти саженях, стали в музыку играть.

— У какие, узнали, что я богат, то-то стали в музыку играть.

И стал опять солдат золото рассевать. И вот, некогда им играть, стали золото собирать.

Теперь последний полк, третий, встречает. Он со своим золотом совсем расстался, третьему полку золото досталось.

И царь выходит. Вышел царь, он посмотрел и с ним распрощался. Весел теперь домой пошел. Все он повидал, и царь спасся и спокоен душой стал.

56

ОХОТНИК ПЕТР ВЕЛИКИЙ

(вариант)

Петр Великий поехал на лошади, взял ординарца с собой, они друг друга не знали, и Петр взял и не сказал, что он Петр Великий, и тот не сказал, кто он. Ехали, ехали на лошадях и заплутались подле Ленинграда в большом лесу. Был ли, нет у них компас? Не знаю. Вот один спрашивает, как звать. Петр Великий был Алеша, а ординарец — Гриша.

Петр говорит:

— Гриша, встань на дерево, слазь, нет ли где-нибудь жилиго места, деревни, хутора.

Встал он на дерево, увидел: на расстоянии одного километра стоит дом. Они взяли направление на это место. Вывела их тропка, и подъезжают они к этому дому. Там жили разбойники. Мать у них была. Дом был там, двор, сарай.

Мать посмотрела в окно:

— Два служивеньких едут!

Подъезжают, спрашивают:

Есть чего поесть?

Она отвечает:

— Хлеб и чай с гусятиной.

Их покормила. А отец и четыре сына — разбойника, они притаенны в подвал были. После этого Алеша и говорит:

— Я очень устал. Нужно отдохнуть.

Она их наверх на чердак помещает. Двери там четыре метра высоты, а дверка узкая, лестница один метр высотой будет, а сантиметров двадцать шириной. Вот они уложились спать. Алеша быстро заснул. Как повалился — так и уснул. А Гриша не спит тот. Оружие при них современное было. Сабли или шашки обнаженные. Идет в подвал она, эта мать ихняя:

— Ага,— говорит,— два служивеньких приехали. Лошади стоят. Раз приехали, надать уничтожить их.

Тогда все они встали пять человек: отец и четыре сына. Отец говорит:

— Ну, Петр, сходи. Разве долго тебе с двумя справиться?

Алеша тут уснул, а Гриша не спит. Петр подходит. Только голову сунул, саблей тот ударил и безо всякого голову отрубил. Никакого звука. А отец-то с братьями думает:

— Что он там канителится с двумя-то?

Второй пошел туда. Второй входит. Обратно Гриша рубит голову. Труп оттянул — и все. Алеша, этот так и спит, а этот так и рубит.

Они посидели еще.

Ну, что они двое с двумя-то канителются?

Третий пошел. Лезет. Обратно, значит, рубит тому голову. Труп оттаскивает. Все тихо. Спокойно. Отец последнему:

— Иди-ка ты! Что там трое с двумя канителются?

Тот идет по коридору. Только голову сунул — тот ему обратно шашкой. Отбросил труп — и все. Отец один остался.

Что они четверо с двумя канителются? — думает.

Сам пошел туда. Мужик он матерый. Вся лестница скрипит. Тяжелая дверь-то была. Алеша тот немножко подхрапывает. А тот матерому голову отрубил. Оттащил. Подходит к Алеше, будит.

— Товарищ Алеша, подъем, вставай. Видишь, пахнет чем? Мы в доме разбойников.

Разбудил и приходит к старухе. Лошади там были.

— Что ты, старая ведьма, как наврала!

Гриша срубил голову старухе. Срубил, поехали дальше. Пошли проверить по клетям, что есть. В клетях положены люди зарубленные. Было богатство которое там: деньги, имущество, обувь — в клетки-то. Ну, вот, они ничего там себе не взяли. (Сказка есть сказка.) Лошадей покормили, попоили, покормились. Так и звались они — Гриша с Алешей. Так и говорит Гриша:

— Садись на лошадь, поезжай за мной вслед.

Вот они поехали. В воинскую часть приехали, а их ищут там. Ну, пока ничего не сказал ему Алеша. Так и расстались. Вот Гриша ушел отдыхать. Петр Великий все сделал, что надо, была воинская часть. Организовал, все построил, одел полководческую одежду. Вот тогда разбудил Гришу. А Петр Великий рассказал все: как поехали, куда попали, что произошло среди них. Если бы они оба уснули, то Петр Великий бы погиб. Ну, Гришу крестом наградили. Георгиевский крест. Такой будет сказке конец. Так кончается сказка, как спасся Петр Великий.

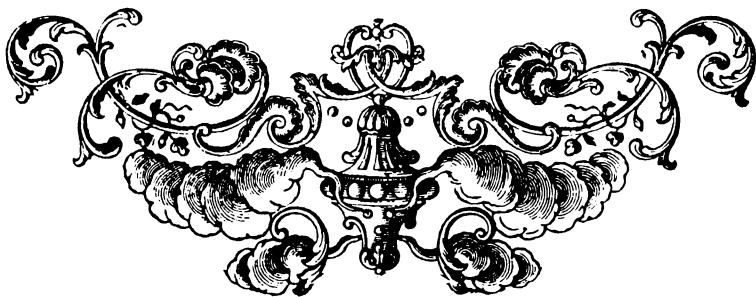

ЦАРЬ, ТЫ САМ
СЕБЯ РАССУДИЛ

V

РАЗДЕЛ

ПЕТР ПЕРВЫЙ И ШУТЫ, ЮРОДИВЫЕ

Я Штслин
«Подлинныес
ждоты о Пес-
тре Великом»

«Я знаю, что и я подвержен погрешностям и часто ошибаюсь, и не буду на того сердиться, кто захочет меня в таких случаях остерегать и показывать мне мои ошибки...»

Анекдоты о Балакиреве, бывшем при дворе Петра Великого шутом

«Поскольку Россия своей образованностью опоздала против прочих стран Европы, то и мода на дураков и шутов в ней была продолжительнее. Петр Великий, желая образовать Россию на европейский вкус, старался ввести в употребление благородные увеселения, как то: ассамблеи, балы, маскарады, спектакли и т. п. Не отвергал и шутов, но, как гений, пользовался ими для других целей: чтобы они окружающим его вельможам высказывали горькие истины в обществе. На жалобы вельмож на шутов он отвечал: «Что ж мне делать с ними? Они дураки...»

57

ТЫ ДУРАК?

«Точно ли говорят при дворе, что ты дурак?» — спросил некто Балакирева, желая ввести его в замешательство и тем пристыдить при многих особах. Но он отвечал: «Не верь им, любезный, они ошибаются, только людей морочат, да мало ли, что они говорят? Они и тебя называют умным; не верь им, пожалуйста, не верь».

Жил мужичок со своей женой и все прищучивал. Вышел на дорогу, поставил горшочек и варит кашу. Вокруг ходит да приговаривает: «Кипи, кипи, горшочек, не плесни!» Подошло 12 человек мастерового народу к нему туды. «Что вы варите?» — «А варю кашу». — «А что бы нас накормил!» — «Можно,— говорит,— садитесь». Посадил их, зачал варить кашу и накормил их досыта. Каша еще осталось. За то и прославился. Дошло дело до Петра Первого. Петр-от Первый приказал ему: когда Петр потужит, ен его развеселит, когда весел, ен его притуманит.

Сказал Петру Первому: «Вы берите меня начальником хоть над мухами!» Петр I сказал: «Будь ты начальником над мухами!»

Был у его бал большой, собраны были генералы и князя. Пришел и Петр Первый. Он (шут.— *Сост.*) на одного генерала больно сердит был. Сделана была у его шалапуга, фунта три, такая. Вот ходит, значит, по горнице, выглядыва-ет. Выглядывал, выглядывал, подвернулся под генерала, да по лысине хлоп шалапугой! И ен со стулом ковырнулся. Тут все закричали: «Что ты, что ты делаешь?» А шут ответил: «Ах ты, стерва проклятая! На такое лицо не моги садиться!» Петр улыбнулся Первый. Но перед начальником было советно, и приказал дать три лозана *, и за это подарил ему шубу еотовую.

Шут через несколько время с шубой идет от государя. Попадаетея ему генерал навстречу. Шуба пондравилася. «Шут, говорит,— отдай мне шубу!» — «Купи! За что я купил, за то и продам». — «Все равно,— говорит,— отдам те же деньги, что и ты дал!» — «Когда возьмешь за то, что и я дал, дай мне расписку, а я тебе шубу отдам!» — говорит. А у шута была трость. Ен дал расписку шуту, а шут снял шубу с плеч и этой тростью как съездит по спине генерала! Тот заревел дурным матом. «Ой, подожди, еще два раза дам!» Тот не поспел встать — ен его еще раз ожуравил. Так и в третий раз.

Государю это было неприлично: генерал пожаловался. Ен прогнал его с земли со своей: «Чтобы тебя не было на зсмле здесь на моей!» А шут взял лошадь и телегу, запряг и отправился в Швецию. Приехал к шведскому королю: «Отдайте мне земли,— говорит,— пудов десять!» Король

три
три удара
прутьями.

ему сказал: «Бери сколь угодно и так!» А шут ответил: «Мне так не надо!» Взвесили десять пудов и сделали купчую крепость. Поклад земли в телегу и поехал домой. Идет мимо царского дворца. Петр Первый увидел его. «Ты что, проказник, опять приехал на мою землю? Чтобы тебя не было!» А шут ответил ему: «Врешь, Петр Алексеевич! У меня своя земля привезена из Швеции! Вот погляди, где у меня купчая крепость есть на нее!» Вынул, подал Петру Алексеевичу. Тот прочитал и сказал: «Поезжай домой, полно, проказник!» Он и живет дома.

59

СКАЗКА ПРО ЦАРЯ ДАВИДА

Слух прошел и до государя Петра Алексеича дошел, что вот такой-то есть шут Балакирь, и он много знает рассказов разных. Государь требует его к себе, чтоб шут Балакирь явился к нему. Ну, делать нечего, надо являться. Приехал он в город. Добирается до Петра Алексеича. Петр Алексеич его принял. Угостил его как следует быть.

— Ты,— говорит,— можешь прибауток много рассказывать?

Он и говорит:

— Знаю, государь, если понравятся вам.

Государь отвечает:

— Да каждая может понравиться.

— Так есть,— говорит,— хорошие, есть худые, так все хороших не наберешься.

— А именно, какие худые есть?

— Да вот первая про царей, другая про князей, а третья про простых мужиков. Так все, царь, выбирай, которая лучше.

Петр Алексеич поинтересовался про царей, как он царь.

Шут Балакирь:

— Ну, вот, начнем. Возьмемся за царя. Вы слышали, царь, такую прибаутку. В нашем царстве, в нашем государстве был царь Давид. И он был молодой, красивый и любил он чужих жен к себе забирать, которая ему понравится. Так что там дети, не дети остались, а заглянет, что хорошая идет — давай ее сюда. И вот он царствовал несколько лет.

Однажды, в прекрасное время, шла одна мадам. Одежда на ей была ничего, сама была красивая. И он в окошко заметил ее и кричит: «Верните эту сюда!»

Ну, вот, вернули, привели к царю Давыду ее. Давыд ее держит неделю, две и домой уже не спускает. А у мужика осталось двое ребят: один грудной, а другому года полтора. Ну, думает: «Как же мне от царя Давыда взять свою жену? Так он мне не отдаст».

Идет мужик с жалобой. Пришел и говорит царю Давыду:

— Царь Давыд, рассуди мою обиду. У меня, государь, была одна овца. У этой овцы было двое ягнят. А к овце пришел волк и съел эту овцу. И остались малые ягнята. Так что этому волку сделать?

А царь Давыд ему отвечает:

— А вот я рассужу так тебя: иди возьми ружье и убей этого волка, чтоб он не ел той овцы, которая с ягнятами.

Мужик ему и говорит:

— Государь, так вы мне дайте бумажку, а то я, если пойду того волка искать, то скажут: куда он пошел? А будет у меня бумажка от вас, что вы своей рукой запишите, что этого волка убить из ружья, тогда я смело убью.

Когда он ему написал, мужик взял от его расписку и говорит ему:

— Царь, ты сам себя рассудил. У тебя жен много есть, а у меня одна жена. И у меня осталось двое ребят, а ты взял ее сюда. Так вот ты волк и есть! Теперь я имею право застрелить тебя.

Тогда царь Давыд упал мужику в ноги и начал просить у его прощенья:

— Оставь живого меня. Я больше не буду иметь много жен. Клянуся сам собой, что я буду доволен и одной. Бери свою жену, иди домой, и я тебя награжу еще деньгами.

Мужик взял и пошел. Ну, вот, про царей сказка моя вся.

Петру понравилась эта сказка.

— Да, шут Балакирь, молодец! Ну, так оставайся у меня жить.

Шут Балакирь и остался жить.

Шут Балакирь стал как на службе у Петра Великого жить. Он ему сказал: «Ты меня царем не зови, а зови — Петр Алексеич». Какие бумаги дают подписывать государю, он у шута Балакиря все спрашивает: можно ли их подписать, али нет. Ну, вот он посмотрит: «Это можно, государь, подписать, это нельзя». Вот Плещеева осудили на расстрел. Он спрашивает:

— Что, шут Балакирь, правильно это, аль нет?

— Да, можно сказать, что и правильно, а можно сказать, что неправильно. Ну, вы хотя и царь, да впереди не широк один.

— Да как же так? — он спрашивает у шута.

— Так вы вот так подпишите, чтоб завтрашний день вывели Плещеева на такое место и расстрелять его, и я там буду.

Государь и подписал это. Когда эту бумажку послали туда, чтоб вывести его на расстрел, то шут Балакирь собрал девяносто девять плешивых (он знал, что Плещеев плешивый) и приказал им:

— Когда государь придет, я крикну, так вы все шапки сымайте.

Значится, государь пришел, чтобы Плещеева расстреливать (а того не знал, что Плещеева шут Балакирь оставил в тюрьме), то шут Балакирь крикнул:

— Шапки долой!

Он и рапортует:

— Вы приказали мне привести сто плешивых, а я только нашел девяносто девять.

Государь видит, что шут Балакирь вступился за Плещеева, что действительно девяносто девять стоит плешивых. Государь усмехнулся и говорит:

— Ну, так теперь до сотни добавить плешивого Плещеева!

Плещеева выпустили. Царь велел разойтись всем, и Плещеев в том числе пошел с ними. Министеры и говорят: «Хоть не подноси государю ни одной бумаги подписывать!»

Шут Балакирь своим порядком работает. Как придут с каким докладом государю, то надо раньше докласть шуту Балакирю, а шут Балакирь докладает уже государю, что вот такой-то пришел.

А шут Балакирь знал, что вот такого-то дня должен министр прийти к государю с докладом. Шут купил десяток яиц, в корзину поклат, соломки поклат и уселся.

Тут является главный министр к ему. Шут сидит в коридоре. Министер говорит ему:

— Доклады государю, что я пришел!

— Так вот поспеешь! — шут Балакирь отвечает.—

Приказ строгий у нас. Государь вот посадил меня на яйца и захотел, чтобы были цыплята у нас свои, так мне некогда. Так ты вот сядь, чтоб яйца не холодели, а я сбегаю государю скажу. Потом я сяду, а ты пойдешь туда.

Министер садится на яйца, чтоб не холодели, а шут Балакирь побег к царю и говорит:

— Пойдем-ка, Петр Алексеич, посмотрим, как министр на яйцах сидит, цыплят выводит.

Вот и идут в коридор. А министр сидит. Он и говорит:

Вот, Петр Алексеич, видишь: министр сидит на яйцах, так он хочет цыплят вывести, подарок Вам принести.

Министер встает, посмотрел: там десяток яиц и есть. Ну и сказал государю министру:

Пойдем же.

Ну, тут министру совестно было пред государем, что шут Балакирь подвел.

ПРИДИ ЗАВТРА

Некогда одна бедная вдова заслуженного чиновника долгое время ходила в Сенат с прошением о пансионе за службу ее мужа, но ей отказывали известной поговоркой: «Приди, матушка, завтра». Наконец, она прибегнула к Балакиреву, и тот взялся ей помочь.

На другой день, нарядив ее в черное платье и наклеив на оное бумажные билетцы с надписью «приди завтра», в сем наряде поставил ее в проходе, где должно проходить

государю. И вот приезжает Петр Великий, всходит на крыльцо, видит сию женщины, спрашивает: «Что это значит?» Балакирев отвечал: «Завтра узнаешь, Алексеевич, об этом!» — «Сей час хочу!» — вскричал Петр. «Да ведь мало ли мы хотим, да не все так делается, а ты взойди прежде в присутствие и спроси секретаря; коли он не скажет тебе «завтра», как ты тотчас же узнаешь, что это значит».

Петр, сметив сие дело, взошел в Сенат и грозно спросил секретаря: «Об чем просит та женщина?» Тот побледнел и сознался, что она давно уже ходит, но что не было времени доложить Вашему Величеству.

Петр приказал, чтобы тотчас исполнили ее просьбу, и долго после сего не было слышно «приди завтра».

63

БАЛАКИРЕВ ВОЗОБНОВЛЯЕТ СТАРИНУ

— Как бы мне отучить бояр от грубых привычек их? — сказал однажды государь Балакиреву.

— Мы их «поподчуем стариной», — отвечал последний, — а чтоб действительно была цель наша, то мы состроим свадьбу какого-нибудь шута придворного.

— Ну, и дело, — сказал государь. — Исайков надоел мне просьбою о женитьбе. Ты будешь его дружком и поусерднее поподчуешь их стариною!

— Только вели, государь, побольше купить жиру, перцу и самого дурного полугару, — сказал шут.

Во дворце Лефорта Балакирев устроил все к свадьбе в старинном вкусе и обычаях, а государь приказал, чтобы к назначенному дню все вельможи со своими женами съехались в старинном русском наряде. Наконец началась пирушка. Балакирев, как дружка жениха, приусердно подчевал гостей стариною, а особливо тех, которые негодовали на нововведения царя. Когда же недоставало его усилий к угощению, то он просил о том государя, которого повеление довершало намерение.

Можно представить, как приятно было такое угощение самым даже грубым староверам, которые, не оставляя старых обычаев, платья и бороды, познакомились, однако ж, охотно с лучшими кушаньями и винами. И как жестока была для них такая насмешка!

С тех пор они стали уже не так грубы, как прежде.

Один из камергеров был очень близорук и всячески старался скрывать этот недостаток. Балакирев беспрестанно трунил над ним, за что однажды получил пощечину, и решился непременно отплатить за обиду.

Однажды во время вечерней прогулки императрицы по набережной Фонтанки Балакирев увидел на противоположном берегу, в окне одного дома, белого пуделя.

— Видите ли вы, господин камергер, этот дом? — спросил Балакирев.

— Вижу, — отвечал камергер.

— А видите ли открытое окно на втором этаже?

— Вижу.

— Но подержу пари, что вы не видите женщины, сидящей у окна, в белом платке на шее.

— Нет, вижу, — возразил камергер.

Всеобщий хохот удовлетворил мнению Балакирева.

ПРИЧИНА И СРЕДСТВО

65

Один из придворных страшно страдал зубами; придворный этот был большой говорун. Вот он обратился к Балакиреву, не знает ли он средства, как унять боль.

— Знаю и причину, знаю и средство, — сказал в ответ Балакирев.

— Скажи, ради Бога.

— У тебя болят зубы оттого, что ты их очень часто колотишь языком — это причина.

— Оставь глупости, пожалуйста, говори, какое на это средство?

— А средство, — чаще спи и как можно более.

— Почему так?

— Потому что язык твой во время сна находится в покое и не тревожит зубов.

ОТЛИЧНЫЙ ПОДАРОК

66

Один из молодых придворных сильно оскорбил Балакирева, за что последний решился торжественно отомстить

ему. Зная, что этот молодой человек страстно влюблен в одну прекрасную фрейлину императрицы, Балакирев начал неутомимо его преследовать, чтоб какнибудь поссорить его с нею, к чему и открылся ему следующий случай.

Молодой придворный, гуляя один в саду государевом, рассуждал вслух о любви своей к фрейлине и о желании доказать ей свою преданность каким-нибудь отличным подарком. Среди этих сладких мечтаний он увидел первую созревшую ягоду клубники и решился поднести ее своей возлюбленной. Желая заметить клубнику, он накрыл ее своею шляпою и поспешил во дворец отыскать фрейлину. Балакирев, преследовавший его и слышавший все, бросился в кухню, взял довольное количество теплой гущи и, сорвавши под шляпою клубнику, положил на место ее гущу, накрыл тою же шляпою и отправился во дворец.

Вот появились в саду любовники. Молодой человек, с пламенным выражением чувств своих, подводит свою любезную к шляпе и со вздохом изъясняет ей желание, чтобы он был для нее столь же мил и приятен, как приготовленный им подарок, и просит ее достать подарок, не снимая шляпы, чтобы тем более удивить ее.

Фрейлина, исполняя его желание, опускает прекрасную свою ручку под шляпу и погружает ее в гущу. Выхватив поспешно руку из гущи и увидав ее замаранною чем-то неблагообразным, она закипела гневом и, вспыхнув от стыда, замаранною рукою запечатлела на лице коварного сильную пощечину.

В это мгновение является государь с императрицею, сопровождаемый Балакиревым; можно вообразить смущение и отчаяние любовников и изумление государя и государыни.

67

НАУКА ИЛИ ПРИРОДА?

Одного мастера присудили к повешению. А Петру жалко его было. У него был кот. Петр, когда сам сомневался в вине кого-нибудь, сажал этого кота на стол и если кот опрокидывал чернильницу, то всегда казнил преступника.

Вот пришел к нему шут Балакирев и заспорил:
— Что сильнее — природа или наука?

Петр говорит, что НАУКА, а шут Балакирев — природа.

Шут Балакирев хитрый был. Он поймал мышь, привязал к веревочке и спустил в трубу. Петр посадил kota на стол, а мышь как зашевелится в трубе! Кот прыг со стола, чернила все разлил и за мышью: всю жалобу-то и залил.

— Наука, дрессировка или природа? — спрашивает шут Балакирев.

Вот, видимо, природа сильней науки.

«Успехи в рукоместве поселили в Петре I большую уверенность в ловкости своей руки: он считал себя и опытным хирургом и хорошим зубным врачом. Бывало, близкие люди, заболевшие каким-либо недугом, требовавшим хирургической помощи, приходили в ужас при мысли, что царь проводит об их болезни и явится с инструментами, предложит свои услуги. Говорят, после него остался целый мешок с выдернутыми им зубами — памятник его зубоврачебной практики».

В. О. Ключевский. «Петр Великий, его наружность, привычки, образ жизни и мыслительный характер»

БАЛАКИРЕВ НАКАЗЫВАЕТ СВОЮ ЖЕНУ

68

Петр Великий, как всем уже известно, бывши в чужих краях, занимался, между прочими науками, медициною и любил дергать зубы.

Балакирев, поспорившись за что-то с своею женой, хотел наказать ее чувствительным образом. С печальным видом приходит он к государю, который, заметив грусть его, спрашивает, что с ним сделалось?

— Ах, государь,— отвечает Балакирев,— у меня давно страдает зубами жена и мучится ужасно. Сколько раз ни упрашивал я ее, чтоб она выдернула этот зуб, но она по упрямству своему никак на то не соглашается!

— Я избавлю ее от мучений; я сам больной зуб выдерну,— сказал Петр.

— Нет, государь, она и Вас ни за что не послушает; такая упрямая, что Боже упаси.

— Ну, так мы ее насильно вылечим,— сказал Петр.

— Она не стоит того, чтоб Ваше Величество трудились вокруг нее! — продолжал Балакирев.

— Да надобно же и ее, и тебя избавить от мучений,— сказал государь и, взяв инструменты, вместе с Балакиревым и двумя ординарцами отправился к мнимой больной.

Когда же начала она уверять и клясться, что у ней никогда не болели зубы, то государь, почитая это за упрямство, приказал ординарцам насильно посадить ее на стул и держать, чтоб она не трогалась; потом спросил у Балакирева, какой болит у нее зуб. Тот немедленно указал ему самый здоровый. Государь выдернул его и начал утешать ее, что болезнь ее скоро кончится.

Вскоре потом хитрость Балакирева открылась. Государь и государыня очень много тому смеялись.

69

НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

Один раз Петр Великий так был рассержен Балакиревым, что прогнал его совсем не только с глаз долой, но вон из отечества.

Балакирев повиновался, и его долго не было видно.

По прошествии долгого времени Петр, сидя у окна, вдруг видит, что Балакирев с женою едет в своей одноколке мимо самых его окон.

Государь, вспомнив о нем, рассердился за ослушание и, выскочив на крыльцо, закричал:

— Кто тебе позволил, негодяй, нарушать мой указ и опять показываться на моей земле?

Балакирев остановил лошадь и сказал:

— Ваше Величество! Лошади мои ходят по вашей земле, не спорю, так как вы и не лишали их отечества, а что касается меня с женой, то мы на своей земле.

— Это как так?

— Весьма просто и обыкновенно: извольте посмотреть, вот и свидетельство на покупку земли.— Балакирев при этом подал царю бумагу.

Государь засмеялся, когда увидел на дне одноколки с пуд земли, и, прочтя свидетельство на покупку шведской земли, простил Балакирева.

Шут Балакирь говорит:

— Петр Алексеич, хотя бы мы съездили теперь на охоту. В синод я теперь не хожу, свобода есть. Охота было б поохотиться.

Они отправляются на охоту. Шут Балакирь поймал ворону живую, крылья срезал, что она далеко не улетит, и надумался Петра Алексеича поддеть немножко. Государь берет собак, а он ворону. Вот едет на охоту и рассуждает. Петр Алексеич и спрашивает:

— Шут Балакирь, к чему ты эту ворону везешь? Что она может поймать?

Он ему и говорит:

— Да моя ворона может больше поймать, чем ваши собаки!

Государь усмехнулся:

— А что же,— говорит,— она может поймать?

— А вот, что она поймает, Петр Алексеич, отдашь мне?

— Да, отдам, не жалко, что твоя ворона поймает.

— Ну, так дайте мне бумажку.

Государь ему дал бумажку. Подъезжает вот к такому городу, как Петрозаводск, большой. Он ворону пускает.. Ворона с кареты скочила на дом. Тут бегают ребята. Они кричат:

— Ловите, ребята, эту ворону, это царская ворона!

Ну, вот ребята за этой вороной, а она с этого дома на другой прилетит. А он все едет и кричит:

— Ловите, ловите царскую ворону!

И она весь город проскакала до конца. Шут Балакирь и говорит:

— Вот видите, Петр Алексеич, что моя ворона поймала?

Государь и говорит ему:

— Верно, шут Балакирь! Ну не жалко этого города отдать тебе за твою мудрость. Ну, дак оставайся же в этом городе. Город твой. Будем ездить друг к другу. Что случится — так и я к тебе подъеду.

Шут Балакирь и остался в этом городе проживать.

Вот шут Балакирь прожил несколько время в своем городе, приезжает в гости к Петру Алексеичу. Приехал он, и гостят они. Царица и рассказывает:

— Что ж ты один приехал? Почему ты своей жены не привез сюда в гости?

Он и говорит:

— Знаете, государыня, я бы привез свою жену к вам, да она очень глухая, так что ей надо кричать да кричать.

Государыня рассказывает:

— Так если глухая, так что ж такое? Я покрепче буду кричать.

— Ну, я в следующий раз привезу ее, дня через два.

Шут Балакирь приезжает домой и говорит жене своей:

— Знаешь ты что? Царица хочет, чтоб ты приехала к ей в гости со мной. Да она очень глухая, царица, ей надо кричать да кричать.

Тая отвечает:

— Дак что ж, — я покрепчей покричу.

— Ну, так поедем.

Шут Балакирь приезжает со своей женой и ведет ее к царице и говорит:

— Вот, государыня, и жена моя! Так вы покалякайте с ей, а я пойду к государю.

Они стали калякать.

Царица громко кричит ей:

— Что ж ты раньше не приезжала?

А тая еще кричит, чтоб царица слухала. Даже по всем комнатам пошел гул. Петр Великий спрашивает:

— Что это, шут Балакирь, там крик такой?

А он отвечает ему:

— Это, наверно, Петр Алексеич, наши старухи разговаривают так.

— Да что они — тихо не могут говорить?

— А не знаю, Петр Алексеич.

— Так вот, сходи узнай, чего они там кричат.

И вот они пошли оба к своим старухам. Приходят, Петр Алексеич спрашивает:

— Чего вы так кричите?

Царица рассказывает:

— Так поневоле надо говорить громко: шут Балакирь сказывал, что у его женка глухая.

А шута Балакиря женка отвечает:

— А мне сказал, что государыня глухая.

Они все засмеялись и стали тихо говорить...

Ну, и вот, сказка кончается, время к полночи подвигается, рассказчик спать захотел...

«Безумие одно оценивает столь дорого сии блестящие безделки (алмазы); а суетность, спутница безумия, возбуждает желание украшать себя оными; сие безумие и сия суетность столь далеко простираются, что ежели бы нашлся алмаз с ручной жернов, то, кажется мне, что, невзирая на его тяжесть, повесили бы и оный на шею».

И. И. Голиков.
«Деяния Петра
Великого»

ПЕТР I И ВАСИЛИЙ КЕССАРИЙСКИЙ

72

Петр Первый много выпивал, много гулял и много работал. Он все-все сам делал и после каждой работы любил пойти поохотиться. Любил он русский народ, а солдат и странников особенно. К нему раз приходит странник, Василий Кессарийский. Это было дело в Петербурге. Пришел Василий Кессарийский к Петру Первому, он налил ему чару вина и сказал:

— Василий Кессарийский, за ваше здоровье.

— За ваше счастье.

Василий выплеснул чару за окно. Петр налил другую. Он также поздравил царя и выплеснул за окно. Петру это не понравилось. Он говорит:

— Василий, я тебе наливаю, чтоб ты выпил, зачем ты выплескиваешь?

А Василий отвечает:

— Ваше сиятельство, Москве жарко, город надо залить, вот видите, я выплеснул две чарочки, все и потухло.

Петр налил третью чару, он его поздравил и выпил. Поговорили кой о чем, закусили, и Василий ушел.

Петр I взял гусиное перо и книгу, в которой он все отмечал и записывал, правда или нет, что Москва горела такого-то числа, и послал гонца узнать. Когда гонец в Москву приехал и доложил, что приехал от царя узнать, горела

ли Москва, ему сказали: горела очень жарко, дружина работала очень хорошо, и потухло сразу. Когда возвратился гонец и доложил, что правда горела Москва, Петр взял гусиное перо и записывал все это в свой дневник. И еще пуще полюбил Василия.

Приходит раз Василий, а жена Петра говорит:

— Покажи Василию мою брошку (а она золотая, большая, с бриллиантами) — пусть он оценит.

Они как раз в ту пору обедали. Петр взял брошку, подозвал Василия:

— Василий, оцени Катину Брошку, сколько она прилично стоит.

Василий поглядел брошку, взял хлеба с полфунта:

— Вот этот кусочек хлеба стоит, а то и вряд.

Екатерина приподнялась из-за стола и ушла. Она обиделась, что она царица и носит такие дешевые брошки. А Петр сказал Василию и моргнул на жену:

— Неправильно ты оценил.

А Василий говорит:

— Нет, правильно, Петр Алексеевич, я вот живу девятый десяток без золота, а если не дать вам три дня хлеба, и вы эту брошку за него отдадите. Вы люди зажиточные, ничему не верите, а мы люди бедные, всему верим, ведь может так случиться. Вот, например, вы богатый царь и можете обеднеть, ничего не иметь и умереть без куска хлеба.

73

ПЕТР ПЕРВЫЙ И ФАДДЕЙ БЛАЖЕННЫЙ В ЦЕРКВИ

Петр I был у литургии в Петропавловской церкви. По окончании службы, выходя из храма, Петр заметил стоящего у порога старца Фаддея и обратился к нему с такими словами:

— Здравствуй, Фаддей! Как много сегодня народу в церкви!

Народ густой толпой валил из церкви за царем.

— Народу! Нет, царь! Мало сегодня народу.

— Как мало?

— Да всего полтора человека было. Я был, да ты, царь, до пол-обедни, а потом и твои мысли по Сионским горам ходили.

Царь ничего не возразил на слова Фаддея, но только признал его за истинного проницателя.

ПРЕДСКАЗАНИЕ КОНЧИНЫ ПЕТРА ПЕРВОГО

74

В последний раз Петр Первый имел разъезд на заводы. Уезжает и говорит на прощанье:

— Прощай, Фаддей, в молитвах поминай и на путь благослови.

Фаддей отвечал:

— Господь Бог благословит вхождение и исхождение твое отныне и до века.

Сам плачет и слезы ронит:

— Не бывать,— скаже,— не бывать, надежа-государь, не бывать в живых.

Царь заметил последнее слово и велел арестовать юродивого.

На другой год, как пришла к нему смертная немощь, он вспомнил о блаженном Фаддее. Послал гонца на Петровские заводы, приказал освободить от ареста и производить ему до смерти пенсион.

На иной год умер и сам блаженный Фаддей.

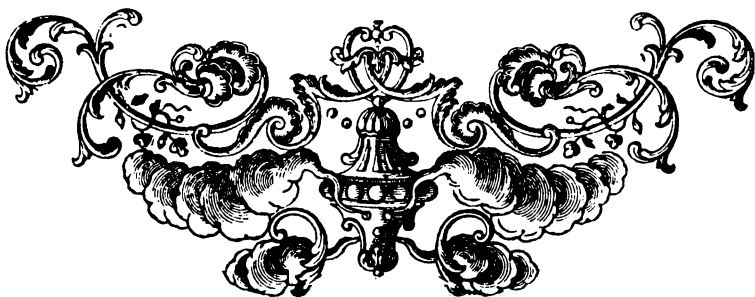

ВОТ ТАКОЕ
РЕМЕСЛО...

VI

РАЗДЕЛ

ПЕТР ПЕРВЫЙ И ВОРЫ, ПЬЯНИЦЫ, ПРЕСТУПНИКИ

«За признание — прощение, за утайку нет помилования. Лучше грех явный, нежели тайный».

Рассказы Нартова о Петре Великом

«Неблагодарный есть человек без совести, ему верить не должно. Лучше явный враг, нежели подлый лстец и лицемер; такой безобразит человечество».

Я Штелин.
«Подлинные анекдоты о Петре Великом»

«Когда государь повинуется закону, то да не дерзнет никто противиться оному».

И. И. Голиков.
«Деяния Петра Великого»

«Знаю я, что меня называют жестоким и мучителем, однако, по счастью, те только чужестранцы, кои ничего не знают об обстоятельствах, в коих я сначала многие годы находился, и сколь многие из моих подданных препятствовали мне ужаснейшим образом в наилучших моих намерениях для отечества, и принудили меня поступить с ними со всякою строгостью, но не жестоко, а менее еще мучительно».

75

ПЕТР НАКАЗЫВАЕТ ЯБЕДНИКОВ

Колико юриспруденция в государстве нужна, тому не требуется доказательств. Но «юриспрудент без знания совершенного наук касательно до сей части есть невежа в науках, а мудрец в ябедах», — говорит славный Ришелье. Таковых-то ябедников великий государь ненавидя, издал

закон: кто на правого бьет челом и то сыщется, то поступить с челобитчиком так, как следовало бы с ответчиком, ежели бы оказался он виновным. Бессовестнейшие же из ябедников еще строжайше чего были наказываемы от него.

Один московский купец бил челом на соседа, что корова его, ворвавшись к нему в огород, поела его капусту и причинила ему убытку на 300 рублей. И просит убыток сей взыскать с него. Так как его высочество в сие время находился в Москве, то и не сокрылась от него таковая ябеда. Он приказал суду свидетельствовать в огороде его, сколько поедено капусты и причинено ему убытку. И поскольку не могло уже быть пристрастное свидетельство, то найдено, что капусты поедено (в чем и весь убыток тот состоял) не больше как рубля на три. Донесено о сем государю, и монарх повелел с бессовестного сего просителя взыскать триста рублей и отдать оные ответчику, соседу его. А сверх того взыскать с него же в казну 3000 рублей и употребить оные на построение мундиров солдатам Преображенского полка.

А дабы коварный проситель и все московское купечество такового решения не забыли, повелел впредь писаться ему Капустиным.

НИКОЛА-УГОДНИК И УБИЙЦА

76

Князь Федор Юрьевич Ромодановский, известный под названием Князя-Кесаря, заведывал преображенским приказом. При своей страшной жестокости, изумлявшей самого Петра, этот человек был набожен и почитал Николая-угодника. Раз, накануне Николина дня, один колодник, содержащийся в приказе за убийство, объявил, что имеет сообщить князю нечто очень важное. Ромодановский велел привести к себе арестанта. Тот бросился в ноги и стал просить, чтобы его отпустили в деревню к родным — провести с ними последний раз праздник и проститься, так как, вероятно, его скоро казнят. Кесарь был озадачен такою неслыханною дерзостью.

— Да как ты смеешь просить об этом, злодей! — закричал наконец князь, придя в себя от изумления.

— Помилуй, отец мой! Святой Никола-чудотворец воздаст тебе за это сторицею.

— Кто же будет за тебя порукою? — спросил, уже смягчившись, князь Ромодановский.

— Сам святой угодник. Он не попустит мне солгать.

Начальник приказа задумался, потом заставил разбойника поклясться в том, что он непременно вернется, и затем отпустил его в деревню, которая находилась где-то недалеко от Москвы.

Враги князя тотчас же донесли об этом государю. Петр приехал к его кесарскому величеству и спрашивает:

— Правда ли, что ты отпустил разбойника?

— Отпустил, но только на пять дней, чтобы он простился с родными.

— Да как же ты мог это сделать и поверить злодею, что он вернется?

— Он дал мне в том порукою великого угодника Божия, который не попустит ему солгать.

— Но когда он мог убить человека, то что стоит ему солгать святому, и тем более, что он уличен в убийстве и знает, что будет казнен.

Но князь стоял на своем.

— Ну, дядя, смотри, чтоб не отвечать за него тебе, если он не будет в срок, — сказал государь.

В назначенный день преступник явился в приказ, благодарил князя и сказал, что теперь готов с радостью принять заслуженную казнь.

Обрадованный князь поехал к государю и доложил об этом. Петр удивился и потребовал к себе арестанта.

— Знаешь ли ты, что за убийство, совершенное тобою, ты должен быть казнен?

— Ведаю, надежа-царь.

— Как же, ведая, возвратился ты на верную смерть?

— Я дал в том порукою св. чудотворца Николая. К тому же я заслужил смертную казнь и приготовился к ней покаянием. Да если б я и вздумал сбежать, то св. Николай не попустил бы мне того, я рано или поздно был бы пойман и еще большую потерпел бы муку.

Петр всегда оказывал снисхождение, когда видел чистосердечное раскаяние, и прощал всех, кроме убийц; но на этот раз он так был тронут, что приказал заменить смертную казнь для этого преступника солдатскою службою в одном из сибирских полков.

Проходит царь по Москве и увидал мужика пьяного, лежит он в грязи. Он приказал взять его, раздеть плохую одежду, одеть в хорошую, положить в царскую спальню и одному служителю одеться в белые одеяния.

А мужик спал. И проснулся, и видит необыкновенное сияние, зеркала... Он испугался и обрадовался и думает: «Где же я теперь?» И крикнул: «Ой, ой, где я теперь?» Прибегает слуга и говорит ему:

— Ты, брат, теперь у Бога.

— А ты кто ж такой?

— Ангел.

А мужик спрашивает (голова у него болит с похмелья):

— Дает Бог водку?

— Пойду, спрошу у Бога.

Приходит к Петру слуга и говорит:

— Просит мужик водки.

— Дай ему две рюмки и пирога.

А мужику этого мало, хочет еще:

— Ангел, спроси у Бога, даст ли он еще водки?

Петр приказал:

— Дать ему графин водки и пирог целый!

Подали. Мужик напился, наелся и говорит:

— Слава тебе, Господи, что меня Господь принял в царство этокое. Тут буду жить до веку!

Выпил еще, закусил и лег спать. Царь приказал его опять одеть в скучную одежду и положить в ту же грязь, откуда его взяли. Мужик еще спал, а Петр подослал слугу подслушать, что этот мужик будет говорить. Мужик проснулся и, глаз не открывая, зовет:

— Ангел!

А глаз не открывает. Потом второй и третий раз. Потом открыл глаза, посмотрел: лежит он в грязи. Он тогда и подумал:

«Господи, прости ты меня, что я, когда был в царстве твоём, согрешил, за то ты меня из царства прогнал. Я еще водки попросил, а было б с меня и двух рюмок. Я уж теперь остался на земле».

Царь хочет узнать, кто у него воровал. Оделся он в шутовское платье и в рынке стал ходить, посоиваться * меж людей. Ходит царь, посоивается, и вор посоивается. Друг дружку заметили ворами. Вор у царя спрашивает:

— Воровать не пошли?

— Можно воровать.

— А к кому пойдем?

Царь отвечает:

— К царю.

Вор царя по косице ** и хлесть!

— Ах ты, так твою мать! Давно ли воруюшь, а уж к царю идти хочешь. Я веки ворую, да на царя-то никогда не думал воровать.

— А к кому тогда пойдем воровать? — спрашивает царь.

— А к боярам, у их деньги-то даровые!

Пошли воровать к боярам. Пришли к чердаку, а в верхних этажах огонь — собрание. Вор железны храпы *** вынул, на руки — на ноги наложил, полез по стене. А там советуются, как царя кончить. Придумали позвать его к себе да поднести чару. Чару выпьет — дак сам помрет. Слез вор со стены, дал царю когти, велел кверху лезть, самому послушать. Царь залез, послушал, отозвал оттуль вора. Отошли они подале, царь снял с себя шутовское платье и оказался в крестах и эполетах. Вор на коленки пал, извиняется, что царя по косице ударил. Царь его простил. Повел царь вора во дворец.

— Когда бояре меня позовут к себе, то я тебя назову иностранным купцом и возьму с собой. И будут мне подавать чару, я и спрошу: «У вас как: который наливает, тот вперед выпивает, или которому подают?» Ты и ответишь: «Который наливает, тот вперед выпивает».

Позвали бояре царя, пошел царь с вором, вор наряжен иностранным купцом. Стали царю подавать чарку; царь спрашивает:

— Как в ваших местах: тот выпивает, кто наливает, или как?

Купец отвечает:

— Который наливает, тот первый и выпивает.

Царь приказал подносчику вперед выпить. Выпил

посоиваться
соваться.

косица
сок.
храпы
ти.

подносчик чару, да тут и помер; схватили всех, сколько тут было бояр, каких расстреляли, каких на воротах повесили. А вора царь себе думным доспел.

ГОСУДАРЬ И ВОР

(вариант)

79

Ходил Государь Петр Великий по Москве по городу в ночи один, и встретился с ним вор. Государь спросил его, что он за человек, и этот вор сказал, что он вор. И вор Государя спросил: «А ты что за человек?» Государь сказал: «Я такой же вор, как и ты». И государь с тем вором побратался крестами, и вор назвался большим братом, и Государь меньшим. И стал тот вор Государя звать воровать, и Государь сказал: «Разве идти воровать во дворец?» И за то вор Государя бил дубиною и говорил Государю: «Пойдем воровать лучше к Сенатору».

И пошли к тому Сенатору, и, по приходе, вор влез на окно и слушал, что говорят, и услышал, что тот Сенатор говорит: «Завтра надобно мне звать Государя к себе в гости и отравить до смерти». И вор кликнул Государя, чтобы он те слова услышал. Государь влез на окно, услышал те же слова. Подошли они в кладовую Палату и покрали денег, сколько им надобно было. Стали на пути, и вор Государю говорит, чтоб те деньги между собою разделить. А государь сказал: «Неси ты деньги домой, а я завтра их возьму, потому что теперь мне домой принести их нельзя». А вор Государю говорит: «Ты меня завтра где найдешь?» А Государь ему: «Как Государь в Кремле пойдет к обедне и все люди станут на колени, а ты на колени не вставай, и потому я тебя и узнаю». И поутру так тот вор и сделал, и взят был тот вор.

ВОР БОРМА

(вариант)

80

В одной деревне жил вор Борма. Один раз он ходил в город, но ничего не мог украсть. Идет домой, а дорогой ехал архиерей. Борма лег на дорогу и обернул экипаж. Архиерей взял плетъ и давай водить * Борму. А Борма приговаривает: «Ты сколь меня накажешь, я втрое отпла-

водишь
бить, коло-
тить.

чу». Вот архиерей остановился ночевать. Борма обул когти и влез на стену и говорит: «Архиерей, архиерей, вставай! Ты угоден Богу. Я пришел за тобой». Посадил его в суму и унес к собору в город и подписал, что кто пойдет в церковь, должен колонуть два раза. Вот начали архиерея наказывать, а когда развязали суму, он еле жив сидит.

Архиерей дал знать царю. Царь узнал, начал делать преследование, как бы поймать Борму. Раз ночью царь нарядился воров и пошел по улице. Ему, понятно, встречу Борма. Царь говорит: «Ты кто?» — «Я вор Борма». — «Пойдем тогда вместе воровать!» — «А куда пойдем?» Царь говорит: «Пойдем к царю». Вор Борма как задаст ему: «Я, — говорит, — за царску денежку сам удавлюся. Пойдем лучше к господам». И пошли.

Приходят. Стоит дом четыре этажа. Вор Борма обул когти и полез по стене. А тут держат совет окормить царя. Слез Борма со стены и говорит: «Эх, земляк, там хочут царя погубить. Как бы его спасти?.. Давай поменяемся фуражка-ми, а завтра я свою узнаю, и ты свою. А ночью подумаем».

На другой день приходят в собор. А когда вышли из церкви, царь обернулся к Борме и говорит: «На пир меня звали». Вот они сели в экипаж и поехали. А дорогой Борма и говорит: «Когда будут подносить вина, ты говори, что я боле тебя чином. А я знаю, что сделать».

Приезжают. Царь, понятно, сказал, что «Борма выше меня чином». А вор Борма и говорит, что «в наших местах хозяева началуют» *. Хозяин выпил и упал мертвый. Тогда Борма говорит: «Поедем домой, здесь одна смерть».

Приехали домой. Царь и говорит: «Чем тебя награ-
дить?» — «А мне ничего не надо. Дай только такой указ,
чтобы канфорова ** посуда одна была». Тогда господа всю
золотую и серебряную посуду продали и держат одну
канфорову. А вор Борма день торгует, а ночь ворует ту же
посуду, которую днем продал. И до того догнал всех
господ, что оставил без гроша. Наконец и наездился.

пробуют
тя куша-

канфорова
фарфоровая
(посуда).

Едет король. Заинтересовался одним мужиком. Тот
рожь сеет. Сеет-посеет. Остановится. То посеет, то остано-
вится. И все тихо так...

Король подъезжает. Спрашивает:

— Что ты делаешь? Почему останавливаешься?

Я знаю, в какую минуту сеять.

Король засмеялся и сказал:

— Ты, наверное, знаешь, и когда ты умрешь?

А крестьянин:

— На второй день пасхи.

— А когда я умру?

— На второй день рождества.

Заинтересовался.

— Ты знаешь, когда ты умрешь и когда я умру. А от смерти избавиться можно?

Говорит:

— Вам можно, а мне нельзя.

Король и говорит:

— А как мне избавиться?

— Воровать надо идти. Да!

Теперь улыбнулся король и поехал. А все-таки занятно!

Во второй день пасхи он присылает посыльного, узнать, правда ли старик умер или нет. Приезжает посыльный — действительно старик умер. Докладывает королю.

Король задумался.

«Значит, он не путает!» Король стал все более и более задумываться. «Такое ремесло, что и в мыслях не было».

Переоделся в простую одежду и идет по Фонтанке, на толкучку, на Александровский рынок. Видит — идут два оборванца. Он к ним:

— Друзья! Вот дельце есть...

— Мы это и ждем!

— Я нездешний, а здесь дельце есть. А пойдем министра обворовывать!

А король бывал в гостях — это его первый друг был, знает, где буфет, где несгораемый шкаф. Объясняет:

— Там вот буфет...

— Ты знаешь, ты и полезай!

Король полез по водосточной трубе. А там заседание. Собрались все министры. И друг речь говорит:

— На второй день рождества я сделаю бал и приглашу короля. Всем налью серебряный кубок, а королю — золотой. В золотой кубок насыплю яду. Мы и избавимся от этого короля!

Король так и подумал:

«Вот где смерть-погибель моя! Теперь уж не проведут!»

Дождались, когда разбрелось собрание. И более от злости пошел он громить. Очистил все дочиста. Теперь все выгрузили, стали делить. Он ничего не взял.

— Это вам, а я пойду своей чередой. Что надо — во дворец идите. Спросите только Ивана I (или там Ивана II), и вам скажут: «Бросьте это грязное дело, пойдемте на хорошее!»

Уже те пропили, проели. Пришли к нему. Он объявил, что он король, оставил их на службе и сделал своими телохранителями.

А на второй день рождества — бал. Пригласили его на бал. И вот налили королю золотой кубок, но король знает, что там отрава есть. Он отказывается:

— Я тебе так доверяю, что выпей мой золотой, а я серебряный,— говорит,— вас выше себя ставлю! Вы — мой, я — ваш.

Министр отказывается, но уже нельзя. Он принудил его выпить:

— Или тебе могила!

Тому только и осталось выпить. Он и отравился. С тех пор царь стал верить некоторым деревенским приметам.

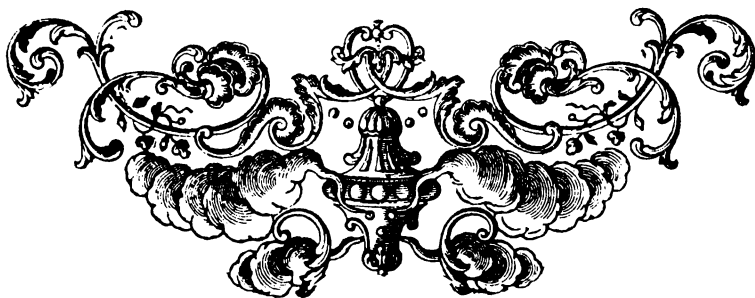

ВСЕ ЖЕНЫ
ОДИНАКОВЫ

VII

РАЗДЕЛ

ПЕТР ПЕРВЫЙ И ЖЕНЩИНЫ; СЫНОВЬЯ ПЕТРА ПЕРВОГО

Рассказы На-
ртова о Петре
Великом

*«Забывать службу ради женщины непростительно.
Быть пленником любовницы хуже, нежели быть плен-
ником на войне: у неприятеля скорая может быть
свобода, а у женщины оковы долговременны».*

В. О. Ключев-
ский. «Петр Ве-
ликий, его па-
ружность, при-
вычки, образ
жизни и мыс-
лей, характер»

*«Великий знаток и устроитель своего государства,
Петр плохо знал один уголок его — свой собственный
дом, свою семью, где он бывал гостем. Он не ужился
с первой женой, имел причины жаловаться на вторую
и совсем не поладил с сыном, не уберег его от вражеских
влияний, что привело к гибели царевича и подвергло
опасности самое существование династии».*

82

ПЕТР ВЕЛИКИЙ В СТЕКОЛЬНОМ *

Государь и его ближние люди были за морем; ходил он по немецким землям и был в Стекольном — в то время Стекольное царство в немецкой земле держала девица.

Невзлюбила она нашего государя, стала ругаться над ним: ставила его на горячую сковороду, а сняв со сковороды, велела бросить его в темницу.

А как девица была именинница, князя и бояре ее стали просить:

— Пожалуй, государыня, ради такого своего дня вы-
пусти его, государя!

И она им сказала:

С
Стокго-
льмск.).

— Подите и посмотрите, буде он валяется. Ради ва-
шего прощения выпущу его.

И князя и бояре, посмотрев его, сказали:

— Томен, государыня.

И она им сказала:

— Коли томен, так вы его выньте.

И они, вынув его, отпустили.

И как пришел он к нашим боярам, они сделали бочку
и набили гвоздей, и в ту бочку хотели его положить.

А про то проведаль стрелец, прибежал к государевой
постели и говорит:

— Царь-государь, изволь встать и выйти! Ничего ты
не ведаешь, что над тобою учинится.

И он, государь, встал и вышел, и тот стрелец на
постелю лег на его место. И бояре пришли, и, с постели
схватя, положили в ту бочку и бросили в море.

ПЕТР ПЕРВЫЙ УБИВАЕТ СВОЕГО СЫНА

83

...Выходит великий государь на корабельное строение
и сыну приказ отдает:

— Теши брус без нитки прямо!

Сын тесал-тесал и припортил. Великий государь
с конца посмотрел в отвес: брус во многих местах спорчен.
Сердце его не могло стерпеть. Рассердился, взял анышпук *
на корабельном строении, на Васильевском этом острове,
ударил сына по плечам.

Мог сын после этого удара только трои сутки жить
и кончился. Государь великий, Петр Алексеевич, написал
своей рукой: «Отцу только и наказание за сына — на трои
сутки на овес на воду».

анышпук —
искаж. ган-
д ш н у г
деревянный
или метал-
лический
рычаг для
подъема тя-
жестей на
о р а б
проф.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И ТРИ СОЛДАТА

84

Было его дело в Петербурге. Однажды шли по Петер-
бургской по мостовой улице три солдатика. А Петр Ве-
ликий любитель был в штатской одежде похаживать. И шел
за этими солдатами, позади их. А они были как раз
подвыпивши. И занимаются там разговором разным, так,
между собою.

Как раз неизвестный купчик едет в коляске. Один из солдат и говорит: «Ой, кака прекрасная коляска! Так бы и прокатился на такой коляске!» А второй и говорит: «Что это на такой коляске? Вот я бы на государственной коляске, вот бы прокатился!» Третий: «Это,— говорит,— что! Нет, вот я бы с вельможами посидел в кругу». — «Что, это ничтожное дело! Вот я бы Екатерину Его... (взял бы замуж)».

Этот Петр Великий все его выслушал. Подходит к ним: «Позвольте вас, солдатики, пригласить в ресторан, угостить! Я,— говорит,— вообще солдат уважаю». — «Конечно, кто как понимает: которые уважают нашего брата, а которые и пренебрегают». Он одно настаивает, что «я солдат уважаю». Согласились и зашли.

Он потребовал дюжину пива. Выпили, вторую. Хорошо. И начал спрашивать: «Вы в котором взводе служите?» Первого спросил, сказал; второго спросил и третьего. «Хорошо, я к вам побываю на праздники, в свободное время, погуляю с вами в казармском буфете: я до страсти люблю солдат». Когда вышли из ресторана, уже сделались они очень пьяные, эти солдаты. «Извозчик, отвези их в казармы». Рассчитался с извозчиком и отправил.

Они приехали, расхвастались: «Вот какой нам человек попал, запоил нас в ресторане! Вот приедет он к нам в праздник, посмотрите: денег-то у него сколько, страсть!» Легли спать.

Завтра от Государя Императора приходит денщик, докладывает дежурному по роте, что «такие такие-то солдаты; таких-то рот здесь?» Дежурный взял записку: «Эти лица здесь». — «Пушай немедленно сейчас они собираются к Государю Императору налицо».

Живо они почистили амуницию свою, собрались и пошли.

Когда пришли, он выходит. «Здравствуйте, братцы!» — «Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!» — «А что, вы были или нет вчера в городе?» — «Да, были». Подумали они: «Неужели мы ему — вчера шли пьяные — да честь не отдали?» — «Виноваты, Ваше Императорское Величество, потому что мы были очень пьяные». — «Ничего, ничего! Но только шли тогда, так какую речь вели между собою?» — «И право, мы не можем запомнить, выпивши были». — «Нет, когда вы ешо были в веселом виде, тогда что говорили? Быть может, про меня?»

Один сознался: «Виноват, Ваше Императорское Величество, я вот что говорил: вот бы в Вашей коляске прокатиться». — «Хорошо! Идите, — лакеям скричал: — Прокатите его!» Он сел и проехал улицу. «Ну, как? Хорошо ли в коляске кататься?» — «Очень даже приятно». — «Изволь целковый, ступай опохмеляйся!»

Второй: «Я говорил, с важными вельможами посидеть бы в середине». — «Хорошо». Скричал вельмож. «Сиди!» Сел, сидит, немного посидел и стал. Государь и спрашивает: «Ну как, хорошо?» — «Так точно, Ваше Императорское Величество!» — «Изволь целковый».

Речь дошла до третьего. Тот туда-сюда... «Ничего, ничего, говори!» — «Я вот что говорил, Ваше Императорское Величество.. Велел налить ему Государь три бокала водки-сивухи: золотой, серебряный и медный. Тот выпил. «Ну, что, водка какая — разная или одинаковая?» — «Одинаковая, — говорит, — сивуха!» — «Так, — царь говорит, — и жена одинаковая: что моя, то и крестьянская!»

ЦАРЬ ПЕТР И ХИТРАЯ ЖЕНА

85

Был-жил царь Петр Первый; был он хитрый, мудрый, собрал он себе бояр на думу.

Что же вы, мои думные бояре, думаете? Я хочу непосеяно поле пожать — можете ли отгадать?

Не знаем, Ваше царское величество.

— Ну, отгадайте, а не то голова с плеч.

Дай нам сроку трое суток.

Ну вот, они пошли по улице думу думать эту; шли по улице поперечной — поворотились, пошли по продольной, увидели старый дом, широкий, большой и двери худые, рассыпались, не заложены; зашли они в этот дом, в доме двеница полы моет. Сначала от них за печку, одела верхнюю рубашку, выходит:

Не дай Господи тупой глаз и безухо окно.

Домыла она полы, вынесла на улицу грязную воду, вымыла руки и села на лавку.

Куда же вы, господа министры, направились?

А вот царь накинул службу — заганул загадку; можем гадать: хочет непосеяно поле пожать.

— Вы это-то уж не знаете? Подьте скажите царю: Вы будете начинать, а мы Вам будем помогать.

— Что ж, матушка, мы чего-то поесть хотим.

— А вы чего хотите: плеваного или лизаного?

— А поставь нам, матушка, лизаного.

Она поставила им ушки чистой и рыбки белой на стол. Сели и поели, вышли, Богу помолились.

— Что же, матушка, плевано, а что лизано?

— Да вы уж и этого-то не знаете?

— Не знаем, матушка.

— Понапрасну на того царя хлеб едите, даром: вы бы спросили у меня плеваного — я бы поставила вам ушки ершовой, вы бы ели да плевались, а вы просили у меня лизаного — я поставила вам ушки чистой, вы рыбку съели и блюда облизали.

Министры от ей и вон пошли. Приходят к царю и говорят:

— Ваше царско величество, вы будете начинать, а мы будем вам помогать.

— А кто же вам сказал это?

— Есть в этакой улице прекрасная девица.

— Нате снесите девице этой золотник шелку, пусть она мне соткет ширинку.

Министры снесли девице и отдали.

— Велит царь соткать ширинку.

Дала им девица красного дерева с шитню иголку:

— Доспее царь мне чивчу да бердо — я ему сотку.

Министры пришли к царю и отдают ему в руки.

— Велит вам доспеть чивчо да бердо.

Царь в руки взял и головой покачал.

— Подьте, министры, сватайтесь к этой девице.

Не пиво варить, не вино курить — веселым пирком и скорой свадьбой. Приезжает царь на карете, берет девицу, и поехали в божью церковь венчаться.

Живет царь с молодой женой, и, чтобы он ни подумал своим умом сделать, жена все его опередит. Собрал царь опять своих думных.

— Что же вы, мои думные, главные, думаете? Жена хочет хитрее меня быть — как я буду с ей жить? Хочу ее за это казнить. Я удаляюсь в иностранные земли на три года, возьму под собой жеребца-иноходца, а у царицы останется в доме кобыла — может ли она, чтобы ей кобыла родила

такого жеребца, как подо мной? И теперича: она остается от меня не беременна — сможет ли она родить такого сына, как я есть, царь? И еще: оставляю у ей порожний чемодан под двенадцатью замками, а ключи увезу с собой — может ли она накласть злата-серебра, да чтобы ни один замок ни повредить?

Соорудил корабль и удалился в иностранну землю. И царица через немного времени соорудила корабль, берет с собой чемодан порожен, злато-серебро кладет в мешок, берет с собой кобылу и удалилась в ту же землю. Пристала она в том же городе, доведася царя и выпрашивает:

— Где царь на фатере?

— А супротив принцева дворца.

Попросилася она к принцу на постой. Заводит кобылу в белокаменны конюшни, подстригла свои волосы по-мужски, назвалась принцем и наблюдает, куда ходит царь. Ушел царь в трактир, увидел карты хороши:

— А в эдаки карты поиграть бы!

«Принц» подхватился.

— Что даром карты мять? Положить какой-нибудь залог — дак и играть можно. Положим так: если я проигрался, с меня сто рублей за дурак, а ты проиграешь — двенадцать ключей мне-ка на ночь подержать.

И пошли они на фатеру, и проигрался царь, и отдал свои двенадцать ключей принцу на ночь. Царица принесла ключи, развернула чемодан, наполнила златом и серебром допoлнa, поутру ключи назад — и опять наблюдать: куда царь пошел, и она принцем за ним. Зашел царь в трактир, увидел хороши карты.

— Эдакими бы картами поиграть!

А принц подхватил:

— Чем даром карты мять, положим залог: я проиграю — с меня 200 рублей за дурак, ты — жеребца-иноходца мне-ка на ночь подержать.

И проиграл царь жеребца-иноходца принцу на ночь, и пошли они с игрища домой. Запустили жеребца в белокаменны конюшни, вязали его ко столбу, а кобыла ходит проста. Жеребец томился, да оборвался, скочил на кобылу, она и обходилася. Поутру жеребца домой. Опять наблюдает принц царя. Ушел царь в трактир — принц за ним. Опять карты хороши увидал царь, говорит:

— Ах, в эти бы карты поиграть!

А принц опять говорит:

— Что даром карты мять? Давай положим залог: если ты проиграешься, я с тебя 300 рублей за дурак, а я проиграюсь — даю женщину тебе на ночь.

Начали играть в карты, проигрался принц. И говорит царю:

— Приходи ко мне во втором часу ночи.

Сдела царица свое мужское платье, надела женское, волосы подвила и ходит, на столы яства готовит. Бежит царь во втором часу ночи, у дверей колотится. Услышала, вышла и запустила его. Сажала за стол, потчевала водочкой из рюмочки, и того, и сего просит его закусить, а он просит скорей на кровать повалиться. А она говорит:

— Молчи, еще ночи довольно.

Наконец, повалились спать и опочин держать *. Поутру встали, простились, царица склалась в корабль и отправилась в свою землю.

Прошло времени три года. Срезает царь свой корабль и отправляется домой. Приехал, встречают его сенаторы на пристани корабельной. Выходит царь на гору; жена идет и на руках сына несет. Поздоровались, вошел в свой дом, хватил свой чемодан, разомкнул, видит — наложено злата-серебра до полна. Взглянул в зеленый сад и видит: кобыла в садике, а под нею такой же жеребчик, как и под ним. Призвал министра и допрашивает: «Как же могла она dospеть?»

Взял сына на руки, подошел к зеркалу.

— Таков же, как и я.

Царь говорит:

— Я хочу ее за это казнить. Как вы думаете?

Министры говорят:

— Нельзя безвинного человека казнить.

Жена и говорит:

— Ваше царско величество! Ты в иностранной земле ходил в трактиры и шанки?

— Ходил.

— Играл с принцем в карты?

— Играл.

— Проиграл жеребца на ночь?

— Проиграл.

— Ты ведь мне проиграл. Я жеребца увела да до своей кобылы ипустила. А на ночь ключи проиграл?

— Проиграл.

*опочин дер-
жать
спать
(устар).*

Ты ведь и ключи мне проиграл. Играл ты в третий раз?

Играл.

— Выиграл у принца женщину себе на ночь?

— Выиграл.

— Ты ведь с меня выиграл и ночь со мной на кровати играл: вот твой сын на тебя и походит.

ПРО ДОЧЬ МЕНШИКОВА И ПЕТРА I

86

У Меншикова дочь красавица была. И был садовник при доме, уже пожилой человек. Меншиков просил его присмотреть за Лидой, когда она на прогулку выходит. Этот проходил Петроградом, встречается с Петром I, императором.

— А, постой-ка, приятель! Ты где служишь, каким солдатом?

— Служу у графа Меншикова, ваше императорское величество.

— А, постой-ка, друг, я давно встречи ждал с тобой: расскажи, как Лида у Меншикова, куда ходит на балы? Как бы мне свидеться с ней, поиметь знакомство?

— Не знаю как, ваше императорское величество. Строго блюстят родители ее, и я приставлен смотреть, как она по саду прогуливается.

— А ты мне помоги — я тебя награжу, могу на свободу тебя отпустить.

— Не знаю ваше императорское величество.

— Не знаешь ты, когда Лида ходит гулять?

— А на закате она ходит купаться в бассейн.

— А как она там: затворяется на крючок или так, просто?

— А не знаю, ваше императорское величество.

— Завтра можно будет ее увидеть?

— Вы следите сзади сада; я калиточку не запру, а чтобы мне не наделать шуму, я удалюсь. А вы там заходите и делайте, как вам надо.

— Ладно,— говорит,— я тебя награжу.

Ну, тогда Петр день, два караулил. Лида купалась, а все у ей бассейн был заложен на крючке. И только на третий день она очень разгорелась; гуляла по саду, забегает

в бассейн — и забыла запереть. Только разделась, как он — хлоп к ней! Дверь на крючок. Она скрестила руки и говорит:

— Что вы, император, делаете?

— Я ничего не делаю.

— Да разве можно такое похабство над девушкой?

— Ну что, тут ничего такого нет.

Он ее кладет на площадку и... Встает уходить.

— Нет, постой,— говорит,— император, так не уходи, и ты теперь искупайся со мной.

Ну, он не противился: разделся, залез в бассейн. Она достает из кармана его именные часы и перстень:

— Вот, император, если у меня родится сын,— ему часы; если дочь — перстень.

— Что ты,— говорит Петр,— да это позор будет мне и тебе, как узнают.

— Тебе не знаю, а мне позор: уж я наплевала отцу в бороду.

— Ну что ж,— говорит Петр,— пусть по-твоему будет.

— Так вот, император, часы и перстень для памяти.

— Ну, до свидания, не сердись на меня, что я тебя укараулил.

— Раз ты мог такой момент словить, то что я могу сделать: я девушка беззащитная.

Уехал, получил свое удовольствие. Ну, то, бывало, Меншикова Лида поздравляла с добрым утром, а теперь ее отец будил каждый день.

— Что это ты, Лида, какая-то сонная?

— Ничего, так,— говорит,— я, папа.

Прошло месяца четыре с половиною — тут уж ей толчок сделали ножки. Приходится что-то придумывать. Ну, как у графини, была у ней мамка. Когда один раз эта мамка сидела у ей в светлице, подзывает она ее:

— Знаешь что, мамка, можешь ты мою тайну сохранить? Со мной такой грех случился. Ты должна помочь в моем греху.

— Да что ты, матушка, что только тебе будет угодно, все для тебя сделаю.

— Устроишь так: я сделаюсь больной, месяца два полежу, ты способствуй мне перед папашей. Я такую солью штуку-пулю!.. Лекарство я буду в таз, а ты — в помойку яму

выливать. Я сделаюсь матерью — и придется мне расстаться с дитем. Пойду на три года в монастырь, ты — со мной. Куда я, туда и ты со мной.

Ну, вот, она давай хворать, хворать, чахнуть, чахнуть, давай ее отец лечить, лечить, но только нет никакого облегчения.

— Нет, никакие меня медикаменты не вылечат,— говорит она отцу,— я сон видела: я посвятить должна себя в монастырь на три года. Какой-то старец явился мне: иди, говорит, в монастырь — и выздоровеешь.

— Ну так что ж, деточка,— говорит отец,— помолись, поживи в монастыре, только бы ты была жива. (Не было у Меншикова больше детей.)

Ну, тогда понемножку стала вставать она, сделала завещание, маленько стала есть, стала подтягивать корсет, чтоб незаметно, что она брюхата. Тогда носили кринолины — под ними ничего не поймешь.

Так — день, другой, осталось суток пять до отъезда в монастырь. Она говорит отцу:

— Дорогой папаша, надо ехать мне.

Он — оставлять ее:

— Останься, мол, устроим большой вечер на прощанье, поживи, в монастыре там скучное дело.

— Нет, папаша, больше не могу — надо ехать.

Тот, конечно, стеснять ее не стал, приказал заказать лошадей, собрали что надо в дорогу; она незаметно кучеру дала денег, чтобы вез, куда прикажет. Села помягче — и черт те бери, только колеса забрякали. Любаву-матку с собой посадила и отправилась в монастырь.

Стали они к монастырю подъезжать, ну, она будто притомилась, да и повозка была проходная (на почтовых она поехала). Остановились ночевать в деревушке. Она заказала, чтобы, что она потребует, все бы у них было, горничная чтобы всякий раз сейчас же могла прийти. Хозяин говорит: «Пожалуйте, милости просим, вот горница вам есть отдельная». Сейчас притопили, втащили туда вещи, и вот они поселились с Любавой.

Вот ночью начала она мучиться (растрясло ее еще дорогой-то), ну, значит — родить. Родился у ей мальчик — вылитый Петр I, красавец, волосы из кольца в кольцо. Говорит, чтоб все убрать, чтоб дело это никому не было известно. Мамка Любава все обстригала, грязь прибрала.

— Ну, что,— говорит,— Лида, будем теперь делать?

— А вот что,— говорит.— Вот тут в пакете пять тысяч, возьми вот два куска материи, заверни все и отнеси его в монастырь.

Ну, Любава берет все и отправляет его в Соловецкий монастырь. Луна была ущербная. Подходит она к монастырю: сидит привратник у ворот, монашек-старик, сидит, клует носом, потом взял прилег и храпит. Она тихонько подкралась, положила, тот — храпит. К утру старик заметил, как младенец закричал, соску ищет, выпала соска у его. Старик подымается: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий...» Глядит: младенец завернутый лежит. Да чудное существо, красавец какой! Доложили игуменье, монашенка-черничка пришла, взяла пакет, прочитала: «денег пять тысяч, мать неизвестна, ухаживать за дитем как можно ловчей».

Игуменья взяла это дело на себя, окрестила, дали имя Павел, стали воспитывать; деньги положили до возраста лет, когда он возвратиться с ученья должен.

Ну, она вырастила его, лет восьми мальчик стал, давай его учить. Подходит время — отдали его в училище. Вот стало ему годов 15. Возмужал Меншиков внучек, стал тогда жаловаться, что ученики дразнят его, что нет у него родителей. Ну, тут рассказали ему, мальчик узнал, что он подкидыш. «А так-так! Несчастный я человек!» — «Да, тебя,— говорят,— девушка родила, вот и подкинули, чтобы ты матери своей не знал».

До чего ему пошла грамота! Он лучше учителя все изучил. Тот глядел, глядел... «Слушай,— говорит,— я тебя не могу больше учить; если хочешь, иди в наперситет, высшую науку изучать».

Ну, ладно. Живет в монастыре. Похаживает, посматривает, а монашки закидывают глазки, молитву стали забывать. Наконец, приходит игуменья и говорит:

— Мой милый, тебе семнадцать лет, ты уж мужчина, мы не можем тебя больше здесь держать.

А учиться до чего был горазд: играет на гитаре, на арфе и выучился петь — так поет, что закачаешься. А он как привык к им:

— Как же,— говорит,— мама, не могу с вами расстаться.

— Ну,— говорит,— здесь нельзя. Вот твои пять тысяч

рублей (мать твоя неизвестная оставила), я их не утратила, получи, тебе пока хватит, пока на службу не определишься.

Он получил пять тысяч, пошел с учителем попрощаться. Учитель подарил ему арфу, гитару.

Нанял он подводу, выехал в Петроград. Походил по Петрограду, остановился в гостинице. У содержателя ее была дочь — хорошая, красивая. Откупил он себе номер, живет. Вот один раз заиграл он на арфе. Что ты! И на гитаре играет — да какой у него золотой голос! Народ прямо не может пройти. Окошко открыто, толпа прямо всю улицу загрохотала, полицию вызвали.

— Папа,— дочь говорит содержателю гостиницы,— вы наймите этого человека, может быть, он займется со мной музыкой. Ты смотри, как он рассыпается — и я могла бы так играть.

Ну, он пошел. Заходит к нему:

— Молодой человек, моя молодая дочь хочет тоже научиться этой музыке; не пожелали бы вы с ней заняться?

Тот рассмеялся.

— Почему же,— говорит,— можно заняться, если она хочет. Я сам до сих пор учился да хочу вот отдохнуть, пока подыщу себе место.

— А сколько будет стоить это удовольствие?

— Ну, уж это сколько вы положите.

— Ладно, я сделаю так: вот тебе двести рублей в месяц и стол готовый.

Ну, он молодой человек, и она девица молодая. Играть-играть, да заиграли и совсем другую штуку. Вот один раз сидят, обнимаются, а мать его, Лидия Меншикова, уж все сведения собрала, когда и куда он должен приехать. Она туда-сюда, по гостиницам, по трактирам — нет и нет. А по городу слава идет, что в такой-то гостинице молодой музыкант и певец, какого еще свет не производил. Вот она в эту гостиницу и пыхнула.

— Не проживает ли у вас восемнадцатилетний человек здесь?

Хозяин подходит:

— Да, вот в пятом (или там шестом) номере дочь мою музыке обучает.

— Приведи, мне нужно этого человека непременно видеть.

Повел он ее, подходят к двери тихо. Отворяют, она

залетает туда: он сидит на диване, а она у него на правой ноге сидит, обнял ее и целуются.

— Ну, дочка!

Она вскочила, изменилась вся в лице.

— Здравствуйте, здравствуйте, молодые люди! Помогай вам Бог заниматься на музыкальных инструментах.

— Спасибо.

— Ну, давно ты тут занимаешься музыкой?

— Да другой месяц живу.

— Твое имя как? (Павлом Георгиевичем его называют).

— А это,— говорит,— тут кто у вас?

— А это,— говорит,— хозяйская дочка. Она учится на музыке играть.

— Так вот тут нужно секрет переговорить.

Дочка хозяйская села за дверь.

— Да что же,— говорит,— вам угодно?

— Да вот что — я тебе мать! Мне сказали, ты уехал в Петроград. Я тут все гостиницы избегала, не могу тебя найти. Пора уж тебе делом заняться. Хочешь, торгую я тебе сделаю?

Напротив графа Воронцова уж ей дом был откупленный; она отторговала с ним все постройки, пару лошадей, кучера, повозку, все представила Павлу Георгиевичу: «Вот тебе!» Тогда что тут делать? Выходит, к утру надо приступить. Перебрался он в этот погребок: внизу у него магазин, вверх — жительство. А у графа дочка — красавица (а та брошена уж осталась, с брюшком — выучил он ее на инструментах играть).

Ну, выходит он в погребок, а она выходит на балкон и глаз с него не спускает, хоть оттаскивай. Вот так любитесь им изо дня в день, да что ж, глазами, говорят, сыт не будешь. Вот она один раз вышла из террасы, не утерпела и говорит своей фрейлине:

— Ну какой же он милашка! Я бы его прямо в ложке выпила.

Ну, что делать, подзывает она кухарку или губернантку, говорит:

— Пойди к нему в лавку, возьми там шеру ли, мадеру; мне она не нужна, только посмотри и Расскажи мне про него.

Пошла та, забежала к нему в погребок:

— Позвольте мне мадеры бутылку.

Он выставляет бутылку:

— Пожалуйста денежки.

И сам сел и стал играть на гитаре. Посмотрела она его красоту, прибегает:

— Ох,— говорит,— вот это да! Такой красавец, какого редко увидишь и на портрете.

— Ох, дай ты мне свою одежду, я пойду сама посмотрю.

Вот она одевает кухаркино платье, накрывается шалью и отправляется туда к нему. Заходит:

— Вот,— говорит,— подайте мне вина разного! Вот шеру, мадеру и коньяку в три звездочки.

Она рассказывает, а он выставляет. Выставил три бутылки, она выбрала. Ну, берет она вина.

— Скажите,— говорит,— господин, как ваше имя?

— Павел,— говорит,— Георгиевич.

— А кто вы такой?

— А я,— говорит, из наверситета учеником вышел; Сейчас вот занимаюсь хозяйством, вот погребок имею. А вы кто такие будете?

— Я,— говорит,— Воронцова губернантка. Послала меня за вином за этим Воронцова дочь: к ей гости пришли.

Сперва она лицо закрывала, а тут платок сбросила, он глядит — тут кудри, пудры, румяна, белила, духами какими-то заграничными несет; глазки ему так и эдак щурит. Он думает: «Вот покупательница заявилась!» Ну, поговорили, потопталась она (картинка, хоть на стенку вешай).

— До свиданья,— говорит,— идти надо.

— Спокойной ночи.

Ну, приходит она прямо сама не своя, разобрало девуку, хочется ей молодца заполучить, да не знает, как. Затворилась в спальне, думала, думала, достает вино из шкафчика, наливает стакан, дербализнула и спит до обеда. Граф Воронцов заходит: что такое? Она напилась с тоски.

На другой день наводила, наводила планы, что бы такое сделать... Наконец придумала план: пошла в кассу, взяла там 75 тысяч, взяла одну губернантку.

— Вот,— говорит,— что, ты мне нужна. Если ты мою тайну сохранишь, я тебя награжу, в золоте будешь ходить. Не найдешь ли человека верного, подкоп чтобы сделал под

этот погребок — из моей спальни и под его спальню. Подкоп, словом, через улицу.

— Есть,— говорит,— хороший надежный человек. Только как работать тут, землю куда девать из этого под-копа?

— Ну, ее на носилках в помойну яму можно стаскать.

— Ну, можно будет разыскать.

— Давай скорее эти дела устраивай!

Эта губернантка охлопотала этого человека. Пришел он, они посоветовались.

— Ну, сколько ты возьмешь за эту работу?

— Работа эта опасная, она сто тысяч будет стоить.

— Ах, у меня только 75! Делай, только чтоб ни папа, ни мама, никто в городе про то не знал!

— Не сомневайтесь, барышня, давайте деньги, мне надо нанять рабочих и устройство это начинать.

Вот начали работу. Трудно было сделать, но слово сдержал: это дело протянулось с месяц. Закончили подкоп прямо к нему в спальню. Оденется она — и туда на прогулку. Наташут вина, закуски: прислуга эта научилась водку пить, вся спилась. Наставили там свечи, светло, как на главной улице. Как уходит назад — гасит.

Вот она принудила его. Пришла к нему к сонному, мушкатан направила на него; тот перетрусил здорово, что ж — сонный человек:

— Что,— говорит,— вы от меня хотите?

А у самого губы дрожат.

Ну, и сама она не выдержала, заплакала:

— Я,— говорит,— о вас забыть не могу.

— Знаете, барышня, я сам сейчас человек безоружный, нахожусь в вашей воле, только понять мне трудно, что вы от меня хотите.

— Ну ты мой, а я твоя,— говорит.

— Ну, когда так, то я не прочь, только зачем же угрожать мне оружием?

— Как я могу без оружия! За разбойника меня принял?..

Ну, потом она часто стала похаживать, даже нетерпение у ей: чуть видит, в погребке людей нет, ширк — и там.

Вот шел один раз мимо Петр Первый и решил зайти в погребок выпить (аппетит пришел у него). С маху отворил дверь — она сидит у него на коленях. Глядит: он — его

портрет, а тут его крестница. Оставалось минут 15 закрывать погребок: тут в городе было постановление, во сколько закрывать, дальше торговать нельзя. Ну, он ничего не сказал им.

— Дайте мне,— говорит,— полбутылничек.

Выпил, остатки оставил и деньги выложил тут. Вышел он, подзадумался.

— Зайду-ка я к Воронцову, к куманьку своему.

А та:

— Государь был, крестный мой.

Перепугалась.

— Ты сама беду делаешь, что приходишь в такое время на коленях сидеть!

— Ну, ни черта. Наверно, не разглядел он, не разобрал.

— Да, не разглядел!

Она живо прыгнула под западню, прибегает, встречает крестного. Тот смотрит:

— Что за история? Призрак, что ли, это? Мимо не проходила, а уж дома встречает. Это что такое? Что-то тайное тут есть.

Он сейчас к графу Воронцову, разговоры, угощения; ну посидели, поговорили, рассказал ему Петр свое приключение. Тот не верит. Ладно.

Потом назначено было в сенате дело. Ну, просидели они до позднего вечера. Меншиков, Воронцов и Петр I пошли вместе, и пришла им мысль зайти в погребок. «Выпьем,— говорит Петр I,— а потом по домам!» Отворили разом дверь — она опять на коленях сидит. Молодой человек встает за стойку, а она сейчас же убежала в комнату, накрылась. Ну, Петр-то опять смел, а те подумали: прислуга там али сестра.

— Ну, вы видели там, как хозяин забавляется, кто у него на коленях сидит?

— Нет, не заприметили.

— Ну ладно, до второго случая, сейчас не скажу вам, что тут творится,— потом все откроется.

И вот опять они идут той дорогой мимо погребка.

— Ты знаешь, кум, тут чудо створилось. Зайдем. Есть тут два портрета снятые. Только смотри, виду не показывай. Там я с тебя воли не снимаю, а здесь держись.

Подходят, Петр с маху дверь дернул, только отворил:

— Видишь два портрета? — говорит.

— Вижу.

Ну, попросили водки, чтобы виду не показать, выпили. Встают, даже заплатить забыли. Павел Георгиевич подходит:

— Можно записать там,— говорит,— в другой раз уплотите.

— Все равно, записывай,— и вышли на улицу.

— Ну, что ж, узнал теперь свой портрет? — спрашивает Воронцова Петр I.

— Да, это моя, падшая.

— Ну, а тот-то что за кот?

— Я признаю, будто твой сын, что ли.

— Похож-то похож,— говорит Петр,— да черт его знает, откуда он взялся.

— Да ты,— говорит,— кум, тоже хорош жеребец: попадется — не сорвется. Вот один здесь и объявился. Делай с ним как хочешь, ну а с этой я не буду нянчиться. Да это что за паскудство такое — с кабатчиками связалась, не нашла себе похуже! Отдать ее за такого кабатчика — стыд, и на улице не пройти, и в сенат ни зайти!

— Да что,— говорит Петр,— завтра в сенат заявить, что такой-то человек имеет заговор на императора; вот представь такую бумажку,— сразу его в темную повозку.

Ладно. Собирают сенат. Заявляет он такую историю в сенате: «Так, мол, и так, такой-то человек имеет заговор против власти». Кончено. На завтра приходят жандармы, человек шесть-семь, стучат.

— Что вам нужно?

— Хозяина нужно.

Отворяет прислуга, они заходят.

— Где хозяин?

— Спит хозяин.

Забегают к нему. Он в спальне только пробудился.

— Вы арестованы законом.

Захватывают его прямо в одних подштанниках.

— За что, что я наделал?

— Разберутся. Поворачивайся, не разговаривай.

В повозку втокнули, пошел, только колеса загремели.

Мать его, Лидия, узнала, приходит.

— За что его взяли?

Прислуга плачет:

— Не знаем, за что нашего хозяина арестовали. Увели, посадили в повозку.

Она по городу, узнавать; туда-сюда, не может точно узнать, куда его уехали. Ну, тогда сообразила она, заходит в маскарад (в магазин такой), генералом одевается, ревизором по тюрьмам. Приезжает в одну: давай, показывай, какой где арестован. Заходит к одному, к другому, заговаривает, будто о деле расспрашивает.

Ну, добралась до места, где он в одиночке сидит, спрашивает:

— А тут кто?

— Не знаем, новичок и секретно очень арестован, ваше превосходительство.

— Уйди! — приказывает она тюремщику.

Начинает разговаривать с арестованным: как с ним это случилось, что арестовали.

— Про эти дела грудь и подоплека знают, — он ей отвечает.

— Ах ты, такой дерзкий человек, как ты отвечаешь! А ты знаешь, что не сегодня-завтра тебе голову на эшафот?

— Нет, я этого не знаю.

— Ну так вот знай, что тебе грозить смерть, если ты не откроешь мне.

Ну, тот стал он помягче разговаривать.

— Не знаю, — говорит, — за что взяли меня, за какое дело. Я ни в чем не виноват. Утром я еще спал, пришли арестовали меня и в темной повозке привезли сюда, и вот сижу я в этой одиночке совсем безвинно.

— Это, наверно, граф Воронцов тебе дело дал.

— Может быть, я не знаю.

— Не знаком ли ты был с его дочкой?

— Да, его дочка ко мне ходила.

— Ага! — тут она достает часы и перстень, которые взяла у Петра I в купальне, и подает их ему.

Он дерзко оттолкнул их.

— Ну вот, — говорит, — как гадко ты делаешь. Надень часы и перстень, это тебе защита от смерти: как увидят на тебе эти часы и перстень, не посмеют тебя казнить.

Ну, генерал этот уходит.

Проходит там несколько время, объявляют ему кафер-
мацию *: молодой человек, двадцати четырех лет, там-то

кафeрмация
приговор.

жил, обвиняется в заговоре на государя; присуждается ему смертная казнь.

Ну, спасибо. Есть за что поблагодарить.

Вот утро. Явился конвой, повели его на площадь. А там эшафот открыт. Ну, он все-таки не так уже трусит. Там народу собралось, все сенаторы, Петр Первый, и мать его тут в народе. Ну, привели его и опять к нему обращаются:

— Сознайся ты, молодой человек, с кем ты имел заговор, с какими ты студентами там хотел государя убить?

Он отвечает:

— Я не имел заговора.

— Ах, не хочешь ты сознаться! Пиши решение.

Смертная казнь ему.

Подписали, а там и петля висит. Хорошо, начал священник его напутствовать: «Сознайся во грехах, чадо мое, покаяйся, я свидетель один перед Богом».

— Я ничего не сознаюсь, ничего не знаю. Я иду помирать невинным.

Ну, сейчас, значит, кафермацию прочитали, и палачи надевают пропускную ему рубаху.

Хотели только надеть петлю, смотрят — на шее у его часы: герб и орел его императорского величества, Петр Алексеевич Романов. Руку наложили — на руке перстень, на вставке то же.

Палач закрыл их:

— Не могу,— говорит,— ваше императорское величество, заслуги ваши подвергать казни.

— Как?

— Да так, извольте посмотреть!

Подходят, глядят: действительно, часы и перстень его. А она вышла, Лидия:

— Видишь, кем он тебе приходится! Да за такую св... Воронцову сына своего хотел убить?!

— Как так сына? Какого сына?

— А помнишь купальню?

Прямо ему наотрез. Он схватился, давай на извозчика, и Воронцов тоже за ним. А она взяла его и привезла в погребок опять.

Вот такая была хитрая. А то пропал бы человек!

Недаром она перстень да часы-то у него вырядила *.

вырядила
отобр
няла.

Все это дело было осенью уже. Петр I любил по Карелии странствовать. И вот стали сообщать, что в Кижях появились волки на острове. Петр I согласился приехать с солдатами и, значит, гнать отсюда волков, от Киж в Клименицы (монастырь Клименицкий слышали ведь?).

И вот они погнали, значит, цепью пошли, погнали волков до Климениц. А жили они в деревне Корба, Петр I жил. Места были болотистые, и он любил ходить в русских сапогах с длинными голенищами.

И вот один раз идет вечером, повстречалась ему девушка, очень понравилась ему. Ну, и обласкал ее. Потом приходит к ней, она стала плакать, что стала в положении. Он говорит: «Не плачь.. Снял с шеи крест свой и подарил ей свой крест с цепочкой, серебряный или золотой, я не знаю, но тогда носили на шее. Говорит: «Если действительно родится сын или дочь, сообщите».

Вот пришло время. Она родила сына. Поп Кижского прихода не стал крестить, потому что незамужняя (тогда закон был у попов). Она, значит, написала Петру I письмо (тогда на коня ездили, почта долго шла). Оттуда пришел приказ, чтобы окрестили, и сына назвали Иваном. И стал ей царь высылать деньги на воспитание ребенка. Ребенок подрос до 14 годов, был здоровый, рослый и красивый, в отца, по всей вероятности. У матери стал проситься в Петербург. Ну, приехал в Петербург (тогда ведь, видишь, деревня худа была). На краю города у одной старушки и старичка поселился. Ну, а был грамотный, хороший. Он пошел искать работу. И вот его пригласили в магазин кассиром. Когда он стал в магазине работать, магазин разбогател, потому что хоть на копейку купят, стараются прийти в этот магазин посмотреть на него, потому что он был очень красивый. Вот Иван дедушке и говорит (а сам кассир):

— Дедушка, пойдем в магазин, возьмем денег, обокрадем маленько!

Дедушка сначала струсил, но потом согласился в магазин идти воровать. Взяли они там часть денег, какую им надо было, ну, и ушли, дверь оставили открытой. Наутро приходит хозяин магазина — дверь открыта, и касса открыта, часть денег взята. Значит, доложили царю, что были воровы в магазине. Царь говорит:

— Нужно искать знахаря, который должен выяснить вора (тогда ведь колдуны были, разыскивали).

Да колдун говорит так:

— Вор очень умный, надо придумать что-то такое, чтобы его достать живым.

И придумали так. Поставили сторожа в сторонке и стекла в дверях сделали так, что чуть откроет окно — так выпадут и загремят. Ну, вот, он пожил так сколько-то времени, дедушке говорит:

— Дедушка, пойдем.

Дедушка в этот раз на радости пошел.

— Я теперь не боюсь,— дедушка говорит.

Заходят в магазин аккуратно. Часть денег они взяли опять, какую им надо было. Он знал, как это все сделано. Стекла не выпали в этот раз. Наутро опять сообщают царю, что покражу сделали и ушли, а дверь оставили открытой. Царь опять колдуна вызывает, почему не обнаружили вора, а в кассе денег взято.

— Трудно его поймать.

— Ну как же,— говорит,— будем делать?

Колдун говорит:

— Вор очень умный. Созывай всех в гости, чтобы все люди пришли: бедны, богаты, и всех угощай допьяна. И вот которые уйдут, тех не надо. А которые пьяны останутся, а этот пьяница обязательно останется, который вор. Вы наложите в каждый уголок по стопке десятикопеечных монет. Вор обязательно польстится на эти деньги.

Вот когда эти пьяны сидели, Иван взял этих денег и каждому насовал в карман. Взял и себе часть. Когда утром приходят осматривать этих пьяниц, в первую очередь (он сидел у дверей, Иван) ему сунули руки в карман, у него и обнаружили деньги.

— Ага, нашли вора!

Он встал, голову поднял:

— Я,— говорит,— ничего не знаю.

Сунулись в карманы — деньги. Пошли по вторым — у всех в карманах деньги. Кто брал? Неизвестно. Опять колдуна зовут. Колдун говорит:

— Трудный вор. Соберите еще гостей.

Ну, еще раз собрали. Только в этот раз не деньгами. А рядом сделали комнату, темно-зеленый цвет, поставили там кровать и положили хорошую девушку, а девушке дали

печать. Вот уж вор обязательно польстится! Если молодой, обязательно польстится.

Погуляли, пошли. Кто мог, ушел домой. А кто пьяный, остался тут. И тут осталось много людей. А Иван этот пил мало, может, вообще не пил. Одним словом, веревочку крутил, факт тот, что проверял.

Вот все заснули. Иван пошел осматривать комнату, темно-зеленый цвет. Приходит — там девушка красивая лежит на кровати. Он, значит, к ней подходит и давай ласкать ее. Она взяла его обняла и тихонько на спине положила печать. Он почувствовал, что чем-то, не рукой обнято. Она быстро заснула потом с радости, что печать положила, вора поймала. А печать положила за подушку, он это прекрасно видел. Когда она заснула, он взял эту печать и каждому на рубашку, на спину печатью шлепнул — и все.

Путру опять приходят, а он с краю сидел. Значит, посмотрели — на рубашке печать.

— Ага, вора нашли!

Он говорит:

— Как так, я,— говорит,— ничего не знаю.

Пошли смотреть других. И у каждого, что тут было народу оставили,— у всех печать. Они, значит, девушку:

— Кто был?

— Темно,— говорит,— было, не видно было. Но печать я положила одному, был у меня один.

Опять, значит, за колдуна: «Как найти?» Колдун говорит:

— Надо чтобы в магазине сделать такой пол, чтобы он свернулся; живым не поймать, так мертвым. А под полом котел со смолой вскипятить.

И вот деньги стали к концу подходить. Иван говорит:

— Дедушка, надо сходить, деньги стали на исходе.

А дед уже с радостью пошел.

— Я,— говорит,— сегодня без тебя пойду. Теперь я знаю ходы.

Ну вот, дедушка ушел туды, дверь была открыта, не на замках. И, значит, только перешагнул, и туды в котел упал и там сварился сразу.

Наутро приходят, значит, в смоле человек. Вор найденный. А как личность узнать в смоле? Узнать не могут, кто. Иван пришел и говорит:

— Бабушка, наш дед пропал, в смоле скипел.

Бабушка расплакалась:

— Как буду жить теперь?

— Бабушка, не плачь, не горюй, все будет хорошо.

Ну вот, если тебе,— говорит,— охота на дедушку поглядеть, вот тебе пятьдесят копеек денег, возьми корзинку, купи в магазине яиц. А дедушку повезут на телеге мимо этого места. А ты с корзиной с яйцами стой тут. Я знаю, что тебе без слез не обойтись,— Иван-то говорит бабушке,— и вот: как повезут его рядом, ты возьми и спусти с рук корзинку с яйцами — и хоть того больше плачь. Станут говорить, что старуха этого старика...

Подходят:

— Твой старик?

А у старухи зубов нет, шобайдат *:

— Вот пятьдесят копеек было денег, купила яиц, люди-то толкнули — яйца разбились.

Люди стали спрашивать, над старухой сжалились и надавали денег. Пришла домой и поблагодарила Ивана.

Царь опять к колдуну:

— Как же узнать, кто ворует у нас? Надо же как-то добиться.

— Ну,— говорит,— вор умный очень.

Вот уже стали всяко мечтать. А Иван приходит в сенат к царю и говорит:

— Вы вора ищите?

— Да,— говорят,— вора ищем.

— А что бы вы стали делать, если вора найти?

— Мы бы стали казнить его — столько убытков нанес нам.

Ну, а Иван говорит царю:

— Ну, дак вор этот я. Раз казнить будете, вор я.

Сразу его сфотографировали, портреты по всем видным местам повесили и написали, что вот вор найденный, казнить будем в такое-то время через повешенье.

А народ узнал, что это Иван, значит, кассир. К царю приходят, чтобы дал помилование. Деньги возместят, чтобы не казнить человека. Царь от этого от всего отказался. Назначен день повешенья.

Пришел тот день, когда его вешать надо. Он явился к царю, и его повели, значит, на эту, на вешеницу **, «площадь позора» тогда считалась. Когда привели его,

шобайдат

поднялся на третью ступеньку, веревка подготовлена, кладена на шею ему, значит, только спихнуть из-под ног. Вот он стоит на этой, на вешенице. Царь и говорит:

— Вот я буду считать. Как только «три» скажу...

Вот это царь редко стал говорить: «Раз, два...» «Три» не поспел сказать — он рубаху как рванет, а крест-то евовный, царский, царя крест именной. Значит, царь «три» не мог проговорить — и помиловали. На этом кончено.

РЫБАК ВМЕСТЕ С ЦАРЕМ ОСВОБОЖДАЮТ СЫНА ПЕТРА I ОТ ЕГО ЖЕНЫ, ПРЕЗЛОЙ ВЕДЬМЫ

88

Был бедный рыболов, и было у него шестеро детей; он никакими работами не занимался, только рыбу ловил. И был закон: больше трех раз в день не закидывать. Что за три раза вытянет, то продаст и этим кормит детей. Только один раз случилось: три раза закинул, ни одной рыбки нету, а хлеба дома ни крошки. Он вздохнул тяжело: «Будь что будет, а закину четвертый раз». На четвертый раз тянет из реки кувшин медный, закрытый, царскою печатью запечатанный, а наверху его крест выбит. Рыболов взял и поднял эту крышку с крестом: в кувшине нет ничего, только из него пошел гужиком дымок. Рыболов сам с собою рассуждает: «Ну, хоть рыбки не поймал, дак кувшин продам — все какой рубль дадут».

Вдруг идет человек огромный, говорит: «Я тебя, рыболов, убью». Он говорит:

— За что ты меня убьешь, за какие дела?

— А за то: зачем ты меня бессрочно выпустил из кувшина?

— Как я тебя выпустил бессрочно?

— А вот как: я был заперт в кувшине на двести лет.

Рыболов говорит:

— Как ты мог поместиться в кувшин, такой верзила? Я этому не верю.

— Ну, раз ты мне не веришь, то гляди, как я буду из-за той горы идти дымком в кувшин. Ты видел, что из кувшина дым шел — это был я.

Пошел он за гору, скинулся дымком и идет в кувшин. И думает рыболов: «Возьму, как дым уберется, закрою

кувшин, а то ни за что убьет». Только дым убрался в кувшин, рыболов тотчас хляп крышку, да и припечатал, как было. Говорит:

— Ну, никаянный, сидел ты двести лет, а теперь я засадил тебя на триста.

— О, нет, рыболов! — говорит дым. — За что на столько?

— А за что ж ты хотел убить меня невинного?

— Я ж сказал, да не убил. Нет, рыболов, ты меня пусти, я тебя на век посажу на хозяйство.

— Ты мне солжешь, никаянный дух!

— Нет, — говорит, — наш дух вернее вашего, я правду говорю, только выпусти, пожалуйста.

Открыл рыбак кувшин, из него пошел дымок. Потом идет к нему человек огромный. «Ну вот, рыболов, я тебе покажу амшарину *, где тебе ловить рыбу. Будешь ты там много вытягивать, да больше трех щучек не бери; что за них запросишь, то тебе и дадут».

Рыболов пошел в ту амшарину, закинул сеть свою и вытянул много рыбы. Всю рыбу назад отпустил, а три щучки с собой взял. Несет он по городу эту рыбу, встречается с ним царский повар:

— Что, рыболов, продаешь рыбку?

— Продаю.

— Что ж ты за нее просишь?

— По три червонца за щучку.

Повар ему 9 червонцев кинул, щучек позабрал. Принесши на кухню, приготовил их, как надо, чтоб положить на плиту жарить. Только положил их на плиту, как идут три девушки из кухни, спрашивают:

— Рыбки, сестры, вы тут?

— Тут, — отвечают рыбки.

— Пойдем с нами!

Сейчас брык! — у кухни одна стена вон. Эти рыбки соскочили с плиты, скинулись девушками и пошли с первыми сквозь стену. Повар смотрит: купил было государю рыбы сготовить, а теперь нечего, Бог знает, что случилось. Сготовил другое кушанье на рыбном месте, чтоб послаже.

Государю понравилось, говорит:

— Ах, повар, кабы ты и завтра этакое кушанье сготовил!

амшарина
знь
росит.

Повар пошел и назавтра покупать рыбу. Этот рыбак опять несет три щуки. Повар говорит:

— Продаешь рыбку?

— Продаю.

— Что просишь за них?

— По три червонца.

Повар опять выкинул ему 9 червонцев. Приносит их на кухню, только положил на плиту — опять идут три девушки:

— Что, сестры-рыбки, вы тута?

— Тута.

— Пойдем с нами!

Опять бряк, одна стена вон. Рыбы скинулись девушками и пошли. Опять повар стал готовить кушанье на рыбном месте, как вчера. Рыболов, продавши эту рыбу, опять отправился в амшарину рыбу ловить. Подносит опять повар царю кушанье на рыбном месте сладкое. Государь опять спрашивает:

— Где ты научился этикие кушанья готовить из рыб? (Он знал, что давал деньги на рыбу.)

Повар говорит:

— Позвольте сказать, свет-великий государь. Я беру рыбу у знакомого бедного рыболова, да только вам, государь, ни разу той рыбки кушать не достается. Я рыболову даю за три рыбы девять червонцев, а готовлю кушанья на рыбном месте за свой капитал.

— А куда ж эта рыбка деваается? — говорит государь. — Ты мне об этом не толковал.

Он отвечает:

— А придите сами, свет-великий государь: вы увидите, куда она деваается.

— Ну, — говорит государь, — иди к тому рыболову, сторгуй у него три рыбки и, денег не платя, приведи его сюда с рыбкою.

Повар пошел на рынок и встретил того рыболова с тремя рыбками.

— Что, рыболов, продаешь рыбку?

— Да, конечно, не покупаю, вы сами знаете про мою нужду!

— Ну, — говорит повар, — неси за мною рыбку на кухню, там тебе заплотят, а при мне тут денег нету.

Привел его на кухню, взял у него рыбку и давай

обчищать, как ставить на плиту. Пошел тотчас, доложил царю:

— Свет-великий государь, пойдите посмотрите, как я вам рыбку готовлю!

Царь пришел на кухню и говорит:

— Рыболов, ты мне рыбку продаешь, а я ее не кушаю!

Рыболов этот не знает ничего, говорит:

— Свет-великий государь! Я продаю, а не знаю, куда ж вы ее деваете?

— А поглядим теперь вместе, куда она девается.

Повар поставил эту рыбу при них на плиту.

Тотчас идут три девушки:

— Рыбы-сестры, вы тут?

— Тут.

— Пойдем с нами!

Брык! Стена одна вон вывалилась, три рыбки скинулись девушками и пошли с первыми. (Они три раза выходили из кухни, и стена три раза вываливалась и снова становилась на свое место.)

Рыболов говорит:

— Свет-великий государь, я сам не знаю, почему это все делается.

— Расскажи, рыболов,— говорит государь,— где это ты ловишь рыбу?

— Вот, великий государь, ловлю я в таком-то месте, у такой-то амшарины.

— Скажи ты мне, кто тебе ту амшарину показал? (У той амшарины из века провалился город Петра I).

Рыболов рассказал, как и что было.

— Ну,— говорит царь,— вот тебе за рыбу три червонца, а завтра поезжай с сетью в ту амшарину как можно раньше и затяни сеть, но не вытягивай, пока я не приеду.

Рыболов так и сделал: закинул сеть у амшарины и стал дожидаться царя. Государь раненько встал, взял свой острый меч и пошел к рыболову. Стал он искать рыболова, бился целый день, не нашел и заблудился у той амшарины. Пробыл дотемна, уже запалили огни. Он заметил посреди амшарины огонек, подходит к нему — стоит дом огромнейший, царские палаты. Входит он в палаты — там нет никого, сидит только Петра I сын: наполовину мраморный камень, наполовину человек. Государь поклонился ему, а тот только кивнул головой. Государь говорит:

— Как так можно: я тебе так низко кланяюсь, а ты мне не можешь поклониться?

Петра I сын отвечает:

— Эка, великий государь, разве вы не видите, как я изуродован: половина из мраморного камня, половина человеческая?

Государь и спрашивает:

— Кто это тебя так изуродовал, что ты страдаешь?

— Свет-великий государь! Моя жена меня так изуродовала: она знается с никайнным духом и угрождает ему. Если хотите посмотреть, как она надо мной ругается, то извольте схорониться в шкаф и смотреть оттуда. Она мне каждые сутки по сто лозанов дает и как сто лозанов ввалит, то на мне суконную рубашку переодевает. А кормит одной воловью жилой.

Царь спрашивает:

— А где она теперь?

А она великая волшебница и теперь где-то летает по русскому царству, скоро должна прилететь.

Царь взял и за шкаф спрятался. Она прилетает с полету, мужу сто лозанов ввалила, суконную рубаху переменяла и дала ему в рот воловью жилу жевать. Царь смотрел из шкафа, как она его наказывала. Потом она подошла к сундуку, где лежал никайнный дух, ее возлюбленный, и начала его упрашивать. (Она его чем-то разгневала.) Потом она улетела. Царь вышел из шкафа и говорит сыну Петра I:

Как бы тебя спасти отсюда, как сделать город городом, а человека человеком? (Ведьма в угоду возлюбленному обратила людей в рыбу, а город — в озеро.)

Петра I сын говорит:

Вот возьмите и перерубите никайнного духа своим острым мечом крест-накрест, не больше; спрячьте его под пол, а сами ляжете в сундук. Когда она опять прилетит, мне сто лозанов ввалит, суконную рубаху переоденет, то, думая, что в сундуке никайнный дух, будет упрашивать вас...

Царь никайнного духа крест-накрест пересек, а тот закричал:

— Прибавь, великий государь, еще раз!

А царь говорит:

— Будет с тебя и этого!

Его из сундука выкинул, под пол спрятал, а сам в сундук лег. Ведьма прилетела с полету, дает по хребту

мужу сто лозанов, переменяет суконную рубашку, дает в рот воловью жилу, а сама идет к сундуку упрашивать никаянного духа. Говорит:

— Что ты на меня сердишься, что ты мне не отвечаешь, сколько времени я спрашиваю?

Царь говорит:

— Что же я тебе буду отвечать: какое я от тебя вижу удовольствие?

— Как какое? Я все, что ты приказываешь, выполняю.

Царь говорит:

— На что ты своего мужа сделала наполовину из мраморного камня? Это нам не нужно. И город ты сделала озером, а людей рыбами. А вот ты мне сделай удовольствие: мужа своего — как был он в 35 лет, таким, город сделай городом, людей — людьми! Пойдет тогда по нашему городу торговля, вот это и будет мне в удовольствие — а то сидим мы тут, как в остроге, и свету не видим.

Она думала, что это говорит с нею никаянный, отвечает:

— Я сама знаю, что мы сейчас живем не в удовольствие, но я делала, как ты мне приказывал.

Сразу же с радостью побежала все переделывать. Сделала, как ей царь сказал, прибежала и говорит:

— Ну, все делала, как ты мне приказывал,— выйди, погляди!

Царь и говорит:

— Ну, бери меня за левую руку: я залежался и сам не встану!

Она взяла его за левую руку, а он ей как секанул мечом, так голова и покатилась. Потом с сыном Петра I обнялись и поцеловались. Сын Петра I и говорит:

— Благодарю, что избавил меня. Ну, теперь руби ее на мелкие кусочки.

Взяли они и порубили ее с никаянным духом на мелкие кусочки, вывезли их на поле, костер сложили и их спалили. Пепел размяли и по ветру пустили. Кто того смраду набрался, навек ведьмаком остался.

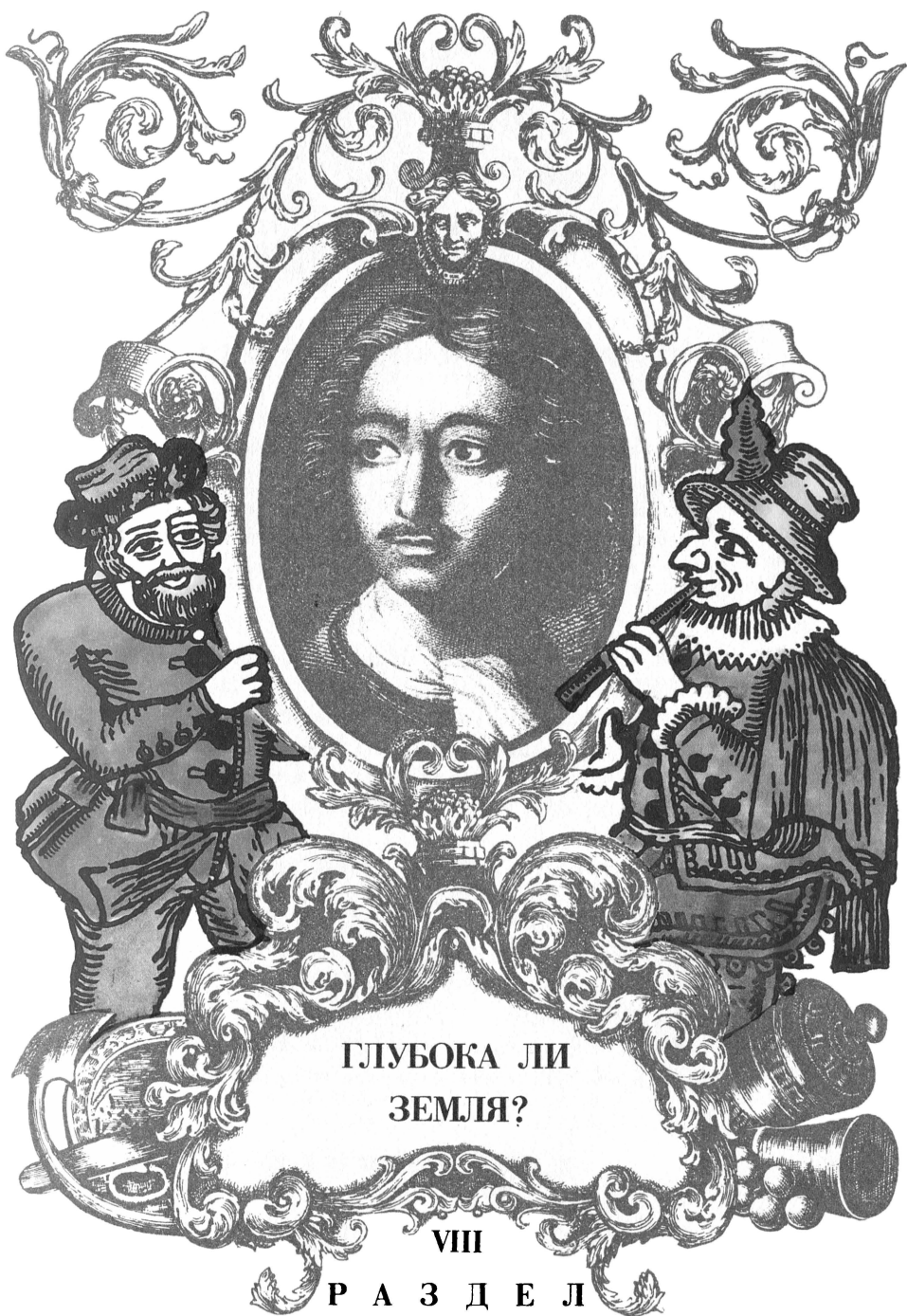
Сами пошли по тем палатам расхаживать и все разглядывать, все ли так стало, как прежде. Только идут в зал свой, видят: сидит в зале рыболов, что царю рыбу продавал, сидит около стены, обтянувшись сетью. Сын Петра I спрашивает у царя:

— Свет-великий государь, кто же это?

— Молчи, брат, это он тебя отсюда и вывел. Ну, собирай, рыболов, сети, пойдем отсюда! Благодарю тебя, что ты указал мне это место: мы тут спасли город, царя и народ, плененных никайным духом.

Стали они тогда пить да гулять, добро наживать. Рыболова поставили первой гильдии купцом, детям его повек положили жалование. Посеял мужик овса, а басня моя вся.

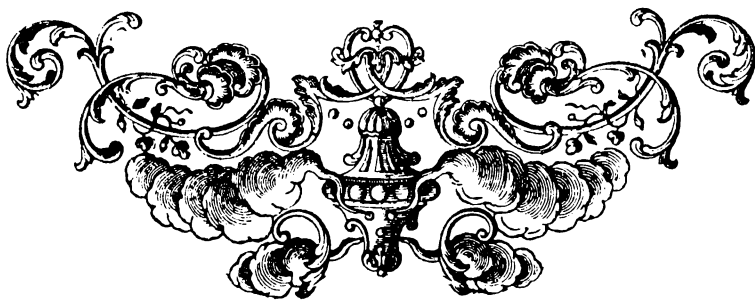

ГЛУБОКА ЛИ
ЗЕМЛЯ?

VIII

РАЗДЕЛ

ПЕТР ПЕРВЫЙ И МУДРЫЕ ОТГАДЧИКИ

Я Штсалин
«Подлинные
апскдоты о Пес-
тре Великом»

«Я почитаю заслугами своими отечеству доставших себе знатность и уважаю их потомков, каковы, например, Репнины и им подобное; но тот, однако же, из потомков знатных родов заслуживает презрение мое, которого поведение не соответствует предкам их; и дурак сноснее в моих глазах из низкого роду, нежели из знатного».

«Я велел губернаторам собирать монстры (уродов). Прикажи заготовить шкафы. Если бы я хотел присылать монстры человеческие не по виду телес, а по уродливым нравам, места бы у тебя было для них мало. Пускай шатаются они во всенародной кунсткамере; между людьми они приметны».

«Монастырские с деревень доходы употреблять надлежит на богоугодные дела и в пользу государства, а не для тунядцев. Старцу потребно пропитание и одежда, а архиерею — довольное содержание, чтоб сану его было прилично. Наши монахи зажирели. Врата к небеси — вера, пост и молитва. Я очищу им путь к раю хлебом и вододо, а не стерлядями и вином. Да не даст пастырь Богу ответа, что худо за заблудившими овцами смотрел!»

Рассказы На-
ртова Пестре
Вс. ом

Ехал государь с боярами, увидел старичка белобородого — борода больша, седой.

— Здравствуй, дедушко!
— Здравствуй, свет, великая надежа государь!
— Как же ты, дедушка, поздно стал?
— А я рано стал, да подопнулся.
— А ты бы и в другиж.
— А я и в другиж стал, да подопнулся.
— А ты бы и в третьиж.
— А я и в третьиж стал, да опять подопнулся.
— Дедушко, давно ли на горах снега забелели?
— Двадцать лет.
— Давно ли с гор ручьи побежали?
— Пятнадцать лет.
— Дедушко, прилетят сюды гуси, можешь ли их терebить?

— А сколько могу, потереблю.
— Дедушко, тереби горазне, не жалей.
Распростился царь с дедом, поехали. Приехал царь домой, стал у бояра спрашивать:

— Чего мы с дедушкой говорили?
Бояре стали сроку просить. Выпросили сроки, с царем распростились, разошлись, сели на коней и поехали к дедушке. Приехали, поздоровались.
— Дедушко, чего вы с государем говорили?
— Нет, нельзя сказать.
— Дедушко, дадим по сту рублей.
— Нет, нельзя.
— Дедушко, дадим по двести рублей.
— Нет, нельзя.
— Дедушко, дадим по триста.
— Ну, когда по триста, скажу. Спросил у меня царь: «Почто поздно женился?» Я сказал: «Рано женился, да жена померла». — «А ты бы,— говорит,— и в другиж женился». — «Я и другиж женился, и другая померла». — «А ты бы и третьиж женился». — «Я и третьиж, и третья померла». Спросил царь: «Давно ли волосы на голове заседи?» — «Двадцать лет». — «Давно ли слезы из глаз побежали?» — «Пятнадцать лет».

— А про гусей каких говорил? — спрашивают бояра.
— А вот вас самих терebить и велел!

Поехали бояра к государю и передали все, что узнали.
Другой раз поехал государь, увидел дедушка, спрашивает:

- Были ли у тебя гуси?
— Были.
— Ну, каково же ты потерябил?
— А сколько мог, теребил, свет, великая надежа государь.
— А плохо теребил, ты бы так теребил, чтобы перышки все у их ощибал.

90

МУЖИК И ЦАРЬ

Мужичок пашенку пашет, без шапочки. Волоса сивые на голове, а волоса на бороде — русые, и сивины нет еще. Удивило государя, подзывает мужичка.

— Что это,— говорит,— почему это разнообразные волосы у тебя?

— Ваше императорское величество, позвольте сказать?

— Можешь.

— Я,— говорит,— родился с волосами, на голове были, а до двадцать первого году у меня здесь (на подбородке) не было ни одного волосу.

— Умный мужичок! За твой ответ я тебя награжу. Приди завтра во дворец.

Мужичок наутро приехал в город — и к царскому дворцу, показывает бумажку, говорит, что к государю. Освободил государь его от поставок и наградил его деньгами. И стал богато жить мужичок.

91

ПЕТР I И СТАРИК

Едет царь Петр. Старик едет впереди него, дров большой воз. У старика очень хорошая лошадь. Царь спрашивает у старика:

— Как у вас хлеба растут?

— Хлеба,— говорит,— растут хорошо, но первый корень черви едят.

— А где такую лошадь взял? Купил или дома вырастил?

— И не купил, и дома не вырастил, а за торбой с нивы вслед пришла.

— А где,— говорит,— такой топор взял, купил или в кузнице сделал?

— И не купил, и в кузнице не сделал, а в речке купался и к ноге пристал.

Едет за стариком следом. Старик заезжает во двор, распрягает лошадь, а царь быстро вбежал в избу. Старик коня распряг, приходит в избу — а в избе царь. Он испугался, чуть не упал. Извиняется:

Извините, императорское величество, я нехорошо с тобой разговаривал.

Царь говорит:

— Ничего не бойся, ничего. Разденься и расскажи все по-хорошему.

Старик разделся.

— Как ты сказал про хлеба?

— А я сказал так, потому что пять дней работы пропадает зря на боярина, а себе только шестой день остается.

— А как про лошадь ответил?

— Вот,— говорит,— императорское величество, лошадь я не купил и дома не вырастил, а женился, пришла к жене мать и привела эту лошадь.

А как ты сказал про топор?

— Вот, императорское величество, топор я не сделал и не купил: вот в этом ручейке купался и ногой за него зацепился.

— Молодец старик, сумел ответить. А вот,— говорит,— старик, так как у тебя лошадь хорошая, не сможешь ли доставить меня в Москву к заутрене?

Могу, императорское величество! Ложись спокойно спать, отдыхай.

Ложится царь спать, и старик ложится. Царю не спится. Немного поспал и будит старика:

Поедем,— говорит,— дедушка!

— А рано еще, императорское величество, ночью приедем в Москву.

Царь опять ложится спать ненадолго, но не спится ему. Прошло немного времени, будит старика:

— Давай,— говорит,— поедем сейчас.

Дедушка встал и начал с кряхтеньем наматывать на ноги шерстяные портянки, потом лапти надевать. Вышел во двор и не возвращается. Царь Петр ждет, пошел во двор,

а он чугунные болванки в дровни накладывает. Царь Петр спрашивает:

— Что делаешь, дедушка?

— Вот,— говорит,— императорское величество, если я не положу болванок, то нас перевернет.

Потом запрягает лошадь, укладывает царя, одеялом накрывает, веревками привязывает, и поехали. Приехали в Москву, как раз к заутрене зазвонили. Он направил лошадь прямо в царские ворота. Часовые подскочили:

— Зачем, старина, заехал в царские ворота?

— Дайте,— говорит,— хоть глаза прочистить, ничего не вижу.

А сам веревки развязывает. Царь вскочил на ноги, а часовые кто куда удирать. Царь берет старика с собой в свои комнаты. Кормит, поит старика.

— Что надо,— говорит,— дедушка, тебе в награду?

— Мне больше ничего не надо, только освободи меня от крепостного права, чтобы был я вольным гражданином.

Взял написал золотыми буквами, что «больше ты не крепостной, а вольный гражданин». Да еще дал пятак на чай.

92

ИВАН-ОХВОТНИК

Вот в некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, жил-был досюль старик со старухой, и оба были старые. Один раз старик справился в лес. Дело было зимой, выпавши снег на землю. Надел старик шубу, на шубу натянул балахонишко, клал за кушак топор и отправился за дровами. Рубит дрова старик, нарубил их, только бы наваливать, вдруг явился человек — весь в снегу, винтовка на плече, котомка сзади, патроны кругом. Подходит к старику.

— Здравствуй, дедушка,— говорит дедушке незнакомый человек. Росту он был большого, охотник-то, и эдак вооруженный. Спугался старик и подумал: «Не на разбойника ли я нарвался какого-нибудь?»

И говорит ему охотник:

— Дедушка, ты меня не убойся, садись да покурим.

Сел старик беседовать с им, деться некуда, слушает команду. Охотник стоит, курит сигару и подает ему сигару. Старик обрадовался, что на такой нарвался подарок.

— Дак,— говорит охотник,— вот что, дедушка, вези ты меня в Ленинград, а я тебе уплачу полностью. Будь уверенный, дедушка.

Уверился старик и посулился везти, только и говорит ему:

— Послушай-ка охотник, я ведь здесь,— говорит,— на дровнях.

— Да мне тое-то и нужно. Кинешь шишечку сена, да вперед поедем.

Так и сделали. Но не знал старик, что тут такой охотник, совершенно. И домой старик не заехал, наказал старухе, что я уезжаю в подводу. Так дальше, и поехали.

Вот ночуют они на ночлегах.

— Как тебе,— говорит,— имя, дорогой товарищ?

Отвечает он ему:

— Иван-охотник.

Лошаденка-то была худая, едут тихохонько, он лошаденку ту хлыщет, ругает ее самосильно, что она не идет. Только усмехается, сидит да удивляется на его наряд. На станциях старика кормит, поит, чего старик и не видал век.

Проехали несколько места, потом до Петрограда последняя станция, ночевали. Сходил Иван-охотник на почту и подал заявку в Ленинград, что едет Петр I в Ленинград. Можете ожидать в такие-то часы встретить его. А старик все не знает, что это не охотник. Все спрашивает, если что надо: «Иван-охотник, Иван-охотник».

Когда приехали в Ленинград, у охотника сумка за плечами, винтовка на плече, стоит на дровнях на коленках. А старик бьется с лошадьё; по городу надо было ехать круче, а лошаденка идет тихо. И спрашивает Ивана-охотника:

— Куда дорога-то, еще дальше?

— Туда, туда,— говорит,— поезжай, дедушка.

Едет дедка впереди, хлопает лошаденку погонялкой, ругает. Вдруг об эту же дорогу стоят полки солдат — и с ружьями, а середка дороги пуста. Сказал старик:

— Иван-охотник, да это солдатами дорога оставлена, по ту сторону стоят да по другу. Куда ехать?

Сказал Иван-охотник:

— Дуй, дедушка, прямо!

Старик заехал, и кричат все:

— Ура! С приездом царя нашему! Ура! Ура! Ура!

— Что это солдаты рычат, тебя царем называют? — говорит дед.

— А что же, нас поздравляют!

Догадался старик, что привез на дровнях царя, и выпали у старика с рук вожжи, выпала погонялка с рук, и сказал:

— Да вы же,— говорит,— царь, а сказали, что Иван-охотник. Простите меня, пожалуйста, ваше царское величество, что я дорогой, старина старый, безобразил, лошадь возил я матом, не чаял, что вы есть царское величество.

— Дедушка,— сказал царь,— не пугайся, не теряйся, попадай в эти ворота.

На двор заехали, на дворе остановил свою лошадку.

— Станови свою лошадку; накормлена будет она, и напоена, и прибрана, и пойдем со мной ко мне, в мою белокаменную палату.

И заходил в палату на квартиру, и разделся старик на одну рубаху синюю, досюльную. И не стал бояться ничего.

Царь за все ему простил и сказал:

— Не расстраивайся, дедушка.

И вот сели есть с царем; мало царь ест, а кушаньев приготовлено было! Вон они сидят, обедают, бойко старик ест, а царь маленько.

— Вот,— гыт,— дедушка, ты еще долго проживешь.

— А что же, ваше царское величество?

— А ты еще много ешь напротив меня.

— Послушай, ваше царское величество, я много ем из-за того, что ваши кушанья садятся на брюхо, как вода меж камня, вечный век я на таком уедище не бывал. Уеди ваши мне понравились.

И вот так они кончили. Спать старика положили на кровать, на матрасы на пуховые; как пал старик на кровать, так одной бороды оттуль видать, и все сумляется об лошади. Сказал ему Петр Первый:

— Ты об лошади и не думай, все там дело наладится, значит.

Встал поутру старик, попил, поел, ну, отправляется домой. Царь и говорит:

— Да скажи, пожалуйста, сколько мы с тобой ехали? Сколько денег надо?

— Ваше царское величество, денег хоть сколько да-
вайте, а хоть ничего не дайте — я твоей почестской доволен.

— Нет,— говорит,— вот тебе триста рублей.

— Ой, да что ты!

Спугался, не берет денег старик. Вот, значит, он ему
деньги сунул за пазуху и сказал:

— Сними эту свиту, привези домой к старухе на
дровнях, а сам купи новую всю и старухе подарок какой-ни.
И, гляди, пиши мне письмо на поправку дому. Каков
у тебя дом?

— Ну, хорошо, ваше царское величество.

Приказал на дорогу дать ему хлеба, лошади наек до
дому и сказал:

— Вот что. Я тебе напишу, когда у меня будет бал, ты
зайди в город, купи горшков, приедь ко мне на двор
и доложи мне. Смешно будет моим вельможам, а я прикажу,
чтобы как бы ни была вельможа, шла да горшок несла ко
мне в подарок. А ты знай, как продавать.

Вот распростились с царем, и царь вышел во
двор, проводил старика. Так что старик переменил
себе лошадей, вожжишки переменил и гужишки, поехал
к старухе баринном.

Приезжает он к старухе, дак старуха перепугалась, из
окна в окно забросалась:

— Будто старик мой да лошадь наша, а все переме-
нилось, как переродилось.

Приехал домой, стали со старухой жить богато.

Полгода прошло времени — царь его требует:

— Пожалуй, дедушка, приедь сюда.

Так и сделал старик, направился. Заехал в город,
купил воз горшков и заезжает смело к царю на двор. Его не
пускают к царю слуги:

— Куда ты леший несет.

Не спрашивает дедка, едет прямо, подает записку:

Снесите-ко царю.

Царь взял записку, прочитал и сказал:

— Ведите старика суды.

Как пришел старик, царь ему подвинул стул к столи-
ку, подносят ему всякие кушанья. И сказал:

— Вот, дедушка, поешь-поешь, расклади горшки
и торгуй ими на дворе, а у меня приказано, чтобы без
поновки без горшочной никто не явился.

Вдруг дедка выходит на двор, глядит, около короба стоит людей множество, дожидаят старика. Открыл старик короб, подават горшки в очередь:

— Сколько, дедушка, горшок стоит?

— Рубль.

— О, дорого, за пятак купить можно.

— Ну, дорого, так идите вперед.

Она обойдет, вельможа-то, да назад воротится.

— Дедушка, почем горшок даваешь?

— Два рубли.

— Ой, дедушка, дорого. Давечь за рубль отдавал.

— Час новый — и торг новый, да не тот горшок тебе попадает.

Тот счастлив, кто нараз горшок брал, а то другие платили по три рубля за горшок. И так что все с поновками к царю явились, разобрали все горшки у старика. Ну и, значит, пошел почестный пир.

Призвал он этого дедушка и посадил за этот же стол. И спрашивает у старика:

— Что, дедушка, каково с моих гусей перо брал?

— На одном, ваше величество, шерсть поехала.

Ухмылил царь, щелнул старика по плечу и похвалил:

— Молодец, дедушка!

Ну, вот так, значит, пир прошел. Назавтра второй. Вот он и говорит:

— Ты много знаешь?

— Ой, како я знаю, темный человек.

— А вот что, скажи-ко мне, что на свете жирнее есть?

Можешь ли ты мне ответить или не можешь?

— Отвечу, ваше царское величество,— сказал старик.

— А что, дедушка, жирнее на свете?

— Я признаю, что жирнее земли ничего нет.

— А какова в земле глубина?

— А отец послан в землю двадцать лет назад и все не может узнать.

— А какова высота?

— А высота и глаз не хватает.

Ударил царь старика по плечу и сказал:

— Вот, дедушка, завтра будет пир, ты на пир не являйся, а я эти задачи задам всем вельможам. Отгонет кто? А кто не отгонет, я к тебе пошлю.

Перешел старик в другую комнату. Собралось собрание полностью. И вот все напились и наелись. Подходит царь и говорит им:

— Слушайте, мои подданные, что,— гыт,— на свете жирнее есть? Отгадайте.

Вот ены и задумались. Один скажет, у меня свинья жирная, один, что у меня корова, кто — что.

Царь спрашивает, глубока ли земля и высоко ли небо. Никто не может никак отгнать.

Он сказал:

— Идите и спросите у дедушки.

Вот у дедка и спрашивают:

— Скажи, дедушка.

— Я,— гыт,— задаром не скажу, буде дадите по десятке.

Как кто ходит к деду, тот и знает.

Ну, царь знат и больше не спрашивает, а другому пересказывать не велит.

И все выходили, у дедка выпрашивали, и таким путем он всем рассказал. Жирнее земли нету. И этим они закончили. Призвал царь старика и сказал:

— Что, дедушка, каково ты моих гусей стрелял?

— Хорошо стрелял — одни перья летели. А у иного и пух выехал.

— Молодец, дедушка,— сказал ему царь.

И вот как от царя он нажился, по его указанию до смерти очень хорошо жил, как от царя приехал. А после царь выезжал к нему на беседу и он к нему. До смерти оны помнили друг друга. Тем все и кончилось.

КАК МАТРОС ГУСЯ ДЕЛИЛ

93

Шел моряк по Петербургу, а сам был вдрезину пьяный. Позади едет император Петр Великий. Моряку надо будет честь отдать, становясь во фронт, и боится он пасть с ног. Прислонился моряк к забору, встал во фронт и отдает подъехавшему императору честь.

Император заметил, что моряк пьяный и чуть на ногах держится, и говорит:

Эй, моряк, на медь не попадай.

Моряк, недолго думавши, отвечает:

— Никак нет, ваше императорское величество! Большого валу миновал, на мель не попаду.

Петр Великий заинтересовался ответом моряка, спросил, как его фамилия.

— Большаков, ваше императорское величество.

— В завтрашний день явись ко мне в двенадцать часов дня во дворец.

— Слушаюсь, ваше императорское величество.

Император уехал, а моряк пошел домой. Явился в свою часть и докладывает по начальству:

— Видел его императорское величество, под замечание попал, велел завтра явиться в двенадцать часов во дворец.

— Ах, подлец ты этакий, весь флот наш загадил. Сейчас посадить его под арест!

Посадили моряка на вахту, где он и просидел ночь. На другой день выпустили его из-под ареста и под конвоем отправили к императору во дворец.

— Большакова привели,— докладывает конвоир императору.

— А вам кто приказал его привести?

— Начальство.

Император издал приказ: «Вы арестованы все — ваше начальство, как Большаков. А ты, Большаков, проходи в комнату».

Заходит Большаков к императору в комнату, а в комнате на столе приготовлен гусь жареный и весы тут же стоят.

— Вот, Большаков, мы сидим обедать: я, царица, четверо наших детей. Разрежь гуся на шесть частей и чтобы каждая часть была равна. Если не равны будут части, то тебе голову долой.

Могу, ваше императорское величество, разделить на части, и равные будут, только при всем сенате.

Император созывает сенат. Сенат явился к императору.

— Давай, Большаков, дели.

— Ваше императорское величество, дайте мне слово.

— Давай, говори.

— Сенат поучился восемнадцать — двадцать лет. Теперь они полные генералы, майоры, лейтенанты. Прежде пускай они разделят гуся. А если не сумеют — я разделю.

Император признал, что Большаков говорит правильно, и обратился к сенату:

— Вот вы сумеите разделить гуся на шесть частей, чтобы каждая часть была равна. Если не сумеете — головы долой.

Сенат отказался:

— Не сумеем, ваше императорское величество.

Они боялись, как бы император не снял с них голов.

— Тогда распишитесь в этом, — сказал император.

Сенат расписался все до единого.

Император тогда сказал:

— Ну, теперь приступай, Большаков, дели.

Сели за стол император с государыней, четверо их детей — два сына и две дочери. А министрам Большаков приказал садиться и соблюдать за правилами.

Большаков взял гуся, отрезывает голову, подает ее императору и говорит:

— Вот ты царь, голова всему — кушай голову.

Царице отрезает ошивца *:

Вот ты помощница царю, тебе ошивца кушать.

А сынам отрезает по ляшке:

Вы, сыны, скороходки, в школе учитесь, чтобы вам поскорее было ходить.

А дочерям отрезает крылышки:

— Вы, дочери, до восемнадцати — двадцати лет будете у отца с матерью, а потом замуж выйдете. Так вам полгче чтобы было улетать.

А я моряк-сиротка, так мне вся гусиная середка.

И придвинул остальную часть гуся к себе.

Сенат догадался, что перед императором все дураками остались. Рассмеялся император находчивости моряка и сказал:

Правильно, Большаков, разделил гуся. А вот сенат дураки. Будь ты, Большаков, полным генералом.

Большакова обмундировали: в генеральскую форму одели, брюки с лампасами и дали несколько дивизий командовать ими.

Большакова солдаты любили, за отца родного почитали, он с ними ласков и вежлив был.

Петр I имел обычай ночью ходить, со своим помощником, конечно, шляться, как говорится. И где были умные парни, умные солдаты, он их сейчас же брал, учил и производил. Даже до генералов.

И шел со своим адъютантом. Да. И с одного шинка одного солдата рядового, вышвырнули его. И он стоит, бедный, немножечко был хмельной, и говорит:

— Разуму — продать, а за что выпить — нет.

Тогда этот самый царь Петр — был одетый в цивильном, в гражданском — и сказал своему адъютанту:

— Бери! С нами его!

Он его взял.

— Ну, солдат, идем! Мы тебя угостим.

Зашли в шинок. А шинкарь его опять выгоняет:

— Подавайся, сукин сын, тебе нет за что пить!

А этот самый говорит:

— Ничего, мы его угостим!

— Ну, если вы угостите, хорошо.

Стали они все трое:

— Давай по столбушке водки!

Дали. Царь сейчас дал там рубль золотой.

— Ну, пей, рядовой!

— Здравия желаем!

Выпили.

— Ну, знаешь что, рядовой, ты сказал одно слово — нам это слово чуждое.

— Какое я слово сказал?

— А сказал, что у тебя разуму — хоть продать.

— Ну, допустим. Спрашивайте, я вам отвечу.

— Ну, скажи, рядовой, откуда Россия начинается?

— От дурак (на царя!)?! — отвечает. — Ну, откуда — от Востока, от восхода.

— Ну, хорошо, хорошо. Ну, за то давай еще ряд.

Дал еще ряд.

— Ну, а где же она, Россия, кончается?

— Ну, вот дурак! Там, где заходит солнце. Давай еще ряд.

— Ну, хорошо. А ты знаешь высоту неба?

— А, большое дело! Вот гремит — а тут стучит. И только. А не веришь — померь.

— Хорошо. А глубина земли какая? Большая? Глубокая?

— Да вот тут дело,— отвечает рядовой.— Мой отец уже двадцать пять лет сошел в нее и еще не вернулся.

ОТЕРЕБИЛ ЛИ РЯБЧИКОВ?

95

Это бывальщина, это на самом деле было.

Один человек служил при Петре Великом 15 лет, при службе был царским поваром, на царя готовил пищу. Выслужил срок своей службы, пришел домой — в село, собрал угощение, родных и соседей созвал. Подвыпили тут, другие порядочно выпили, вот и говорят ему некоторые:

— А что, ты в глаза царя видал ли?

— Нет,— говорит,— я для самого царя готовил пищу, а в глаза не видал его.

Они стали с укором:

— Эх,— говорит,— за пятнадцать лет да ни разу не видал!

Он на это им ответил:

Не видал, так нарочно пойду посмотреть.

Утром рано встал и пошел, приходит в Петербург на другой-то день; пришел в девять часов — аккурат. Петр Великий занимается учебой, учит солдат. Выстроил всех во фронт, командует: «Направо... налево!..» Ну, потом остановился, промежуток времени минут в пять с солдатами покурил.

Петр Великий простую одежду носил всегда, не имел никакой отлички — все одно что простой солдат. Ну, вот он в это время подходит,— Петр Великий спросил:

— Что ты за человек, зачем ты пришел сюды?

Он ему сказал:

— Я пришел царя посмотреть, служил пятнадцать лет при царе и в глаза не видал.

— Если не видал — смотри.— Он на его и посмотрел.— Ну что, теперь убедился?

— Да, убедился.

— Вечером приходи ко мне.

Ну, Петр Великий призвал на квартиру, сразу и сказал:

— Вот я тебе загану загадья; перва: широка ли земля?

Он ему сказал:

— Солнце кругом земли обходит в двадцать четыре часа, должно быть, земля не очень узка.

Ну, вот он втору загадку загнул:

— А высоко ли небо от земли?

Солдат, недолго времени думая, ему:

— На небе стукнет — сюды на землю слышно, так, должно быть, не порато высоко небо от земли.

Он третью загадку ему загнул:

— А глубока ли земля?

Мужичок, немного думая, опять:

— Был у меня дед девяносто лет, в землю ушел — сейчас его нет, дак уж, верно, не мелка.

Ну, а Петр Великий еще спросил его:

— Когда ты служил в Петрограде — какую службу правил?

— Я был на кухне поваром.

Петр Великий на это ему:

— Умеешь теребить рябчиков?

— Еще бы, — говорит, — как не уметь.

Ну, Петр Великий вынимает ему 50 рублей:

— Поди в город — недельку времени погуляй, через неделю приходи ко мне, — на неделю отправил его.

Вот он призвал к себе три генерала, загнул он три загадки им, те же самы, — они не могли ему ответить. Вот и говорят:

— Петр Великий, дай нам сроку — по книгам справить-ся, посмотреть в книгах, тогда, может быть, вам и ответим мы.

Вот неделя времени прошла, через неделю пришел Иван, он взял да его в тюрьму посадил. Вечером посадил — утром он посадил рядом с им трех генералов. Вот они и стали спрашивать у него:

— Нам царь загнул три загадки, не знаешь ли, как разгадать?

Он им и сказал:

— Я знаю, сколько дадите мне за это? По тысяче рублей с каждого, — тогда вам объясню эти загадки.

Они и говорят:

— Мы не пожалеем тысячи рублей, даем каждый, — только объясни нам эти загадки.

Дали по тысяче рублей каждый, вот солдат и объяснил им эти три загадки.

Ну, и вот на другой день Петр Великий выпустил этого солдата, да и их выпустил, всех вдруг выпустил. Выпустил и спросил:

— Дак ты был у меня на кухне поваром, говорил, что теребил рябчиков; отеребил ли ты рябчиков?

— Как же, ваше царство-величество, отеребил я рябчиков.

— Помногу ли ты с их взял?

— Я по тысяче рублей с каждого взял.

— Молодец, хорошо умеешь теребить рябчиков.

Ну, и вот Петр Великий от себя еще дал триста рублей:

— Поди,— говорит,— теперь домой.

Иван пошел.

После этого Петр Великий генералов призвал к себе и спросил у них:

Ну, что, господа генералы, справились по книге, знаете теперь таки загадки, которы вам загадывал?

Знаем,— говорят.

— Ну, знаете, дак поясните.

Вот они все и рассказали, чему солдат их научил.

— Ну, ребята, ладно.

И отпустил их, и больше ничего не сказал.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И КАМЕНОТЕС

96

В одно прекрасное время Петр Великий осматривал Питер. Едет мимо Путиловской горы, увидел каменотеса. Подъезжает к нему, спрашивает:

Бог на помощь, мужичок, каково работаешь, много ли зарабатываешь?

— Не стоит благодарности за такие малости, в день восемьдесят копеек заработаю.

— Так тебе и хватает?

Не очень-то хватает.

— Странное дело, куда же вы деньги десте?

— Двадцать процентов долгу плачу, двадцать — в дом даю, двадцать — за окно кидаю.

Государь задумался.

Разъясни, — говорит, — мужичок, понять не могу.

— А видите, двадцать процентов отца с матерью кормлю, двадцать — двух сынов рошу, двадцать — двух лебедек рошу, крылышки подрастут — тут я их и выдывал, а двадцать процентов на все содержание.

— А видел ли ты государя?

— Да нет, а хотелось бы.

— Ну, поедем, покажу; как приедет в селение, все будут без шапок, один государь в шапке.

Приезжают в селение, там кричат «ура», шапки вверх кидают, а он спрашивает:

— Который же из нас царь, что все без шапок, только мы с вами в шапках?

— Не знаю,— говорит.

Потом мужичок пал на колени.

— Простите,— говорит,— ваше царское величество.

— Возьму я тебя в Питер, скажешь ты свою загадку сенаторам.

Сели в телегу и отправились в Питер. По приезде Петр Великий собрал сенаторов и говорит:

— Вот, господа сенаторы, этот мужик задал мне такую загадку, что я не мог решить. Прошу вас в трехдневный срок решить.

Мужик и рассказал им загадку.

— Господа сенаторы, разгадайте, куда его деньги идут, а вы, мужичок, не смейте без моей милости им сказывать.

Сенаторы думали, гадали, но решить не могут. А один решил его подвести.

— Давай позовем да предложим, чего только захочет.

Позвали и подкупают, а он был не промах. Шляпа у него была большая да с заворотом.

— А кидайте мне полную шляпу золота.

Они и накидали. Он и говорит:

— Двадцать копеек — отца-мать кормлю, двадцать копеек — двух сынов рошу, двадцать копеек — двух лебедек рошу, на двадцать копеек сам живу.

Сенаторы видят, что самое простое, а не могли угадать. Ну, срок прошел, они и пошли к государю:

— Ну, вот,— говорят,— такая-то разгадка.

— Ну,— говорит,— вы сами не могли отгадать, он вам рассказал.

Они и повинились. Он как сурово посмотрел на мужика. А тот говорит:

— Ваше императорское величество, да смотрите, сколько мне ваших личностей накидали. Разве я смог отказать-ся? (На каждом золотом ведь личность государя.)

Пошли они обедать, мужика царь около себя посадил. Сенаторы и решили его подвести. Ударил один соседа и сказал: «передай другому!» Так до мужика дошло. Должен он царя ударить. А он встал и говорит:

— Вот, господа сенаторы, какой я сон видел: пошли мы со старухой в лес и увидели дрова хорошие. Ну, пошли и стали грузнуть. Что дальше, то больше грузнем. А что, а что, не вернуться ли нам домой? Да,— говорю,— вертаться, а дрова какие хорошие! Так вот, господа сенаторы, как быть: угрузиться или домой повернуться?

Вот те и говорят:

— Конечно, домой повернуться.

Он как повернулся, да как хруснет — «передай другому», говорит. Тут его царь самым главным сенатором и поставил, а их ему под начало отдал.

СОЛДАТ СИРОТКИН *(вариант)*

97

В древнее время одно было семейство; их фамилия была Сироткины. Потом родители померли; их было 2 брата, так что принужден был один в службу идти. Их в те поры отдавали на 25 лет. Попал он в штат в Петербург. Его Государь Император очень любил, так что навсегда при себе оставлял: «Родителей при тебе нет, я тебе великолепную должность дам». Но он отвечал: «Какой я есть необнаковенный человек! Писарю — перо с рук и хлеб с зуб, а когда я поживу на свете и приучусь работать всякую работу, тогда мне не будет страшно жить на белом свете. Нет, Ваше Императорское Величество, не останусь я в писарях, поучусь работать».

В то время проводилась Ладожская канава. Стал он работать. Ну, вдруг приехал Государь Император осматривать провод канавы; увидел своего любимого Сироткина, весь в грязи, мазанный. «Да разве тебе здесь,— говорит,— лучше работать?» — «Очень хорошо. Я здесь как проворочаюсь — то щей как с петитом покушаю, говядины вместо

...Государь да:
ему до зог
чтоб то-
лько отгада:
Рассказчик,
* в и д н о ,
опустил здесь
отгадку:
пятак кор-
на пя-
кормят
холодных сы-
новей,
так
рых родите-
лей.
пятак
черей.

Тот с одного
кармана выта-
скавает до
лотых, с друго-
го кармана то-
же монеты
были пор-
третом царя.

меда. А там приелось все, на месте хорошем сидевши: чаю выпьешь стакан, и все!» И загадал он Государю загадку: «Здесь получают на день четыре пятака. На один пятак кормятся, другой в дом запускают, третий — долг плотют, четвертый — на ветер пушают». Государь дал ему 40 золотых, чтоб только отгадал *. «Потом,— говорит,— смотри, не говори никому, пока мене сорок раз не увидишь».

Приезжает Государь в Сенат, загадал он сенаторам эту самую загадку: «Чтоб,— говорит,— в три часа узнать!» Сенаторы послали скорей за Сироткиным на Ладожскую канаву. Получил он от них сорок золотых, объяснил. Те докладывают Государю Императору: «Узнали. Ему Сироткин нечаянно встретился». Государь говорит: «Ну, брат, наверно, ты сказал им. Я тебе сказывал, пока мене не увидишь сорок раз, никому не говори!» — «Ваше Императорское Величество, я вас видал восемьдесят раз». — «Как же ты мог?» Тот с одного кармана вытаскивает сорок золотых, с другого кармана тоже **.

Тогда и говорит Государь Император: «Будь, брат, старшим сенатором у мене, довольно тебе грязь там копать».

И теперь с бедности как он здорово живет! Имение куплено около Угры. Мы работали у них. Теперь уже сивый стал Сироткин.

98

УМНЫЕ ОТВЕТЫ (вариант)

Это в старое время было, при Петре I.

Петр I сам ходил везде, ездил. Ну и вот, ехал по дороге, близ дороги полянка, на полянке пашет пахарь. Он остановил лошадь, сказал:

— Бог помощь, мужичок. Ну и что это вы тут делаете?

Говорит мужичок:

— Да вот пашу полянку, буду хлеб сеять.

— Сколько же вы из этой полянки дохода получаете в год?

— Восемьдесят рублей,— говорит,— в год получаю.

— Куда вы эти деньги кладете?

— Да двадцать рублей,— говорит,— долг плачу, двадцать рублей подать плачу, двадцать рублей взаймы даю, двадцать рублей за окно рою ***.

бро-
имен.

Царь сидел, думал, думал и говорит:

— Разъясни,— говорит,— как это?
— Да есть,— говорит,— отец. Двадцать рублей долг плачу — отца кормлю. Двадцать рублей займа даю — есть сын, сына рошу. (Придется ли только получить?) Двадцать рублей за окно рою — есть дочка, одеваю, обуваю, рошу. Замуж отдам — все за окно.

Тогда ему Петр I сказал:

— Ну, хорошо, молодец. Давай снимай шляпу с головы!

Он снял, Петр I насыпал ему полную шляпу золота и говорит:

— Брось пахать, тебе хватит.

И поехал. Мужик шляпу под мышку — и пошел домой.

Сказка коротка да замысловата.

БЕСПЕЧАЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ

99

В одном монастыре братия была человек в 50; монастырь был богат, жили монахи припеваючи, жгли между собою дружно, никакого горя не знали. В монастыре был послушник — человек уже старый, находчивый и шутник; с малолетства жил в монастыре и охотник был рыбу ловить, день и ночь на озере. Однажды ему на озере рыба не ловилась, и он от нечего делать сплел из тростника буквы; приехал вечером поздно и буквы эти прибил гвоздиками к воротам монастыря, из букв вышло два слова: «Беспечальный монастырь». В эту ночь мимо монастыря ехал какой-то важный барин на тройке. Подъехал он и видит на воротах надпись: «Беспечальный монастырь».

Приехал барин в город — и прямо к царю. «Мы,— говорит,— не знаем, где на войну и на все денег взять, а в монастырях сколько денег; живут там по пятидесяти человек и больше; сыты, обуты, одеты, ничего знать не хотят да еще и посмеиваются! Хоть напугал бы этих беспечальцев, если уж другого ничего сделать нельзя».

И вот в монастыре получена была бумага, что сам царь в монастырь приедет на другой день и спросит ответ на три вопроса; если кто-нибудь из монахов даст на три вопроса верные ответы, то и пусть монастырь будет беспечальным, а если не найдутся ответить, то всех монахов

долгой из монастыря. Призвал настоятель братию и прочитал бумагу. Все ахнули, а послушника, который надпись прибил, обвиняют, что все из-за него, пошутил неладно.

И присудили все, что он пусть первый и ответ царю дает, а уж если не может ответить, то другой кто может, пусть отвечает. Послушник был грамотой доволен, а настоятель мало учен, и присудили все, что царя встречать будет вместо настоятеля послушник. Послушник видит, что дело плохо, попросил одежду у настоятеля, надел на себя: сидит хорошо, не длинна и не коротка.

Ждать царя пришлось недолго, приехал утром вестовой и сказал, что царь сейчас будет. Вышли монахи, послушник во главе настоятелем. Подъехал царь, вышел из кареты, подходит к воротам, в самых воротах царя и встретили; поздравствовался царь с монахами и называл их беспечальными.

— Ну, кто из вас будет отвечать мне на три вопроса? Все указали на нового настоятеля.

— Кто я? — спрашивает царь.

— Образ и подобие Божие! — отвечает настоятель.

— Что я стою?

— Иисус Христос был продан за тридцать серебряников, так царь стоит меньше этого! — отвечает настоятель.

— Ну, а что я думаю? — спросил царь.

— Сейчас ты, царь, думаешь, что перед тобой стоит настоятель монастыря и тебе отвечает, но это не верно, я простой послушник.

Послушника царь взял к себе во дворец, а на монастырских воротах под надписью «Беспечальный монастырь» велел сделать другую: «Сам царь проверил». Остались все монахи в монастыре и живут по-прежнему в довольстве и добре.

100

БЕЗЗАБОТНЫЙ МОНАСТЫРЬ (вариант)

Было на дверях написано, что беззаботный монастырь. Вот, приехал там государь, что ли, царь ли.

— Как это так? Беззаботный монастырь? В монастыре должно заботиться.

Ну вот и спрашивает:

— Я вам, — говорит, — загану загадку, чтоб к утру

свету была разгадана эта загадка. Сосчитайте, сколько на небе звезд? Что я стою? И что я думаю?

Значит, дал настоятелю такое наставление, чтобы к утру загадки эти разгадать. Вот настоятель и думает и не может никак разгадать этих загадок.

Вот такой был мельник на мельнице, кухарь, старец. Настоятель и думает:

— Дай-ка я съезжу к нему. Он расскажет, как выйти из этой печали.

Вот приезжает к старцу и говорит:

— Так и так, выведи меня из положения из худого, чтобы я наутро мог разгадать.

— А вы,— говорит,— оденьтесь в мои платья, а я оденусь в ваши, я и поеду к царю на отгадья.

Настоятель согласился, значит. Перенаделись. Старец поехал туда в монастырь разгадывать государю загадки. Ну вот, и выкликает государь игумена.

— Ну что,— говорит,— ты, игумен, мог ли разгадать загадки? Скажи мне, сколько на небе звезд? Сосчитал ли за ночь?

Тот начал:

— Там столько тысяч, сколько тьмов.

— А это,— царь говорит,— неправда.

— А вы проверяйте сами, коли это неправда.

— Ну, а сколько я стою?

— Господь был продан за тридесять серебряников, а вы все подешевле стоите.

— А что я думаю?

— А вы думаете, что я игумен, а я с мельницы старец, кухарь.

— Ну, дак быть же тебе игуменом, а тот пусть мельничным кухарем.

Тем и кончилось.

БЕСПЕЧАЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ (вариант)

101

Царь задумал испытать народ: кто узнает земную широту, солнышко во много ли время кругом проходит. Купчества, господ приводил, спрашивал... Никто. Говорили, что «Царское Величество, не можем знать». Потом простонародье собирал, спрашивал, из духовных, из со-
лдатов,— никто не находился отгадати.

Идет пьяница-солдат на остатках. «Эй,— говорит,— Сукин, поди-ко сюды». Приходит Сукин: «На что, Царское Величество?» — «Я тебя лажу спросити: вот, земная широта широка ли?» — «Да должно быть,— говорит,— неширока». — «Как ты можешь его, Сукин, знать?» — «Царское Величество, потому могу знати: в двадцать четыре часа кругом солнце обходит». — «Ну, хорошо, хорошо. А небесная высота высока ли?» — «Должно быть,— говорит,— невысока». — «Как ты можешь знать?» — «А там стучит — а здесь чуть * вишь, гремит как».

«Ну а земная,— говорит,— глубота глубока ли?» — «Да, должно быть, глубока»,— говорит. «Как ты можешь знать?» — «А вот почему: у меня батюшко тридцать лет в землю ушел, да взад-то еще его нет».

чуть
ишно (местн.

102

ГОСУДАРЬ, ПОП И РАБОТНИК (вариант)

В маленьком приходе жил священник; жил исправно, не было заботы никакой, и так он ожирел порато. И пришлось ему побывать к государю лично. И спрашивает его государь: «Вы, отец духовный, из какого приходу, и что вы ожирели, батюшка, так порато?» — «А вот, потому нет никакой заботы». — «А вот я тебе загану загадки — отгадай. Через месяц и приходи ко мне». — «Какие,— говорит,— Ваше императорское величество?» — «А вот,— говорит,— первая загадка: чего я стою? А вторая загадка: на своем коне во сколько время всю Россию могу объехать? А третья загадка: чего у меня на уме?» Вот, хорошо. «Ступай домой, подумай и приходи».

У попа жил работник. Приходит поп домой печальный, в заботе такой: не отгадает — житье будет плохое. Вовсе похудел, хуже стал. Работник его спрашивает: «Отчего это Вы, батюшка, похудели?» — «Да вот,— говорит,— так и так, загадал государь загадки, а отгадать не могу». — «Давайте отгадаю, отпустите меня». — «А ступай, иди с Богом». Оделся в попову одежду и отправился туды.

Приходит работник, говорит прислуге: «Доложите, что поп пришел». Прислуга доложила. Государь и говорит: «Пусть приходит. Ну что,— говорит,— отгадал ли загадки?» — «Точно так, Ваше императорское величество». «Ну, как?» — «Вот чего Вы стоите,— говорит: — Иисуса

Христа продали за тридцать серебряников, а вы первый помазанник после Иисуса Христа, так Вы двадцать девять серебряников стоите». — «Хорошо. А вторая: во сколько время могу всю Расею изъездить?» — «А вот будь, Ваше императорское величество, Ваш конь как солнце, в двадцать четыре часа объехали бы весь свет». — «А третья загадка: что у меня на уме?» — «Думаете, что мне не отгадать». — «Вот так, — говорит, — поп — молодец!» Выхвалил государь попа. «Нет, Ваше императорское величество, я, — говорит, — не поп, а я его работник». — «Ну так будь ты попом, а он пусть работником».

БЕЗЗАБОТНЫЙ МОНАСТЫРЬ (вариант)

103

Это, конечно, дело было в исторические годы, еще при Петре Первом, давным-давно. Близко города Петербурга явилась явленная икона, и на этом месте возобновили монастырь и собрали монахов. Как они начали там жить, нужно было дать название монастырю. Сделали собрание — заседание, по какому угоднику дать название?

— Какой есть интересный угодник?

Думали, думали, никакой не подходит.

Однажды игумен встает утром, идет к монахам-братьям и говорит:

— Я придумал кличку — беззаботный монастырь.

Как так?

— А нам об чем заботиться? Рыбы хватает, хлеба хватает, молоко есть (а мяса им не разрешалось). Богомольцы ходят — деньги носят.

Все решили: правильно. Дали объявление: «Монастырь беззаботный».

Пропечатали статейку в «Русском слове» (там всегда раньше печатали), что беззаботный монастырь возобновился около Петербурга. По всему свету пошло.

Эта газета попадает к царю Петру — видит статейку и думает: «И какой же был святой беззаботный? Все святые заботились. Пойду узнаю, решу этот вопрос».

Жеребца седлает, одевается, поехал в ту сторону. Едет в простой одежде, тогда проще было. Едет деревней, приезжает к этому монастырю. Видит — монастырь большой, богатый. Тогда хорошо монастыри жили. Игумен в годах уже глубоких, в вуале, митре, кресте золотом

с бриллиантами и золотой крест на посохе. Игумен увидел и признал, что это Петр, царь.

Поздоровались.

— Вы кто, батюшка, будете?

— Я игумен.

— Какое название у монастыря?

— Беззаботный, господин Петр.

— А какому это угоднику? Ведь такого угодника нету?

Игумен задумался.

— Да мы так дали, ведь забот у нас нет. Мы гуляем, пьем, едим. Богомольцы ходят — деньги носят, вот и беззаботный монастырь.

— Так-то так, но это неправильно. Монастырь этот надо разогнать. Вот если три загадки отгадаете, тогда оставлю. Я заставлю, чтобы ты заботу нашел.

И начал загадывать.

— Во-первых, сколько на небе звезд сегодня ночью? Во-вторых, сколько я стою? И третья загадка — что я думаю? Завтра в десять часов я к тебе приеду.

Ну, он братьев-монахов собрал много. Игумен задумался; верно, беззаботный стал задумываться.

Братья собрались, гадали целую ночь. Звезды — туда-сюда, можно сосчитать, а других не отгадать. Игумен наутро решился на самоубийство.

— Лучше сам себе нарушу жизнь.

Часов в восемь утра подходит к мельнице (большая водяная мельница была) и хочет в плотину броситься. Молится.

А у мельницы был работник, идет и видит: поп хочет в плотину броситься.

— Что ты, батюшка?

— Ой, Гришенька!

— А в чем дело?

— Хочу жизнь нарушить.

— Да что ты! Чисто живете, хорошо едите и нарушаете жизнь! У меня ничего нет, все проживаю и то не хочу нарушать жизнь, а у тебя все есть.

— Мне надо три загадки разгадать. Через час царь приедет, мне голову отрубят.

Работник говорит:

— Плевое дело эти загадки. Четвертинку вина поставь — я выручу тебя.

— Мы все ночь думали, не отгадали.
— Отгадаю!
— Вот тебе сто рублей.
— Научить тебя нельзя — провалишься. Я сам буду отвечать. Давай надевай мою мельничную одежду, а мне дай свою.

Гришка-работник посох взял, митру надел, бородку приклеил подходящую, надел его одежду.

— Где вас ждать?

Здесь. А ты садись в крыжовник, в малинник.

Ходит по дорожке, молится. Смотрит, — царь подъезжает. Поздоровались.

— Ну как, игумен, отгадал мои загадки?

— Как же, как же, отгадал.

— Сколько звезд сегодня на небе?

— Сколько звезд? На юг — семьдесят три, на запад — сорок восемь, на север — девяносто.

— Ой, обожди, стой. А почему так мало?

— А я вот на восток еще не сказал. А почему мало сегодня все святые запьянствовали, забыли свечи зажечь, горят все огарки, а он долго ли горит — гаснет.

— Ну, правда. А сколько я стою?

— Сколько вы стоите? Два с полтиной.

— Почему так дешево?

— Да ведь как же. Ведь как ни говори, а ты царь земной, да еще над одной Россией. А был Царь Небесный, надо всем движимым и недвижимым, а Иуда его за тридцать серебряников сатане продал. А тебя уже можно на пятьдесят подешевле.

Царь подумал-подумал: верно. Если Небесного Царя продали за столько. Ладно, хорошо, согласился.

А что я думаю?

— Вот вы думаете, что я игумен, а я работник с мельницы, а игумен вон в крыжовнике.

Игумен выходит грязный, в мучной одежде.

— Тьфу, черт вас возьми с вашим беззаботным монастырем.

И ускакал царь назад. И так пословица идет с тех пор — беззаботный монастырь.

Так Гришка игумена выручил и жив остался. Еще бутылку вина получил да сто рублей денег.

Петр I любил по селам разъезжать. Вот однажды он едет мимо одного монастыря. А в монастыре знает один настоятель — игумен, что царь мимо поедет. Он выстроился во всем своем наряде в воротах: встречает его и провожает взглядом, приветствует. Петр дверку открывает:

— Игумен, скажите, что означает вывеска «беззаботный монастырь» и «беззаботные братья»?

Он ему отвечает:

— Это означает, Ваше императорское высочество, что мы живем в удовольствиях, помех не знаем.

— Ага, очень хорошо... Значит, у вас всего вдоволь, кроме заботы? Я дам вам заботы... Я проезжу три дня, а через три дня ты мне отгадаешь три загадки. Первая из них — сосчитать, сколько звезд на небе. Вторая — сколько я стою. Записал? (Он повторил.) Усвоил задачу? Третья — что я думаю. Если ты не сможешь отгадать, на месте лишишься своей головы.

Игумен все понял, и царь поехал.

Вот наш игумен стал озабоченным, как разгадать эти загадки. «Сколько звезд на небе?» Никто ему не поможет. Ходит он мрачный-мрачный в предместье монастыря. И ничего не может поделать. Как выйти из тяжелого положения?

Подошел к конюху, а конюх был такой находчивый, да такой заботливый, что заметил мрачный вид игумена. Конюх говорит:

— Что-то вы слишком мрачно выглядите, отец такой-то.

— Да,— говорит,— будешь мрачным... Ничего вы не знаете и мне не поможете.

И тут игумен поведал свою заботу. Конюх, подумавши, сказал:

— Да,— говорит,— задача нелегкая. И потом через две минуты добавил:

— Я бы ответил на все эти вопросы, и он (царь.— *Сост.*) бы только посмеялся.

Игумена это взволновало до глубины души.

— Хочешь,— говорит,— встань на мое место и ответь.

Конюх говорит:

— Очень умно: встань и положи голову. А что я за это получу?

Игумен отвечает:

— А сколько вы хотите получить, чтобы встать на мое место и ответить?

Конюх говорит:

— Сто рублей (в старое время — деньги большие).

— Возьми,— говорит,— сто рублей, встань на мое место.

Договорились.

— Мне еще нужен ваш наряд, чтобы было безобидно смотреть, что это и есть игумен. В общем, грим наложить такой.

Еще попросил лист чистой бумаги и иглу. Сел на тумбочку и весь лист исколот иглой.

Приехал царь, игумена спрашивает:

— Ну как, игумен, ваши успехи? Отгадали мои загадки?

Выстроившись в струнку, он отвечает:

— Так точно, Ваше императорское величество.

— Ну, первая загадка: сколько звезд на небе.

— Девятьсот девяносто девять миллионов, девятьсот девяносто девять тысяч, девятьсот девяносто девять.

— А как вы сосчитали?

— Как посмотрю на одну звезду — ткну; на другую — ткну; два раза проверял. Не верите — проверьте.

А и лист весь исколот был, и кромка была вся исколота, нельзя сосчитать. Царь усмехнулся, видит, что игумен грамотный.

Задаст второй вопрос: «А сколько я стою?»

Конюх отвечает:

— Вы стоите двадцать девять с половиной серебряников, так как Царь Небесный стоил тридцать серебряников, а вы на полсеребренника подешевле.

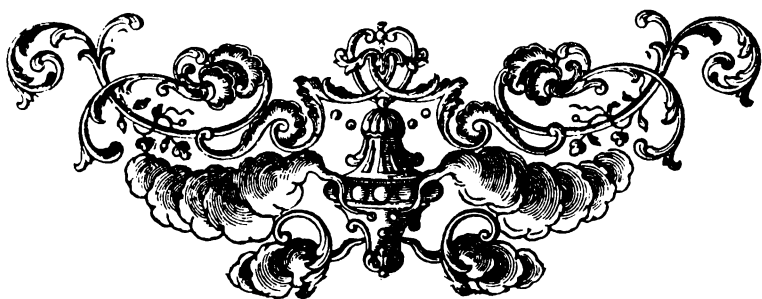
Царь рассмеялся, оставшись довольным ответом. И тут же спросил третий свой заданный вопрос:

— А что я думаю?

— Вы думаете, Ваше императорское величество, что здесь игумен, а здесь Ванька — конюх.

Петр, рассмеявшись, дарит ему рубль на чай.

ЛУБОЧНАЯ ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ ПЕРВОМ

Ниже вниманию читателей предлагается весьма популярная в прошлом веке, но ставшая в наши дни библиографической редкостью лубочная повесть, известная под названием «Предание (сказание) о том, как солдат спас Петра Великого от смерти у разбойников (спас жизнь Петра Великого)».

Повесть издавалась и переиздавалась у самых видных лубочных издателей и книготорговцев: в Москве — у Сытина, братьев Абрамовых, Яковлева, Манухина, Шаропова, Глушкова, Коновалова и К^о, в Петербурге — у Холмушина и Кузина, в Киеве — у Губанова. До нас дошли 28 изданий с 1849 по 1917 год, авторских и анонимных; известны фамилии или псевдонимы семи их авторов.

Фольклорным источником сюжета повести является сказка «Царь и солдат в лесу» (СУС № 952; в настоящем издании см. № 54—56). Это «бродячий» сюжет бытовой сказки, в мировом фольклоре он связывается с образами «справедливых» царей, на восточнославянской почве входит в сказочный цикл о Петре I. Сказка традиционна, ее лубочная переделка — повесть — явление более позднее в истории русской культуры. Но она продлила жизнь сказки: влияние ее книжного стиля на устные варианты сказки, бытовавшие в народе уже параллельно с распространением лубочной повести, очевидно. Взаимодействие сказки в ее вариантах с повестью в ее редакциях — яркий показатель процесса «фольклор — книга — фольклор», характерного для эпохи XIX—начала XX века.

С помощью текстологического анализа выделяются 7 основных редакций повести.

Публикуемый нами текст относится к первой (условно — редакции В. Шмитановского), самой популярной и наиболеестройной в сюжетном отношении. Он взят из издания Яковлева, М., 1873 г.

Приводим список всех изданий повести, группируемых по редакциям:

1 редакция В. Шмитановского:

М., ТВМГП, 1859; М., Яковлев, 1873; М., братья Абрамовы, 1877.

М., Глушков, 1879; М., Сытин, 1886; М., Абрамов, 1889; М., Сытин, 1898.

М., Сытин, 1901; М., Сытин, 1909; М., Торговый Дом Е. Коновалова и К, 1909; М., Сытин, 1914.

1а /редакция/анонимная/;

М., Манухин, 1879; М., Манухин, 1882; М., Шарапов, 1889; М., Бельцов, 1910.

М., Бельцов, 1911.

2 редакция Ф. Б.: М., Сытин, 1890; М., Сытин, 1910; М., Сытин, 1912; М., Бельцов, 1912; М., Сытин, 1915; М., Сытин, 1917.

3 редакция Влад. Турбина: М., Н. Шарапов, 1990.

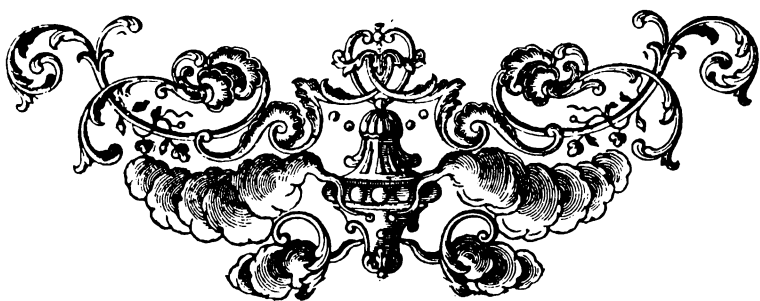
4 редакция И. З. Крылова: М., Смирнов, 1849; М., Смирнов, 1850.

5 редакция К. К. Голохвастова: Птр., Н. И. Холмушин, 1915.

6 редакция О. М. Кессара: Киев, Губанов, 1897.

7 редакция Ф. Белоруса: Спб., Кузин, 1896.

ПРЕДАНИЕ О ТОМ, КАК СОЛДАТ СПАС ПЕТРА ВЕЛИКОГО ОТ СМЕРТИ У РАЗБОЙНИКОВ

Был август месяц 1718 года. Пасмурный день склонился уже к вечеру. Невдалеке от Петербурга, в густом лесу, слышались глухие звуки охотничьих рогов, но и те потом совершенно затихли. В это же время проходил лесом отставной бравый солдат и бормотал что-то себе под нос; он возвращался в Петербург из отпуска.

— Что за дьявольщина! — сказал наконец солдат громко. — Да уж не леший ли водит меня по этому проклятому лесу: хожу, хожу по нему и никак не выберусь на дорогу... А уж время подумать и о ночлеге.

И он, продолжая рассуждать, брел потихоньку. Вдруг из-за деревьев выехал всадник красивый и величественной наружности. Он одет был в зеленое полукафтанье, опоясанное ремненным кушаком с серебряными бляхами; через плечо на цепочке висел у него рог. Это был Петр Великий. По совету бояр и по просьбе царицы он отправился на охоту, чтобы рассеять свои мрачные думы. Охота, однако же, в этот день была неудачная. Государь, преследуя бегущую лань, долго гнался за нею и наконец, когда потерял ее совсем из виду, заметил, что заехал слишком далеко и остался один. Он стал трубить; вдалеке чуть слышно отвечали ему. Государь поехал на звук, но не в ту сторону, откуда был слышен рог, и совершенно заблудился. Напрасно потом он продолжал трубить: ему вторило одно только эхо, а между тем время клонилось уже к вечеру. Проплутав некоторое время, он наткнулся на солдата. Петр рад был встрече и заговорил со служивым.

— Эй, дядя, как проехать на Питер?

Солдат взглянул на Петра и, не узнав в нем своего государя, отвечал:

— А кто ее знает. Я и сам вот уж часов пять или шесть хожу по этому чертовскому лесу и никак не выберусь на дорогу.

— А ты в каком полку служишь? — спросил опять государь солдата.

— Мало ли я в каком служил, а теперь числюсь в Невском, — отвечал солдат. — А ты из каких?

— Кто? Я-то?.. Я царский охотник, а зовут меня Григорием, — сказал государь. — Царю, видишь ли ты, — продолжал он, — вздумалось в этом лесу поохотиться, я погнался за ланью, да и потерялся. Что же ты, дядя, остановился? Ступай рядом с моей лошадью: нам двоим-то будет повеселее.

— А я, брат любезный, хотел было прилечь под деревцем.

— Ну к чему же это, дядя? Лучше поедem, выберемcя на дорогу, да там и переночуем.

— Пожалуй! — проговорил солдат и потащил свои усталые ноги возле лошади государя.

Говорун-солдат болтал без умолку, а Петр молчал и только изредка отвечал на вопросы служивого. Служивый часто посматривал на Петра и, заметив, что он очень скучен, сказал:

— Полно, Гриша, нос-то вешать, будь повеселее. Скукой, брат, ничему не поможешь.

— Ты из крестьян? — спросил Петр служивого, выходя из задумчивости.

— Да, брат Гриша, из крестьян. А что?

— Давно ли ты поступил в солдаты?

— Да-таки давненько, года за три до первого похода под Нарву.

— А! Так ты, значить, побывал под Нарвой?

— Как же, был; это мой первый поход.

— Поучили-таки шведы вас под Нарвою, как воевать нужно! Ведь вас было тридцать тысяч, а вы дали себя разбить!..

— Эх, брат Гриша, немудрено было тогда шведу колотить нас! Что мы были за солдаты? Ни в одном сражении не бывали и на службе-то всего были два года, совсем

ис понимали военного дела. Ну, да к тому же еще и голодали-то мы больно, подвоза провианта не было. А немцы-то изменяли, все перебегали к шведам. За то, впрочем, и шведы поплакали-таки от нас под Полтавою: мы им хорошо показали себя!..

— Ты и под Полтавою дрался?

— Дрался, да еще как натешились мы! Отплатили шведам за нашу православную веру и царя, отца нашего.

— А знаешь ли ты царя в лицо? — спросил Петр служивого.

— Ишь ведь что сказал. Еще бы не знать! — отвечал служивый. Он ростом-то повыше тебя будет, а молодец-то какой — чудо. Дай Бог ему пожить побольше.

— Ну, скажи мне, служивый, — продолжал Петр, — хороши ли у вас командиры и довольны ли вы ими?

— Ничего, брат Гриша, довольны, да ведь и то сказать, у нашего батюшки-царя никто своего дела не забудет; он сразу узнает, кто хорош, кто худ.

Ты помнишь, я думаю, когда мы вели войну со шведом, Питер окружили рогатками. Подле них расставлены были часовые, затем, чтобы ни один швед не проскользнул в Питер да не наделал бы чего недоброго. Вот в одну ночь он, наш батюшка-царь, и решил поразведать, верны ли у него часовые. Оделся он, знаешь, по-шведски да и подошел к одному часовому. «Послушай, — говорит, — служивый, пропусти меня через рогатку; я тебе за это дам рублик». — «Проходи! — крикнул часовой, замахнувшись на него кулаком, — я у тебя и пяти не возьму». — «Ну вот тебе десять», — уговаривает его Петр. «Проходи мимо!» — твердит часовой. — Не пропущу, а не уйдешь — так заколю тебя!» Государь подошел к другому часовому, стал и этого просить, чтобы пропустил его за рогатку, и за это обещал дать ему хорошие деньги. Дернул черт часового: пропустил он государя за пять рублей через рогатку. Наутро, с барабанным боем, повестили всем нам, что первого часового государь жалует капралом и дарит ему десять рублей, а второго приказал строго наказать.

И долго потом солдат рассказывал Петру разные разности, а лес все не кончается. Наш служивый вышел совершенно из терпения.

— Что ж это такое? Скоро ли же будет конец этому проклятому лесу? Уговорил ты меня, Гриша, идти за тобою,

и послушался я, да теперь вижу, что тащиться-то мне не так сподручно. Тебе хорошо ехать-то, а каково мне пешкурой-то плестись.

— Погоди, служивый, уж куда-нибудь да выедем же,— сказал Петр,— а если умаялся ты, то садись ко мне на лошадь.

— И, что ты, Гриша! Я и глядеть-то боюсь на лошадей, а не то чтобы ехать на них. Ведь если придется слететь с нее, то не так-то вкусно покажется... Знаешь, что, Гриша, не вскарабкаться ли тебе на дерево, да не посмотреть ли с него, нет ли хоть где избушки какой, что ли, или хоть огонька.

— Пожалуй, влезу,— говорит царь,— только ты смотри, дядя, не ускочи от меня.

— Что ты, разве я разбойник какой, что ли, что оставляю тебя одного сидеть на дереве, как белку! Уж если пришлось нам мыкаться, так двоим все-таки веселее.

И при последних словах солдата государь полез на дерево, а служивый взял его лошадь под узцы и начал ее гладить. Гладил, гладил коня служивый, да и задел рукою за жестяную фляжку, которая была привязана к седлу лошади.

— Э! — пробормотал служивый, ощупав фляжку.— Уж не с водкой ли она? Дай-ка откупорю. Э, э, э, съедят-те мухи! Да тут анисовая! Это славно, ну-ка попробую, не выдохнулась ли. Ух, да какая же важная, стогодовалая; очень хороша, право, хороша! Влезай, влезай, Гриша, а я здесь за твоё здоровье хлебну! — и он потянул из фляжки.

Между тем Петр уже взобрался на вершину дерева и долго в какой-то раздумчивости рассматривал в разные стороны. Солдат тем временем докончил все вино и пустую фляжку повесил на прежнее место.

— Ну, что, дает ли Бог что? — спросил служивый.

— Влево видится огонек: верно, в избушке лесничего, и дорога наша, кажись, идет прямо на него,— отвечал Петр и сам, окинув еще раз взором вокруг себя, спустился на землю.

— Ну, слава Богу! — говорит солдат, будучи уже пьян от опустошения фляжки.— Садись же, Гриша, на лошадь, да и пустимся, мне есть как собаке хочется, право; в котомке у меня лежат одни только черные сухари, а как придем куда на ночлег, так авось что и посмачнее найдется.

Петр вскочил в седло коня и поехал шагом по-прежнему; солдат пошел около лошади.

Скоро между деревьев показался просвет, слышался лай, и через несколько времени служивый с Петром были недалеко от каменного двухэтажного дома, построенного посредине небольшой поляны. В одном из верхних окон дома светился огонек.

— Эге-ге, куда это мы попали? — сказал служивый. — Уж не к раскольникам ли? Это не похоже на избушку лесничего, это просто барские хоромы.

Солдат стал пробовать ворота и калитку и, видя, что все было заперто, начал стучать в ворота без милосердия кулаком и ногами. Но сколько он ни барабанил, все было напрасно: на дворе ничего не было слышно, кроме громкого лая собак. Наконец и Петр присоединился к служивому, стали оба стучать и кричать, чтобы выпустили их, но не тут-то было: никто не шел отворить им...

— Да что тут, черт, что ли, живет, — сказал с досадою служивый, — или покойники? Что вы, проклятые, думаете? Вы думаете, постучат-постучат, да и прочь пойдут? Нет, напрасно так думать изволите: не отойду от дома, пока не отворите, неделю буду стучать, месяц, сколько сил хватит, а уж заставлю отворить вас! Ну-ка, брат Гриша, подъезжай-ка сюда поближе. Я влезу к тебе на лошадь, перемахну через ворота, растворю их, да и впущу тебя с лошадкой на двор, так дело-то лучше сделается.

Петр поставил свою лошадь к самым воротам, солдат влез на нее; вскарабкался потом на ворота и махнул через них на двор. Но в это время правая рука его зацепила за гвоздь, он разорвал рукав мундира и оцарапал себе руку.

— О, чтобы черти затащили того к себе в преисподнюю, кто живет в этой проклятой берлоге! Чтобы скрючило вас, окаянных, в три погибели! — кричал и ругал служивый без милосердия обитателей дома, и с бранью он уже был за воротами.

Пять огромных собак бросились на неожиданного гостя и готовы были разорвать его, но служивый выхватил свой тесак и так ловко попотчевал одну и другую, что они ушли с воем, истекая кровью, а остальные собаки бросились назад. Отпирая ворота, заложенные засовом, и откладывая подворотню, служивый бесился и бранился без милосердия.

— Экие ведь проклятые,— говорил он,— глухие черти! По вашей милости я казенный мундир разорвал, да еще вдобавок руку оцарапал. Чтоб на вас чума наслала, чтобы вам покоя не было!

Петр въехал на двор. В это самое время отворилась дверь дома, и крестьянская баба с фонарем в руках вышла встречать приезжих.

— Просим милости! — проговорила она, кланяясь по пояс.

— Ведьма ты киевская, чертово ты детище! — накинулся солдат на бабу, подбегая к крыльцу.— Что у тебя, навозом, что ли, кто уши заколотил? Битый час стучали мы в ворота, а ты и не слыхала, ведьма. По твоей милости, и смотри вот, разорвал я казенный мундир да распорол руку, но ты со мной даром не разделаешься, съедят-те мухи, пересчитаю я у тебя кулаком все ребра!

— Что ты, батюшка служивый, за что так осерчал на меня, кормилец? — говорила баба, кланяясь солдату.

— Полно, служивый, перестань браниться,— сказал Петр, подъехав за солдатом к крыльцу и слезая с лошади.

— Тебе, брат Гриша, хорошо толковать-то, у тебя все цело, а я-то как с заплаткою в полк покажусь? — кричал солдат, размахивая руками.— Чтобы черт сжевал тебя, негодную бабу!.. Что вы за люди такие, говори!

— Не гневайся, кормилец, мы люди бедные. Сожитель мой промышляет в этом лесу звериной охотой,— отвечала крестьянка с поклоном в пояс.

— Что ж он не выходит встречать нас, съедят-те мухи?

— Не бывал еще с охоты, батюшка,— продолжала баба.

Петр с солдатом стали расседывать лошадь. Государь отвязал от седла фляжку и хотел было положить ее за пазуху, но, почувствовав ее легкость, проговорил:

— Экий ты, брат служивый; всю фляжку очистил, хоть бы глоток оставил.

— Не прогневайся, брат Гриша,— сознался служивый.— Поздравил тебя, как влез ты на сосну.

Хозяйка стала запирает ворота. Петр взшел на крыльцо и, отворив дверь, вступил в теплые, довольно обширные сени. Дверь направо отворилась, и из нее вышла встречать гостей молодая крестьянская девушка со свечкою в руках. Девушка, очень хорошенькая личиком, молча по-

клонила гостям и просила их, указывая рукою, в большую белую избу.

Петр вошел в избу, снял с головы шляпу и, помолясь на образ, сел на лавку. В это время вошел солдат. Он стащил со своей головы шапочку и, помолясь на образ, закричал хозяйке:

— Эй ты, косматая, зашей мне мундир, а не то я тебе задам перцу! А ты, красавица нарядная, приготовь-ка нам хорошенького чего-нибудь поужинать,— продолжал служивый, обращаясь к хозяйской дочери.

Петр несколько времени сидел с опущенною головою, но потом он поднял ее и проговорил:

— Хозяйка, дай-ка мне чего-нибудь выпить да закусить; а ужинать мне что-то не хочется!

Хозяйка, шедшая с иглою, остановилась и, поклонясь Петру, произнесла:

— Не прогневайтесь на меня, отцы мои родные: нечего мне дать вам выпить. Что было простого вина, все взял мой хозяин с собой в дорогу, да нынче я для двух нас и кушанья-то не готовила; сами с дочерью ели вчерашние щи да кашу.

— Что, что? Ах ты, старая кочерга! — кричал солдат.— Быть не может, чтобы у тебя не было вина да чего-нибудь съестного!

— Ничего нет, отцы мои, ничего,— уверяла старуха,— хоть сами в печке общитесь.

— Ну, да ладно, ладно; зашивай мой мундир-то, а там я сам распорядюсь об остальном.

Баба зашила рукав. Служивый бодро вскочил со скамейки, стал среди избы и громко закричал на хозяйку:

— Так что ж ты, съедят-те мухи, старая, смеяться, что ли, над нами вздумала? Говори, где у тебя спрятано съестное. Сейчас подавай его! Ты знаешь ли, кто мы? Я первый солдат батюшки-императора Петра Алексеевича, а это самый любимый его охотник! Где хочешь возьми, а давай нам вина и закуски!

В подтверждение угрозы солдат обнажил свой тесак.

— Отец родной, не губи меня, помилосердствуй! Право, нет ничего! — завопила дико хозяйка, бросившись в ноги служивому.

В это время дочь хозяйки, стоявшая поодаль и бледневшая все более и более, при страшном возгласе солдата

вдруг бросилась к поставку, находившемуся под образом. Солдат заметил это, вложил тесак в ножны и бросился к поставцу, но тот был заперт. Служивый схватил топор, мигом сбил замок, открыл поставец, и что же? В поставце на полках лежали и жареная говядина, и ветчина, и гусь, и полная склянка вина вышиною в штоф. Солдат вытащил пробку из склянки, понюхал, хлебнул.

— Э, донская водка! Славно. Ну, едят-те мухи, какое раздолье! — вскричал он, весело посматривая на поставец, наполненный разными разностями. — Ах ты, ведьма, для кого это ты оставляла, припрятала? Как еще у тебя зенки-то могут смотреть, окаянная?

Продолжая ругать старуху, солдат принялся таскать на стол все, что было в поставце. Петр улыбнулся, глядя на хозяйничество служивого. Но хозяйке было не до того: она злобно посматривала на солдата, который теребил ветчину.

С улыбкой самодовольства сел потом служивый за стол, наполненный съестным.

— Тьфу ты, съедят-те мухи, какой у нас теперь славный ужин! Ну-ка, брат Гриша, откупоривай склянку да наливай себе и мне донской-то!

— Наливай-ка ты сам, — отвечал Петр, кивнув головою на склянку. Вмиг чарки были наполнены. Петр и солдат взяли их в руки и, осушив до дна, принялись, крестясь, ужинать. Петр ел очень мало, он не выходил из своей задумчивости. Но зато солдат уплетал за десятерых.

Окончив ужин и поблагодарив Бога, Петр по-прежнему сидел, опершись на руки головою, а служивый, обращаясь к хозяйке, спросил:

— Ну, хозяйка, где бы нам с Гришею лечь спать-то?

— Да ложитесь в избе, где вам вздумается.

— Лечь-то немудрено, здесь есть где, да приедет с охоты твой муж — разбудит нас, а нам надо завтра ранехонько в поход. А что у тебя в той каморе? Для чего ты в нее дверь-то запираешь?

— Разный сор, отец мой, — отвечала хозяйка, изменившись в лице.

Солдата подстрекнуло любопытство: он взял со стола свечку, подошел к затворенной двери, толкнул ее ногою, и она отворилась. Солдат вошел в каморку — это была другая пространная комната, в ней был страшный беспорядок: на стенах висели ружья, сабли, кинжалы; множест-

во окровавленных одежд и разных других вещей валялось по полу кучами. Солдат смекнул, что дело неладно.

«Ну, едят-те мухи! — думает он. — Попали же мы с Гришею к людям-то, кажется, недобрым. Что делать? Отправиться из этого проклятого притона мошенников теперь нельзя, как раз попадемся на дворе в руки хозяина, о котором говорила хозяйка, что он в дороге. Впрочем, постой, — рассуждает служивый, — пушусь я на хитрость. Так и быть, переночуем в этом логовище».

Солдат поспешно вышел из этого покоя в прежний и, не доказывая нисколько о своих подозрениях, предложил Грише отправиться спать на чердак.

— Как и куда знаешь, служивый, — отвечал Петр, — только бы поскорее лечь, потому что мне, право, спать хочется.

Служивый стащил на чердак ворох сена, за ним залез с трудом и Петр. Шагая через перекладыны, солдат с Петром выбрали в сторонке место и разостлали на нем сена. Петр окрестил свое ложе, перекрестился три раза и, проговоря солдату «Ложись, служивый!», лег и скоро заснул.

— Спи с Богом, Гриша, — сказал служивый тихо, услышав храп Петра, — ты, брат, и не знаешь, что мы попали с тобою не в доброе место. А я не буду спать всю ночь, а то, пожалуй, и голову проспипшь!

Ночь была лунная. Служивый подошел к открытому окну и стал смотреть в небо. Вдруг послышался ему в лесу гам и свист. Он начал прислушиваться — начал слышаться и конский топот все ближе и ближе.

«Ну, — думает служивый, — плохо приходится нам: кажись, разбойники едут. Надо перехитрить их, проклятых».

Служивый отошел от окна и, сойдя с лунного света в темноту, стал глядеть на двор. Видит, ворота отворились, и пятеро пьяных мужиков со страшным ругательством въехали верхом на двор.

— Тише, тише! — закричала им хозяйка. — У нас в тенетах * попались два зверя: один-то — солдат, взять у него, кажись, нечего, только озорник такой, что и Господи упаси, чуть не убил меня, окаянный, и все поел, что вам было приготовлено. Зато от другого можно поживиться: у него есть, должно быть, деньги, на нем и рог-то, кажись, серебряный.

в сестях
(устар.).

— Где они? — хрипло спросил первый голос.

— Спят на чердаке. Я сию минуту слышала — они оба храпят крепко.

— Ну, об них толковать нечего: они не уйдут от нас. Наперед уберем лошадей, поужинаем, да тогда уж и велим им шею протягивать.

«Вот те и на! — думает солдат. — Так вот куда мы попали. Господи, прости наши грехи и спаси нас!»

Служивый обнажил свой тесак и, держа его обеими руками, стал подле лестницы и думает только: «Господи, помоги и избавь от смерти!»

Разбойники отворили дверь в избу, вошли в нее и оставили дверь непритворенною.

Старуха начала собирать им ужин.

— Да что мы в самом деле, бачка,— сказал один из разбойников, обращаясь к отцу своему,— на что оставили залетных-то птичек до той поры, пока отужинаем? Вы будьте тут, а я, покамест собирают на стол, слазею да закончу их.

— И дело вздумал! — отвечает отец, взбираясь на печь.

— Федька, дай-ка мне свой нож: мой, дьявол, иступился! — проговорил прежний голос.

— Да ты, Афонька,— сказал отец,— возьми с собою и топор: не ровен час, начнут барахтаться, так чтобы было чем пришибить.

Служивый, сидя на корточках, занес острый свой тесак и в таком положении стал ждать появления разбойника.

Тот не замедлил, идет. И лишь только безобразная голова разбойника показалась на чердаке, солдат взмахнул тесаком, и голова разбойника отлетела в сторону, а туловище покатилося по лестнице, ступаясь о ступени, и откатилось в самый угол сеней.

Солдат перекрестился и стал ждать другого разбойника.

— Экой дьявол этот Афонька! Какого черта он с ними калякает? Шул бы ужинать,— сказал отец разбойников, садясь за стол.— Поди-ка, Федюха, к нему слазь да тащи его ужинать.

Отправился Федюха на чердак. Служивый сидит, поджидает его. И этот чуть только просунул голову —

солдат цап его по загривку, и у него отлетела башка. Кровь брызнула в лицо служивому, а безголовый труп покатился к первому.

Солдат перекрестился. Ну, думает, слава тебе, Господи, теперь их трое: все легче справляться, как пятерыми.

Полез на чердак третий разбойник, Оська, но и этого постигла такая же участь, как и двух первых.

— Да что же они, проклятые, смеяться, что ли, надо мной хотят? — проговорил отец и сам отправился на чердак.

Служивый уже ждал. И вот старик, хватаясь за верхние ступени, высунул голову; взмах тесака — и голова старого разбойника отлетела в сторону.

Остался один только разбойник Тришка. Он ждал, ждал своих и потащился по лестнице на чердак. Солдат смело в пятый раз занес тесак, и этого как не бывало.

— Ну, слава тебе, Господи, ты помиловал нас, избавил от неминуемой смерти! — воскликнул солдат, вздохнув свободнее. Тут разбудил он Петра и рассказал ему о своих расчетах с разбойниками.

— Что же ты не разбудил меня? — спросил удивленный Петр.

— Побоялся, брат, что ты, погорячась, испортишь все дело.

Петр благоговейно возвел взор благодарения к небу, потом обнял и поцеловал служивого.

— Ну, служивый, отплачу и я тебе когда-нибудь добром за то, что ты спас меня от смерти. Да все ли тут разбойники? — спросил Петр.

— Все, все, брат Гриша. Там остались только две бабы, мать с немой дочкой.

— Ну, так пойдем же, служивый, вниз, — проговорил Петр, вынув из-за пояса небольшой заряженный пистолет, и взвел курок.

— Пойдем, пойдем, Гриша. Ну, приму же я эту бабу. Теперь она покажет мне не только, где схоронила съестное, а и где спрятана у них казна награбленная! — И он снова замахал тесаком.

Петр и солдат спустились в сени. Хозяйка и дочь побледили от ужаса.

— Отцы родные, помилуйте, отпустите душу на покой! — завопила старуха, падая на колени.

— Так вот каким звериным ловом вы промышляете? — закричал солдат. — Говори, змея подколотная, есть ли кто у вас еще из мужиков кроме четырех сыновей и мужа?

— Кроме никого, отцы родные, ни единого человека! — вопила старуха.

— Говори, давно ли вы занимаетесь этим ремеслом?

— Двадцать лет.

— Нет ли еще у вас товарищей?

— Нету, отец родной, видит Бог, нету. Были версты за две отселе, да вот уж лет пять как они переловлены.

— Ну, — вскричал солдат, — бери ключи да показывай, где лежит ваша казна, что награбили, убивая людей.

— Все покажу, родимый, все себе возьми, только не убивай меня: дай отмолить мне грехи мои.

Баба отворила дверь на крыльцо и, со свечой и ключами в руках, сошла на двор, а за нею и служивый с Петром. Хозяйка подвела к кладовой Петра и служивого, отперла железный замок и сошла в сухой погреб.

— Ты, брат Гриша, не ходи, погоди немного, — сказал солдат Петру. — А то она, проклятая, пожалуй, и припрет нас.

— Не бойся, не пойду, — отвечал Петр, останюсь у входа.

Спустясь с хозяйкою в подвал, солдат изумился. По стене стояли бочонки с золотом и серебром, разные дорогие вещи валялись по каменному полу погреба.

— Ух, съедят-те мухи, сколько богатства-то! — вскричал солдат. — Ну, нечего сказать, верно, тьму-тьмушую загубили душ-то христианских.

Петр из любопытства нагнулся в погреб. В это время раздался выстрел, и пуля пролетела мимо уха Петра. Он обернулся назад. На крыльце стояла, как окаменелая, дочь хозяйки, и в ее руках дымился пистолет. В это мгновение из рук Петра солдат выдернул пистолет и спустил курок. Раздался выстрел, а за ним со стоном повалилась на землю немая.

При первом выстреле хозяйка быстро бросилась было из погреба, но солдат предупредил ее, и, когда раздался второй выстрел, а за ним стон дочери, баба грянулась на землю.

Озлобленный такими дерзкими словами, разбойникъ, не помня себя, бросился на лѣстницу и очутился лицомъ къ лицу съ солдатомъ; началась страшная борьба. Разбойникъ старался схватить служиваго за горло, но тотъ его осилилъ.

Служивый быстро бросился къ тому мѣсту, гдѣ спалъ Петръ.

— Алеша! Вставай, братъ, скорѣй!—кричалъ служивый, толкая Петра.

Петръ открылъ глаза и изумленно посмотрѣлъ на солдата.

— Да что это, служивый, ты ужъ совсѣмъ одѣтый, неужто ужъ въ дорогу собрался? Да и голосъ-то у тебя какой-то странный. Ужъ не

случилось ли что недоброе?—говорилъ Петръ.

— Ничего, ничего, — говорилъ солдатъ, — вставай поскорѣе, въ избу чай пить пойдемъ.

Петръ рѣшительно не могъ понять, что такое дѣлалось. Надѣвъ сапоги, онъ пошелъ къ слуховому окну, у котораго на стѣнкѣ было повѣшено его верхнее платье. Взявъ платье, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ обратно отъ окна, и вдругъ его взору представилась валяющаяся на полу человѣческая голова.

— Что это значитъ?—спросилъ испуганный Петръ.

— Охъ, Алеша, чудеса показаль сегодня надъ нами Господы! Лежа-

ли бы на этомъ мѣстѣ наши головы, если бы не помогъ намъ Царь небесный!.. Слушай, я расскажу тебѣ подробно, что происходило въ то время, когда ты спалъ своимъ богатырскимъ сномъ.

И солдатъ принялся рассказывать Петру, какъ удалось ему спасти себя и его.

При рассказѣ солдата не разъ сильная дрожь пробѣгала по жиламъ Петра.

— Чего же ты не разбудилъ меня, служивый? Вѣдь вдвоемъ - то намъ было бы легче справиться?— спросилъ Петръ.

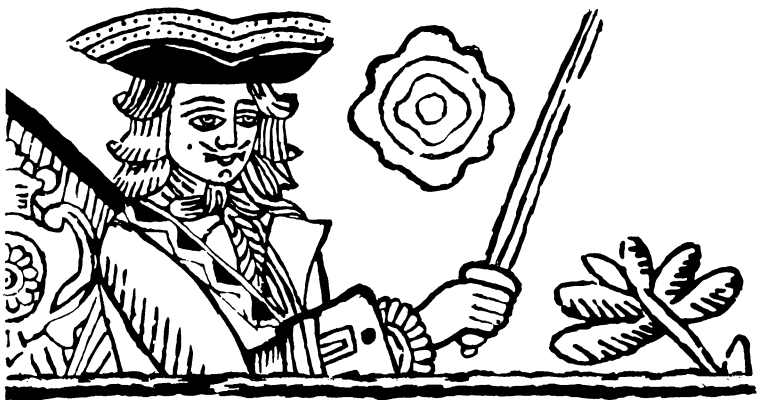
— Побоялся, Алеша, подумалъ, что ты станешь горячиться, не бу-

дешь дѣйствовать втихомолку и испортишь все дѣло. Ну, да объ этомъ ужъ теперь нечего толковать, надо только молиться и благодарить Бога за наше спасеніе.

Петръ благоговѣйно возвелъ взоръ свой къ небу, потомъ обнялъ служиваго и крѣпко поцѣловалъ его.

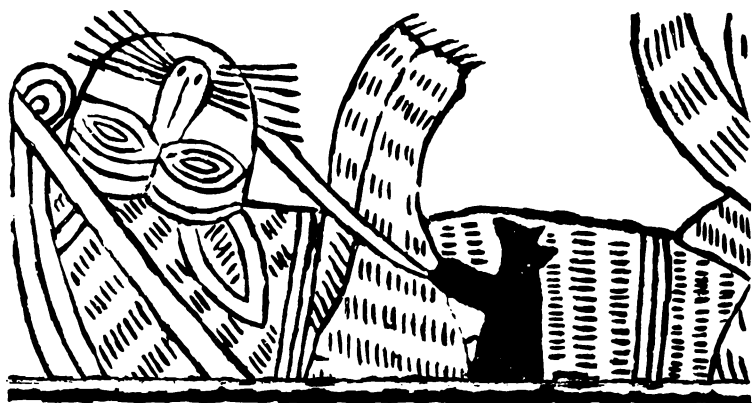
— Спасибо, служивый, да воздастъ тебѣ Господь за то, что ты спасъ мою жизнь, а что касается меня, то когда-нибудь отплачу тебѣ за твое добро и вѣкъ буду молиться за тебя, — говорилъ Петръ, и слезы, вызванныя глубокимъ чувствомъ благодарности, выступили на глазахъ его.

— Бери, Алеша, твой пистолетъ и пойдемъ въ избу, пора и убираться отсюда, чтобы не нажить новой бѣды.

Петръ взялъ пистолетъ, взвелъ курокъ и направился вслѣдъ за солдатомъ къ лѣстницѣ.

Старуха, находившаяся въ эту минуту въ избѣ со своею нѣмою дочкой, начинала уже приходить въ смущеніе, почему такъ долго не являются съ чердака ни мужъ ни сыновья. Заслышавъ шорохъ въ сѣняхъ, она подумала, что это являются ея сыновья съ добычей, и быстро схватила со стола горящую свѣчу и поспѣшила къ двери, чтобы встрѣтить ихъ.

— Ну, а нѣтъ ли еще съ вами по сосѣдству такихъ же молодцовъ?— спрашивалъ снова служивый.

— Нѣтъ, родимый, право слово, нѣтъ; года два тому назадъ были версты за двѣ отсюда такіе же хваты, моему товарищи, да прошлую зиму ихъ изловили и отправили куда слѣдуетъ,—отвѣтила старуха.

— Ну, теперь ты должна намъ показать все твое добро; смотри, не утаивай; коли утаишь, да я самъ найду, то плохо тебѣ будетъ.

— Все, все, родимый, покажу, всѣ сундуки отопру, потому ничего мнѣ теперь не надо, только бы пришлось душу избавить отъ такого великаго грѣха.

Но каковъ же былъ ея испугъ, когда дверь отворилась, и передъ ней явились Петръ и служивый! Отчаянный крикъ вырвался изъ ея груди, и она едва не упала безъ чувствъ.

— Чего испугалась? Слышалъ я, какъ ты научала своего мужа положить наши головы, да нѣтъ, не пришлось, ошиблись вы въ расчетъ. Я тѣ, окаянная, покажу, какъ научать злomu дѣлу! — кричалъ во все горло служивый.

— Отецъ родной, помилуй, не погуби, пусти душу на покаянье, вѣкъ буду молить за тебя,—говорила старуха, валяясь въ ногахъ солдата.

— Такъ вотъ какимъ звѣринымъ ловомъ здѣсь промышляете? Говори, змѣя подколотная, кто у васъ еще здѣсь есть? Говори всю правду.

— Ни одинаго человѣка больше, родимый, нѣтъ. Вотъ приходитъ мой послѣдній часъ, не буду лгать: право слово, никого больше нѣтъ. Видно, ужъ мой старикъ своими худыми дѣлами больно Господа прогнѣвилъ, что такъ наказалъ его Господь; видно, на своемъ вѣку много душъ загубилъ, что и самому пришлось умереть такою смертію. Ужъ, вѣстимо, это была Божія воля, что ты, родимый, съ пятерыми справился. Прости ты меня, старуху-грѣшницу, не губи ты мою голо-

вушку. Дамъ я тебѣ клятву предъ образомъ, что все это добро, такимъ грѣхомъ нажитое, нищимъ раздамъ, а сама пойду по святымъ мѣстамъ Богу молиться, — со слезами говорила старуха, снова кланяясь въ ноги служивому.

— Говори, старая корга, давно ли вы этимъ дѣломъ промышляете? Сказывай всю правду! — спрашивалъ служивый.

— Двадцать лѣтъ, родимый! Долго я не знала, что мужъ мой занимается такими худыми дѣлами. Молода была тогда и не могла смекнуть, откуда это у мужа берется такое богатство. Стану я, бывало, его спрашивать: куда это онъ все

по ночамъ уѣзжаетъ и зачѣмъ все
меня одну покидаетъ? А онъ мнѣ
все одинъ отвѣтъ держитъ: больно,
говоритъ, я звѣриную охоту люблю,
съ самыхъ молодыхъ лѣтъ привыкъ
къ ней,—потому, говоритъ, и посе-
лился въ такомъ пустынномъ мѣстѣ.
Здѣсь всякаго звѣря много водит-
ся, но за этой добычей иначе, какъ
ночью, и ѣхать нельзя. Ну, какъ я
была очень молода, тогда-то и вѣ-
рила всему, а вотъ какъ стала по-
старше, стала присматриваться и
вижу, что неправду говоритъ онъ,
и что не добромъ наживаетъ казну
свою; какъ смекнула я это дѣло,
стала я плакать, стала его упрashi-
вать, чтобы онъ бросилъ это дѣло,

да не послушалъ онъ меня, дѣла
этого не оставилъ, а когда я еще
больше стала плакать, то онъ ото-
дралъ меня плетью и сказалъ, что
если узнаетъ онъ, что я кому-нибудь
промолвилась объ его занятіи, то
на мѣстѣ убьетъ. Послѣ этого я
плакать перестала, а потомъ уже
совсѣмъ привыкла къ этому дѣлу,
какъ будто такъ этому и быть
должно. Привезетъ онъ мнѣ, быва-
ло, добычу, а я, окаянная, возьму
и въ сундукъ уберу, и любо, что
съ каждымъ днемъ золото у насъ
прибываетъ. Да вотъ, видно, не со-
всѣмъ еще я прогнѣвила Бога, что
далъ Онъ мнѣ время покаяться,—
говорила старуха.

Петр подошел к немой, взял ее за руку: она была холодна и тяжела.

— Пойдем, брат Гриша,— проговорил солдат.— Хоть и жаль немой, да ну ее: яблоко от яблони недалеко упало. Пойдем, только вот я нагребу себе золота, а потом ты нагребешь себе.

— Слушай, дядя,— сказал Петр,— ты бери себе сколько хочешь, а мне не надо, лучше уедем отсюда скорее.

— Пожалуй, поедем.

И солдат, наполнивши свои карманы, фуражку и голенища золотом, отправился с Петром из дому. Петр ехал, а солдат по-прежнему шел около его лошади.

Еще не рассвело, когда солдат с Петром выбрались на большую дорогу: они обернулись назад и над лесом увидели ужасное зарево.

— Ну, брат Гриша,— сказал солдат,— это, верно, горит наш дьявольский ночлег.

— Да,— отвечал Петр,— верно, он. Ну, дядя, прощай, ты теперь и один найдешь дорогу, не опасно.

Тут Петр, расспросив подробно солдата, где он служит, и обняв его, приказал непременно приходить во дворец и спросить охотника Гришу. Царь поехал шибче, а солдат пустился в деревню, напевая какую-то песню. Долго шел он, наконец пришел к кабаку и спросил себе вина и солянку; ему подали.

— Ну, съедят-те мухи, денег-то сколько вам за все? — спросил солдат.

— Ничего не надобно! — отвечал целовальник, низко кланяясь.

— Да у меня, съедят-те мухи, деньги-то есть!

И он бросил им несколько золотых монет и, надев фуражку, вышел из кабака.

Наконец, подошел солдат к гаупвахте. Солдаты отдали ему честь. «Ах, съедят-те мухи, уж все узнали, что у меня деньги есть!» И он бросил им две горсти золота на водку и пошел далее. Вдруг ему попались какие-то двое, и он пригласил их в кабак выпить. Пил, пил, да и напился служивый так, что и заснул, а когда проснулся, то увидел, что он лежит в великолепных покоях. Платье на нем тоже, а голова трещит с похмелья. «Значит, это не сон»,— думает служивый. И начал вспоминать солдат свое вчерашнее приключение.

— Где, брат, я нахожусь? — спросил он шедшего мимо его лакея.

— Во дворце, — отвечал тот, — у твоего приятеля Гриши.

— Ах, съедят-те мухи, это хорошо. А могу ли я по-видать его?

— Пойдем! — и он повел по комнатам служивого.

Солдат шел. Ему попадалось множество придворных, и все они с любопытством глядели на солдата. Когда же лакей повел его по лестнице в главный этаж дворца, мимо бравых караульных солдат, служивый испугался и говорит:

— Куда же ты ведешь меня, добрый человек?

— Изволь идти за мною, — отвечал учтиво лакей, — приведу, куда следует.

Испуганного солдата вводят в царские покои, вот и приемная, где стоят много разных генералов. Вдруг, окруженный важными особами, вышел из ближайшей комнаты государь. Солдат испугался, когда узнал в царе вчерашнего Гришу, повалился ему в ноги и тихо проговорил:

— Государь, помилуй!

— Встань, — сказал император и сам поднял служивого.

Солдат вытянулся перед Петром.

— Благодарю тебя, — продолжал император, — ты спас мне жизнь, за что и поздравляю тебя капралом Невского полка. Поезжай тотчас же с подводами и отрядом на наш ночлег, забери все, что есть, да донеси мне об оставшейся хозяйке, а если она жива, привези ее.

Солдат снова повалился императору в ноги и благодарил за милость.

Часа через четыре новый капрал с тремя подводами и отрядом выехал из леса по знакомой нам дороге на долину, где вчера ночевали, но на месте дома дымились только головни и лежали два обгоревших трупа женщин. Приказав команде собирать что было, служивый с несколькими бочонками золота возвратился вечером в Петербург и сдал их в казну.

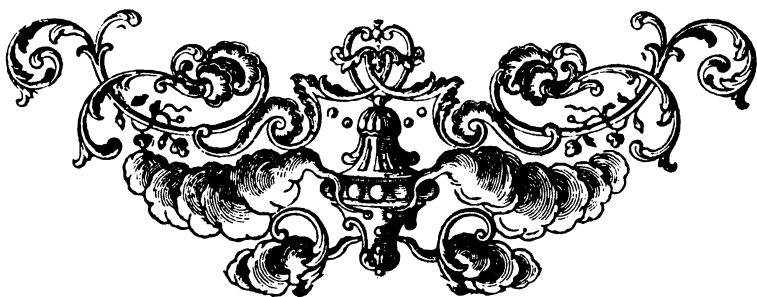
На другой день Петр Великий пожаловал офицером нашего служивого и подарил ему полбочонка золота.

Даря золото новому офицеру, император подал ему рубль и промолвил:

— Знай пословицу: кто рубля не бережет, тот сам гроша не стоит.

Наш новопожалованный офицер вызвал жену свою с детьми из деревни и, служа верою и правдою государю Петру Алексеевичу, никогда не был им забыт.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ (1690—1718) — царевич, старший сын Петра I от брака с Евдокией Лопухиной. В 1718 г. приговорен к смертной казни как участник заговора против Петра I и задушен в тюрьме.

ВОРОНЦОВ Михаил Илларионович, граф (1714—1767) — русский государственный и дипломатический деятель, канцлер.

ГОЛИКОВ Иван Иванович (1735—1801) — русский историк времени Петра I, общественный деятель, идеолог русского купечества, автор «Деяний Петра Великого» в двенадцати томах. (1788—1789).

ЕВДОКИЯ ФЕДОРОВНА ЛОПУХИНА — первая жена Петра I, мать царевича Алексея, пострижена в монахини в 1698 г., умерла в 1731 г.

ЕКАТЕРИНА I АЛЕКСЕЕВНА (1684—1727) — в девичестве Марта Скаврнская, вторая жена Петра I, после его смерти — императрица (1725—1727).

КАРЛ XII (1682—1718) — шведский король.

КЛЮЧЕВСКИЙ Василий Осипович (1841—1911) — знаменитый русский историк, автор «Курса русской истории» (1901—1911).

ЛЕФОРТ Франц Яковлевич — уроженец Швейцарии, в Россию приехал в 1675 г., наставник и друг Петра I.

ЛОМОНОСОВ Михаил Васильевич (1711—1765) — великий русский ученый-энциклопедист, поэт, просветитель.

МЕНШИКОВ Александр Данилович (1673—1729) — ближайший сподвижник Петра I, видный русский государственный деятель и полководец, первый губернатор Петербурга.

НАРТОВ Андрей Константинович (1680—1756) — выдающийся русский механик и изобретатель, личный товарищ Петра I.

НЕПЛЮЕВ Иван Иванович — из бедных дворян, в 1721—1734 гг. резидент в Константинополе, позднее наместник Оренбургского края.

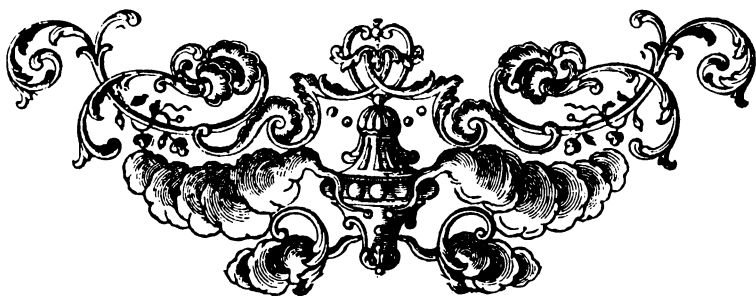
РИШЕЛЬЕ Арман Эмманюэль Софи Септимани дю Плесси (1766—1822), герцог — французский государственный деятель, более двадцати лет находившийся на русской службе, генерал-лейтенант русской армии.

РОМОДАНОВСКИЙ Федор Юрьевич (неизв.—1717), князь — ближайший сподвижник Петра I, русский государственный деятель, первый «князь-кесарь», начальник Преображенского приказа (учреждения, занимавшегося политическим сыском).

СОЛОВЬЕВ Сергей Михайлович (1820—1879) — выдающийся русский историк, автор «Истории России с древнейших времен» в двадцати восьми томах. (1851—1879); в центре его научных интересов — реформы Петра I.

ШТЕЛИН Яков Яковлевич (1705—1785) — надворный советник, уроженец Германии, составитель «Подлинных анекдотов о Петре Великом» (1786 год — 1-ое издание на русском языке).

КОММЕНТАРИИ

РАЗДЕЛ I

1. Как Петр I Ладогу наказал. Легенда. Записал Е. В. Барсов от В. П. Щеголенка в Медвежьегорском р-не КАССР в 1872 г.— БЕСЕДА, с. 296—300; КРИНИЧНАЯ, № 171. Обработка собирателя. Название составителя. Другие варианты: № 10 наст. изд. Традиционный мотив наказания водной стихии здесь приближен к личности Петра: он единственный царь, наказывающий море своими руками. Ладожское оз. в народе называлось морем. Реплика царя воспроизводит речевой оборот народного заговора.

2. Лисья голова. Предание. Записал П. Минорский в Лодейнопольском р-не Ленинградской обл.— ОГВ, 1872, № 37, с. 409; КРИНИЧНАЯ, № 206. Пересказ собирателя. Незначительные купюры составителя обозначены отточиями. Характерный для прозы о Петре мотив: царь сам замышляет и начинает какое-либо новое дело, преобразует что-либо.

3. Беседная гора. Предание. Зап. Е. В. Барсов в Вытегорском р-не Вологодской обл. в 1872 г.— БЕСЕДА, с. 300—302; фрагмент — КРИНИЧНАЯ, № 203. Обработка собирателя. Название составителя. Так называемые «беседные горы» существуют по всей России и связаны в народной памяти с именами различных исторических лиц: Степана Разина, Емельяна Пугачева, др. Текст уникален ссылкой на очевидца с воспроизведением его слов. Серебряный полтин-

ник — характерная для преданий предметная реалья, подтверждающая достоверность рассказа.

4. Важная солома. Предание. Зап. Е. В. Барсов в Петрозаводском у. Олонецкой губ. в 1877 г.— БАРСОВ, № 1. Обработка собирателя. Другие вар.: КРИНИЧНАЯ (89), с. 114. Объяснение названия вымышленное, т. к. противоречит его иноязычному (финскому) происхождению. Традиционный мотив: царь способствует созданию любовных (брачных) пар среди подданных. Происхождение песенного фрагмента неясно. Стиль не характерен для предания: налицо песенно-эпические черты.

5. Подарок Петра I. Предание. Зап. от священника И. Лаврова в дер. Кончезеро Кондопожского р-на КАССР в 1871 г.— ОГВ, 1871, № 73, с. 858; КРИНИЧНАЯ, № 200. Пересказ собирателя. Традиционные мотивы чудесного извозчика и царской награды вещью «со своего плеча». Интересен элемент психологизма в изображении Федорова.

6. Дедновцы. Предание.— НОВИКОВ, с. 307; МОРОХИН, № 13, с. 194. Пересказ. Дедновцы своей простой, непосредственностью напоминают пошехонцев, героев цикла бытовых сказок о дураках.

7. На пути к Архангельску. Предание.— АГВ, 1872, № 38; КРИНИЧНАЯ (89), с. 110. Пересказ собирателя. Характерный для фольклора о Петре I мотив: царь приходит неожиданно, не туда, где его ждут. Традиционный мотив царской награды. Юринский, возможно, лицо реальное.

8. Вытегоры — вóры. Предание. Зап. Е. В. Барсов в Вытегорском р-не Вологодской обл. в 1872 г.— БЕСЕДА, № 4. Др. вар.: АКФ, 134, № 4; КРИНИЧНАЯ (89), с. 108. Обработка собирателя. Гриша-простец — традиционный образ юродивого, перекликается с образами разд. 5 наст. изд. (Шут Балакирев, Василий Кессарийский, Фаддей Блаженный). Тот же сюжет по вариантам связан с фамилией Обрядины: это потомки тех, кто «обрядил» (утащил, спрятал — местн.) камзол Петра.

9. Остров Воротный. Легенда. Зап. В. Майнов

в 1877 г.— МАЙНОВ, с. 145. Обработка собирателя. Название составителя. Др. вар.: КРИНИЧНАЯ, № 177, 178. Традиционный для христианской легенды мотив кары за нарушение религиозного запрета. Царь покоряется высшим силам.

10. Петрова кара. Легенда. Зап. А. М. Кострова от В. С. Матвеева в Ленинградской обл. в 1970-х гг.— БАХТИН, № 48. Др. вар.: см. № 1 наст. изд. Вариант современный, отличается конкретностью описаний.

11. Травное озеро. Легенда. Зап. Э. В. Померанцева от Ф. И. Беренникова, ему передал нищий в Приморском р-не Архангельской обл.— АРХИВ МГУ, 1951, т. 1, № 2. Налицо совмещение различных исторических пластов (М. В. Ломоносов становится современником Петра I), характерное для бытования фольклора в позднее время. Интересна простота манеры общения великих людей друг с другом (см. диалог).

12. Ох, как обрезал! Предание. Зап. в дер. Губинской Ленского р-на Архангельской обл. от мужч.— АРХИВ МГУ, 1975, т. 5, № 1. Название составителя. Эпический мотив: у старика три сына.

13. Ухостров. Предание. Зап. в дер. Ичково Холмогорского р-на Архангельской обл. от женщ.— АРХИВ МГУ, 1970, т. 11, № 64. Название составителя. Сюжет не развит, текст записан в форме краткой этимологической догадки. Традиционный мотив: царь хвалит впервые увиденную местность.

14. Хоробрицы. Предание. Зап. в дер. Челмохте того же р-на от женщ.— АРХИВ МГУ, 1970, т. 12, № 98. Название составителя. В форме краткой этимологической догадки. Традиционный мотив: мужики устраняют препятствие на пути следования царя, он их хвалит.

15. Мосеев остров. Предание. Зап. там же от той же.— АРХИВ МГУ, 1970, т. 12, № 101. Название составителя. В форме краткой этимологической догадки. Объяснение названия явно вымышленное.

РАЗДЕЛ 2

16. Войны Петра Великого со шведами. Легенда.

Зап. Е. В. Барсов от И. А. Касьянова в дер. Космозеро Медвежьегорского р-на КАССР в 1872 г.— БЕСЕДА, с. 307—308; КРИНИЧНАЯ, № 180. Обработка собирателя. Традиционный мотив кары за нарушение религиозного запрета соединяется здесь с мотивом петровского времени: Петр получает совет перелить колокола в пушки. Характерный для легенды (но не бытовой сказки) образ мудрого, спокойного, терпеливого священнослужителя. Упрощенный, почти карикатурный образ Карла XII.

17. Петр I принимает совет пушечного мастера.

Предание — ГОЛИКОВ, с. 99—100; МОРОХИН, № 15, с. 195. Обработка И. Голикова. Другая версия о возможном «авторе» совета перелить колокола в пушки: здесь это пьяный пушечный мастер. Проводится идея, что мастеру своего дела простительно пьянство. Несоответствие между подлинно народным сюжетом и искусственным, книжным стилем текста.

18. Пушки из колоколов. Предание. Опубликовал

А. Н. Сергеев.— СЕВЕР, 1894, № 8, стб. 421; КРИНИЧНАЯ, № 223. Пересказ А. Н. Сергеева. Здесь идея перелить колокола в пушки приписывается самому Петру. Царь обладает большей мудростью, чем монахи. Традиционный мотив трудной задачи.

19. Петр I берет крепость. Легенда. Зап. В. Я. Ев-

сеев от Н. А. Терентьева в с. Сысsoйла КАССР в 1945 г.— ЕВСЕЕВ, с. 323. Название составителя. Царем, обладающим высшей мудростью, разрешается трудная задача. Не сила, а хитрость играет решающую роль в военных действиях.

20. Встреча Петра I со шведским королем на

Ладожском озере. Легенда в форме стилизации эпической песни. Зап. П. Минорский в 1872 г.— БЕСЕДА, № 7, с. 306. Обработка собирателя. Разбивка на стихи составителя. Традиционный мотив одержания победы с помощью чудесной силы стихии природы. Концовка напоминает быличку об утопленниках.

21. Петр I в Троице-Сергиевом монастыре. Предание, близкое к анекдоту.— АКФ, № 24; КРИНИЧНАЯ (89), с. 124. Характерный для прозы о Петре I мотив повышения кого-либо в чине за ум и находчивость.

РАЗДЕЛ 3

22. Как кучер Петр стал царем. Грузинская легенда. Зап. воспитанник учительской семинарии П. Прихня в г. Гори от С. Гулишвили в 1890 г.— КАВКАЗ, с. 182. Название составителя. Образ Петра весьма далек от реального прототипа, имеет черты героя христианской житийной литературы, выражает идеал низкого происхождения и избранного Богом правителя.

23. Маковка из корней. Легенда. Зап. в г. Петрозаводске.— СПб. вед., 1841, № 65, с. 286; КРИНИЧНАЯ, № 189. Традиционные мотивы сверхъестественных способностей царя и сбывшейся приметы.

24. Петр I на Петровском заводе. Предание. Зап. Е. В. Барсов от В. П. Щеголенка в 1872 г.— БЕСЕДА, с. 305, КРИНИЧНАЯ, № 182. Царь-умелец, все делает своими руками. В конце текста — указание на предметную реалию (железо), подтверждающую достоверность рассказа, и вывод.

25. Фальшивые рубли. Анекдотическая сказка. Зап. Ф. С. Титкова от Д. М. Ефимова в Пудожском р-не КАССР в 1940 г.— ПЕРСТЕНЕК, с. 223. Название составителя. Др. вар.: № 26—29 наст. изд. В СУС и АА не указана. Царь — обладатель необычайной физической силы. Меряется ею и соревнуется в находчивости с кузнецом, образ которого у многих народов окружен ореолом таинственности, мифологически значим как связанный со стихией огня.

26. Кузнец и Петр I. Анекдотическая сказка. Зап. от Черногорова в 1930-х гг.— ОНЕЖСКИЙ ЗАВОД, с. 288. Вариант, см. № 25 наст. изд. Более краткий и динамичный вариант. Кузнец здесь оказывается сильнее царя.

27. Петр и кузнец. Анекдотическая сказка. Зап. Е. Токарева и др. от А. Е. Дундина в Верхнетоймском р-не Архангельской обл.— АРХИВ МГУ, 1969, т. 20, № 144. Вариант, см. № 25 наст. изд. Хорошо разработан диалог. См. коммент. к № 26.

28. Петр и Меншиков. Анекдотическая сказка. Зап. от Шершнева в Кирилловском р-не Вологодской обл. в 1937 г.— ВОЛОГДА, № 19. Вариант, см. № 25 наст. изд. Кузнец здесь назван Меншиковым; с прототипом его сближает демократическое происхождение.

29. Как Петр I коня покупал. Сказка.— ЮЖНАЯ КАРЕЛИЯ, № 53. Завязка — краткий вариант № 25—28 наст. изд. Далее следует традиционный мотив чудесного извозчика. Петр изображен необычно: как упрямый, своеправный властитель,— но в конце справедливость торжествует. Интересен элемент психологизма в образе кузнеца (передача его состояния после обиды).

30. Чудесный конь Петра I. Предание. Зап. В. Я. Евсеев от Н. Терентьева в 1945 г.— ЕВСЕЕВ, с. 267; КРИНИЧНАЯ, № 219. Содержит фантастические мотивы и образы волшебной сказки. Царь обладает сверхъестественными способностями, но для достижения цели использует и хитрость. Предание объясняет происхождение памятника Петру «Медный всадник» в г. С.-Петербурге.

31. Петр I и мастер Лайкач. Предание. Зап. В. М. Гацак и др. от К. А. Федорова в Беломорском р-не КАССР в 1956 г.— КРИНИЧНАЯ, № 231. Незначительные купюры составителя. Царь ценит ловкость, искренность и независимость мастера.

32. Доказательство остроты ума государева. Предание.— ГОЛИКОВ, № 13, с. 48—50. Обработка И. Голикова. Молодой государь проявляет осведомленность в науках и разоблачениях мошенника. Книжный стиль.

33. Как Ладожский канал копали. Предание. Зап. в 1872 г. в Ленинградской обл.— БЕСЕДА, № 9. Ладожский канал в народе называют канавой. Предание — одна

из версий происхождения пьянства в России. Здесь Петр ставит государственные (экономические) интересы выше личных интересов своих подданных. Текст окрашен грустным юмором. Органична песенная вставка.

34. Петр I и Ладожский канал. Предание. Зап. В. Пулькин от И. Е. Ковалова в Медвежьегорском р-не КАССР в 1917 г.— КРИНИЧНАЯ, № 185. Вариант, см. № 33 наст. изд.

35. Петр I и рижский купец. Предание.— ДОБРОВОЛЬСКИЙ, № 25. Не вполне органичное соединение мотивов разных преданий: Петр I пребывает инкогнито за границей; награждает мастера, бранившего его за незнание; получает совет перелить колокола в пушки (посл. см. также № 16—18 наст. изд.). Реальная причина, по которой необходимы пушки, подменяется здесь другой («пойду Ригу завоюю»), однако логически объединяющей предание в одно целое.

36. Осударева дорога. Первая мостовина. Предание. Зап. В. Майнов на Карельском о-ве.— МАЙНОВ, с. 235; КРИНИЧНАЯ, № 220. Пересказ В. Майнова. Незначительные купюры составителя. Царь все делает своими руками и наказывает знатных людей за неумение (характерный для прозы о Петре мотив). «Осударем» называли Петра I на Севере России.

37. Лапоть Петра Первого. Предание. Зап. Н. Криничная и В. Пулькин от В. А. Абрамова в Каргопольском р-не Архангельской обл. в 1970 г.— КРИНИЧНАЯ, № 213. Предание утверждает, что способности царя имеют предел: все он умеет, а лаптя доплести не смог. Лапоть в музее подтверждает достоверность рассказа. Вывод в форме пословицы.

38. Как Петр Великий мурзовку ел. Предание. Зап. Зыков и др. от В. И. Тараканова в Лысковском р-не Горьковской обл. в 1955 г.— ГОРЬКИЙ, № 31. СУС № 921 Н. Петр предпочитает изысканным кушаньям крестьянскую мурзовку и заставляет повара просить у крестьянки совета. Мурзовка, как и русская баня, которую любил

Петр,— символ демократизма царя. Сюжет развернутый, яркие речевые характеристики.

39. Петр I и тестенники. Предание. Зап. Н. Криничная, В. Пулькин от А. Т. Соколина в Медвежьегорском р-не КАССР в 1971 г.— КРИНИЧНАЯ, № 175. Незначительные купюры составителя. Царь наказывает крестьян за леность.

40. Меткий ответ. Предание. Зап. Бурова от И. В. Киреева в Б.-Болдинском р-не Горьковской обл. в 1957 г.— ГОРЬКИЙ, № 29. СУС № 921А. Традиционный мотив метких ответов (ср. тексты из раздела № 8 наст. изд.). Царь и солдат разговаривают здесь посредством пословиц.

41. Петр и пьянчуга. Предание. Зап. Д. Н. Садовников в Самарском крае в 1884 г.— САДОВНИКОВ, № 114а; МОРОХИН, № 16. Предание утверждает, что мастеру своего дела прощительно пьянство. Петр общается с людьми самых низких сословий, старается у всех научиться чему-либо.

42. Петр крестит ребенка. Предание. Зап. граф Сиверс от крестьянина Пахома, очевидца.— МАЙНОВ, с. 39. Пересказ В. Майнова. Традиционные мотивы: царь — кум самого бедного мужика, царь одаривает крестьян. Чарочка у кумы — предметная реалия, подтверждающая достоверность рассказа.

43. Бык с черным сердцем. Предание. Зап. Е. В. Барсов в Петрозаводском уезде Олонецкой губ. в 1877 г.— БАРСОВ, № 7. Пересказ Барсова. Название и незначительные купюры составителя. Традиционный мотив трудной задачи. Налицо завуалированный мудрыми речами царя антибарский пафос произведения. Петр I как мужицкий царь.

РАЗДЕЛ 4

44. Петр I и новобранец. Предание. Зап. Н. Криничная, В. Пулькин от А. М. Бурлова в Кондопожском р-не

КАССР в 1971 г. — КРИНИЧНАЯ, № 205. Традиционный мотив: царь обладает необычайной физической силой. Победа новобранца в состязании с Петром, награда. Текст отличается динамикой сюжета, яркими диалогами. В конце — прямое указание на достоверность («фамилии его не знаю»).

45. Новобранец на часах. Предание. — ГОЛИКОВ, № 35. Обработка И. Голикова. Петр изображен как великодушный правитель, снисходительный к слабостям новобранца. Интересно употребление пословицы в речи царя. Книжный стиль.

46. Петр и часовой. Предание. — КРИВОШЛЫК, с. 14—15. Обработка. Название составителя. Произведение прославляет беспрекословное выполнение приказов солдатами, но и утверждает возможность их нарушения в исключительных случаях. Традиционный мотив награды деньгами и званием. Книжный стиль.

47. Петр учит солдата быть экономнее. Предание. Зап. Е. В. Барсов в Петрозаводском у. Олонецкой губ. в 1877 г. — БАРСОВ, № 6. Традиционный мотив — царь-кум — приближен к личности Петра I: он крестит ребенка у солдата. Наказание солдата за расточительство как проявление отеческой заботы царя. Живые диалоги.

48. Старое седло. Анекдот. Зап. Зыков от Н. И. Малышева в Уренском р-не Горьковской обл. в 1956 г. — ГОРЬКИЙ, № 28. СУС № 927 А. Характерный для фольклора о Петре I мотив: солдат служил 25 лет и царя не видел (или ничего не выслужил). Комический эффект основан на игре слов. Название составителя.

49. Чьи солдаты лучше. Анекдот. — ГОЛИКОВ, № 32. Обработка И. Голикова. Высшим достоинством солдата здесь признается беспрекословное подчинение царю. Интересны оценки разных национальных характеров. Книжный стиль.

50. Деревянный тесак. Сказка. Зап. Н. Новиков от В. В. Чижилова в г. Петрозаводске. — ОНЕЖСКИЙ ЗА-

ВОД, с. 282. Название составителя. Другие варианты: № 51—53 наст. изд.; БАХТИН, № 6. В СУС и АА сюжет не указан. Традиционный мотив: царь общается с простым человеком (здесь с солдатом) инкогнито; неожиданное узнавание. Сказка прославляет находчивость, предприимчивость солдата, доброту, здесь эти качества ценятся выше, чем бездумное выполнение приказа. Развернутый сюжет, бытовая детализация, яркие диалоги, элемент психологизма, комическая концовка.

51. Как солдат шапку заложил. Сказка. Вариант, см. № 50. Зап. от Малышева в Горьковской обл. в 1957 г.— ГОРЬКИЙ, № 30. Название составителя. Более динамичный вариант. Бытовая детализация. Разговорная речь. Награда царя.

52. Шапку за рубль. Сказка. Вариант, см. № 50. Зап. Т. М. Акимова от К. И. Вьюнова в Турковском р-не Саратовской обл. в 1936 г.— САРАТОВ, № 407. Название составителя. Контаминация с сюжетом о царе и кузнеце (варианты см. № 25—29 наст. изд.). Место действия переносится из России в Данию, что, впрочем, по ходу сюжета становится несущественным. Голову предлагается рубить не офицеру, а другому солдату. Осуждается небрежное отношение к оружию: «не продавай свою шапку за рубль».

53. Деревянная сабля. Сказка. Вариант, см. № 50. Зап. И. Грабовская от М. А. Максимова в Онежском р-не Архангельской обл.— АРХИВ МГУ, 1965, т. 15, № 50. Здесь акценты смещены: солдат награждается за беспрекословное подчинение, причем неожиданность приказа усиливается (рубить голову самому царю). Находчивость солдата дает возможность при этом подчинении не принести никому вреда. Самый краткий вариант.

54. Царь и солдат в лесу. Авантюрная сказка. Зап. Д. Н. Садовников от А. Новопольцева в Ставропольском у. Самарской губ. в 1884 г.— САДОВНИКОВ, № 114б. СУС № 952. Др. варианты: № 55, 56 наст. изд., а также: АРХИВ МГУ, 1969, т. 16, № 20; 1973, т. 13, № 4; 1975, т. 9, № 152; АФАНАСЬЕВ, № 340; БАШКИРИЯ, № 30; ВА-

СИЛЕНКО, № 17; ГОСПОДАРЕВ, № 53; ДОБРОВОЛЬСКИЙ, № 24; КАРНАУХОВА, № 55; КОРОЛЬКОВА, с. 58; ЛИТВА, № 86; НОВОПОЛЬЦЕВ, с. 64; СКАЗКИН, с. 37; СМИРНОВ, № 228; ЮЖНАЯ КАРЕЛИЯ, № 52 и др. См. также лубочную повесть на этот сюжет в Приложении к настоящему изд. Традиционный мотив: царь общается с солдатом инкогнито, дает ему возможность проявить себя с лучшей стороны, в конце — неожиданное узнавание и награждение. Солдат восхваляется за смелость, самоотверженность, находчивость, ловкость. Моральное осуждение социального института разбойничества и бесправного положения солдат в армии. Развернутый сюжет. Яркие диалоги, речевые характеристики. Бытовая детализация.

55. Брат Алеша. Сказка. Вариант, см. № 54. Зап. от Куприянихи (А. Н. Барышниковой) в Землянском р-не Воронежской обл.— КУПРИЯНИХА, № 48. Традиционный мотив: солдат служил 25 лет, а царя не видел. Красочная речь, ритмизация; внутренняя рифма, которая становится регулярной ближе к концу текста.

56. Охотник Петр Великий. Сказка. Вариант, см. № 54. Зап. Токарева Е. от Н. М. Синицина в Онежском р-не Архангельской обл.— АРХИВ МГУ, 1965, т. 26, № 159. Более краткий современный вариант. Случайное (видимо, не осознаваемое рассказчиком) проникновение в текст новой лексики: километр, компас, Ленинград, Георгиевский крест и т. п. Бытовая детализация.

РАЗДЕЛ 5

57. Ты дурак? Анекдот.— БАЛАКИРЕВ, ч. 1, с. 20; РУССКИЙ АНЕКДОТ, с. 15. Пересказ собирателя. Название составителя. Прием иронии. Книжный стиль.

58. Шут Балакирев. Сказка анекдотическая. Зап. бр. Соколовы от Г. Е. Медведева в Белозерском у. Новгородской губ. в 1908 г.— СОКОЛОВЫ, № 40. Соединение нескольких анекдотических эпизодов. Традиционные мотивы: «за что купил, за то и продам» (в СУС не указан,

АА № *161011), «на своей земле» (в СУС не указан, АА № *1636). Здесь и в других анекдотах шут Балакирев восхваляется за смелость, независимость, находчивость, остроумие. Динамичный сюжет.

59. Сказка про царя Давыда. Сказка в сказке. Зап. Новиков от Господарева в 1941 г. в Петрозаводске.— ГОСПОДАРЕВ, № 29. Аллегорическая сказка о справедливом царе служит доказательством мудрости Балакирева и содержит глубокое обобщение. Название составителя.

60. Девяносто девять плешивых. Анекдот.— Там же. СУС № 1677. Балакирь своими хитроумными действиями помогает царю быть справедливее. Противостояние министров и Балакирева. Название составителя.

61. Министр-наседка. Анекдот.— Там же. СУС № 1677. Балакирь, пользуясь наивностью и послушностью министра, выставляет его перед царем в нелепом положении. Название составителя.

62. Приди завтра! Анекдот.— БАЛАКИРЕВ, ч. 1, с. 46; РУССКИЙ АНЕКДОТ, с. 15. Название составителя. Балакирь хитроумным способом борется с административной волокитой. Книжный стиль.

63. Балакирев возобновляет старину. Анекдот.— БАЛАКИРЕВ, 1859, с. 59. Обработка. Петр I с Балакиревым смеются над грубыми старорусскими привычками бояр. Книжный стиль.

64. Близорукий камергер. Анекдот.— БАЛАКИРЕВ, ч. 1, с. 81; РУССКИЙ АНЕКДОТ, с. 13. Название составителя. Балакирев обидно шутит над закомплексованностью камергера.

65. Причина и средство. Анекдот.— КРИВОШЛЫК, с. 23. Название составителя. Балакирев шутит над болтливостью и глупостью придворного.

66. Отличный подарок. Анекдот.— БАЛАКИРЕВ, 1853, с. 50. Обработка. Название составителя. Балакирев

разыгрывает двух влюбленных на потеху государю. Книжный стиль.

67. Наука или природа? Анекдот.— АРХИВ МГУ, 1965, т. 9, № 10. Зап. Ю. Г. Круглов от С. И. Пономарева. Балакирев с помощью остроумной аллегории спасает человека, обреченного на казнь.

68. Балакирев наказывает свою жену. Анекдот.— БАЛАКИРЕВ, 1853, с. 40. Название составителя. Обработка. Вводя в заблуждение Петра, Балакирев убеждает его выдернуть своей жене здоровый зуб.

69. На своей земле. Анекдот.— КРИВОШЛЫК, с. 23. Вариант, см. № 58 наст. изд. АА № 1636. Комический эффект основан на использовании многозначности слова «земля».

70. Царская ворона. Анекдот.— ГОСПОДАРЕВ, № 29. Балакирь благодаря изобретательности становится владельцем большого города.

71. Старухи наши разговаривают. Анекдот.— Там же. Произведение отличается мягким, безобидным юмором. Яркая разговорная речь. Название составителя. СУС № 1698 С.

72. Петр I и Василий Кессарийский. Анекдот (притча). Зап. Э. В. Померанцева, Н. И. Савушкина и др. от А. Н. Корольковой в 1955 г.— КОРОЛЬКОВА, с. 74. Название составителя. Странник Василий Кессарийский видит на расстоянии пожар в Москве и называет истинную цену брошки государыни.

73. Петр I и Фаддей Блаженный в церкви. Анекдот (притча).— ОГВ, 1894, № 100, с. 10; КРИНИЧНАЯ, № 195. Название составителя. Юродивый читает мысли людей.

74. Предсказание кончины Петра I. Предание (притча). Зап. Е. В. Барсов в 1877 г.— БЕСЕДА, с. 304; КРИНИЧНАЯ, № 196. Название составителя. Петр I награждает прорицателя за честность.

РАЗДЕЛ 6

75. Петр наказывает ябедников. Предание.— ГОЛИКОВ, № 113. Обработка И. Голикова. Царь находит мудрый способ пресечения ябедничества. Дополнительный мотив — по словам Петра дается новая фамилия. (Ср. тексты разд. 1) Книжный стиль.

76. Никола-угодник и убийца. Предание.— КРИВОШЛЫК, с. 12. Обработка. Название составителя. Петр милует преступника за честность и раскаяние. Книжный стиль. В. О. Ключевский пишет о Ромодановском: «Князь Ф. Ю. Ромодановский, страшный начальник тайной полиции, «князь-кесарь» в шуточной компанейской иерархии, «собой видом как монстра, нравом злой тиран», по отзыву современников, или просто «зверь», как величал его сам Петр в минуты недовольства им, не отличался особенно выдающимися способностями, только «любил пить непрестанно и других поить да ругаться»; но он был предан Петру, как никто другой, и за то пользовался его безмерным доверием и наравне с фельдмаршалом Б. П. Шереметевым имел право входить в кабинет Петра без доклада...» («Петр Великий среди своих сотрудников»)

77. Пьяница в раю. Анекдот.— ДОБРОВОЛЬСКИЙ, № 27. Рассказ о забавном розыгрыше Петра; высмеивает наивность и слабость пьяниц. Название составителя. Др. вар.: ЕВСЕЕВ, с. 298; МОЛД.— БАХТИН, с. 118.

78. Царь и вор. Авантюрная сказка. СУС № 951 (А,В). Зап. в Архангельской губ. от Г. И. Чупрова.— ОНЧУКОВ, № 17. Др. вар. см. ниже. Вор прощен за преданность царю; он спасает царя от гибели в результате заговора бояр. Эти мотивы традиционны в сказках о справедливых царях. Яркая разговорная речь.

79. Государь и вор. Авантюрная сказка. Вариант, см. № 78.— ЖС, № 3. Пересказ собирателя. Те же мотивы, но неожиданная, нехарактерная концовка: вор пойман в результате хитрости царя. Вероятно, текст не закончен: по логике сюжета и образа Петра должно быть прощение.

80. Вор Борма. Авантюрная сказка. Вариант, см. № 78.— ЗЕЛЕНИН (В), № 61. Те же мотивы. В награду за спасение царь помогает вору разбогатеть. Яркая разговорная речь.

81. Король-вор. Авантюрная сказка. Вариант, см. № 78. Зап. от С. И. Богатырева в Пыталовском р-не Ленинградской обл. в 1946 г.— МОЛД.—БАХТИН, с. 125. Дополнительный мотив в завязке — предсказание крестьянина. Стройный сюжет, хорошо разработаны диалоги. Типичное для преданий в нашем веке смешение разнородных исторических реалий: король, Иван I (или Иван II), Александровский рынок.

Др. вар. сказки о царе и воре: ДОБРОВОЛЬСКИЙ, № 26, ЗЕЛЕНИН /П/, № 50; КАРНАУХОВА, № 119; ЛИТВА, № 84 и др.

РАЗДЕЛ 7

82. Петр Великий в Стекольном. Сказка. Зап. С. М. Соловьев «от гулящего человека в Преображенском Приказе». — БАРСОВ, № 1а. Близка к волшебной сказке. Обобщенный образ девицы-злодейки. Традиционный мотив: стрелец спасает царя, заменив его собой перед расправой. Очевидно, вариант представляет собой неполный и искаженный пересказ, т. к. отсутствуют важные мотивировки: за что царя мучает девица, за что его хотят погубить бояре.

83. Петр I убивает своего сына. Предание. Зап. Е. В. Барсов в Олонецкой губ. в 1877 г.— БАРСОВ, № 6а. Незначительные купюры составителя. Причина гибели сына Петра, выведенная в этом предании, — чистый вымысел, подчиненный идее абсолютной беспристрастности царя: он не щадит даже собственного сына, наказывая за неумелость. Достоверность рассказа подтверждается ссылкой на записку царя.

84. Петр Великий и три солдата. Авантюрная сказка. АА № *981 11.— ЗЕЛЕНИН (П), с. 447. Там же приведены башкирский и турецкий вар. Традиционный

мотив: «все женщины одинаковы». Петр инкогнито общается с простыми солдатами, выполняет их желания. Сказка отличается добрым юмором, стройным сюжетом, яркими диалогами.

85. Царь Петр и хитрая жена. Сказка, совмещающая в себе черты новеллистической и волшебной. Зап. в Архангельской губ. от А. И. Дятилева.— ОНЧУКОВ, № 49. Сюжет имеет сходство с сюжетом древнерусской «Повести о Петре и Февронии Муромских». Традиционен образ главной героини, мудрой жены, завоевывающей свое личное счастье умом и самоотверженностью. Очевидно, вариант привязан к имени Петра I случайно, по ассоциации с именем. Развернутый сюжет, сказочная троекратность в основе композиции; богатый, живой народный язык.

86. Про дочь Меншикова и Петра I. Авантюрная сказка. Зап. Н. М. Хандзинский от Антона Чарошника.— АЗАДОВСКИЙ, № 16. Традиционные мотивы: внебрачный сын царя спасается от казни, будучи узанным по приметам, царским вещам; царь ищет ловкого вора (им и оказывается его сын). Кроме Петра I в сказке действуют Меншиков, его дочь, граф Воронцов и его дочь. Текст интересен детально развернутым, сложным сюжетом, эротическими мотивами, бытовой конкретикой, книжными оборотами речи, что нехарактерно для традиционной сказки.

87. Внебрачный сын Петра I. Авантюрная сказка. Зап. Н. Ф. Онегина и др. от Н. С. Чиркина в с. Великая Губа.— ЗАОНЕЖЬЕ, № 39. Др. вар.: ЕВСЕЕВ, с. 322. СУС № 1525. Традиционные мотивы — см. № 86 наст. изд. Детально разработана сюжетная линия поисков ловкого вора. Яркие речевые характеристики.

88. Рыбак вместе с царем освобождают сына Петра I от его жены, презлой ведьмы. Волшебная сказка.— ДОБРОВОЛЬСКИЙ, № 29. Необычные для фольклора о Петре I фантастические образы: «никаянный» дух, волшебные щучки, ведьма. Вероятно, сказка возникла после казни царевича Алексея Петровича и вобрала в себя мотивы

легенды о нем как о скрывающемся и возвращающемся императоре — «избавителе». Яркая разговорная речь. Балагурная концовка.

РАЗДЕЛ 8

89. Царь, старик и бояре. Бытовая сказка. Зап. от Г. И. Чупрова в Архангельской губ.— ОНЧУКОВ, № 18. Др. вар.: БАРСОВ, № 5. Царь мудро беседует со стариком; бояре не понимают смысла их речей, старик расшифровывает их за плату («терebит гусей») — традиционные мотивы. СУС № 921 Г *. Яркие, живые диалоги.

90. Мужик и царь. Бытовая сказка. МОЛД.— БАХТИН, с. 92. Царь награждает мужика за мудрый ответ.

91. Петр I и старик. Бытовая сказка.— ЮЖНАЯ КАРЕЛИЯ, № 50. Др. вар.: ЕВСЕЕВ, с. 299. Традиционные мотивы: см. № 90 и чудесный извозчик. Необычная социальная окраска награды: старик просит освободить его от крепостного права.

92. Иван-охотник. Бытовая сказка. Зап. Г. Парилова от Н. А. Ремизова в Пудожском р-не в 1940 г.— ПУДОЖСКИЙ КРАЙ, № 6. Традиционные мотивы: царь общается с мужиком инкогнито, чудесный извозчик (ср. № 91 наст. изд.), мужик «терebит и стреляет гусей» (продает боярам горшки, СУС № 921 Е *, и отгадывает философские загадки). Развернутый, сложный сюжет. Неосознанное проникновение в текст новой лексики: Ленинград, винтовка, заявка и др.

93. Как матрос гуся делил. Бытовая сказка. Зап. И. Я. Стяжкин от М. С. Суворкова в Свердловской обл. в 1946 г.— УРАЛЬСКИЙ ФОЛЬКЛОР, с. 180. СУС № 1533, АА *1580. Сюжет «бродячий»: мужик хитроумно делит гуся, оставляя себе большую часть. Здесь главный герой — моряк, названный по фамилии. Мудро отвечает на вопрос царя. Начальство посрамлено.

94. Разуму — хоть продать. Анекдотическая сказ-

ка. Зап. В. С. Бахтин от Г. Ф. Череватова в г. Тульча (Румыния) в 1985 г.— **БЫТОВАЯ СКАЗКА**, с. 56. Название составителя. Царь инкогнито общается с солдатом, поит его; солдат мудро отвечает на его вопросы. Вариант, вероятно, неполный: отсутствуют узнавание и награда.

95. Отеребил ли рябчиков? Бытовая сказка. Зап. Н. И. Рождественская от В. А. Калинина в Онежском рне.— **БЕЛОМОРЬЕ**, № 61. Традиционные мотивы: мужик служил при дворе, а царя не видел, возвращается посмотреть; отгадывает философские загадки царя; «теребит рябчиков» (СУС № 921F *, ср. № 89 и 92 наст. изд.).

96. Петр Великий и каменотес. Бытовая сказка. Зап. от Д. А. Орехова.— **ЗАОНЕЖЬЕ**, № 54. Др. вар. см. ниже. Сюжет «бродячий»: куда тратятся деньги. СУС № 921А. Здесь названо место действия, герой — каменотес. Царь беседует с ним инкогнито. Другие мотивы: мужик продает отгадку «за царские личности» (монеты с изображением царя) и хитро отводит насмешку сенаторов (мотив «передай дальше»), СУС № 1557.

97. Солдат Сироткин. Бытовая сказка. Вариант, см. № 96. Зап. от Ивана-шорника в 1914 г. в Дорогобужском у. Смоленской губ.— **СМИРНОВ**, № 199. Вариант прикреплен к строительству Ладожского канала; герой назван по фамилии, др. внешние приметы достоверности.

98. Умные ответы. Бытовая сказка. Вариант, см. № 96.— **АРХИВ МГУ**, 1957, т. 11, № 81. Краткий современный вариант. Необычная форма награды. Др. варианты: **АРХИВ МГУ**, 1975, т. 3, № 7; **ДОБРОВОЛЬСКИЙ**, № 23; **КАРЕЛИЯ (СТАРЫЕ ЗАПИСИ)**, с. 219; **КОРГУЕВ**, № 57; **ЛИТВА**, № 104; **НИКИФОРОВ**, № 7; **СМИРНОВ**, № 115, 261 и др.

99. Беспечальный монастырь. Бытовая сказка.— **ОНЧУКОВ**, № 164. Др. вар. см. ниже. Сюжет бродячий, СУС № 922, в международной терминологии — «Король и аббат». Царь загадывает игумену монастыря философские загадки, за него отвечает подставное лицо низкого происхождения (здесь — послушник), следует узнавание, награ-

да, перераспределение ролей. Развернутый сюжет. Разговорная речь.

100. Беззаботный монастырь. Бытовая сказка. Вариант, см. № 99 наст. изд.— НИКИФОРОВ, № 15. Загадки отгадывает мельничный кухарь.

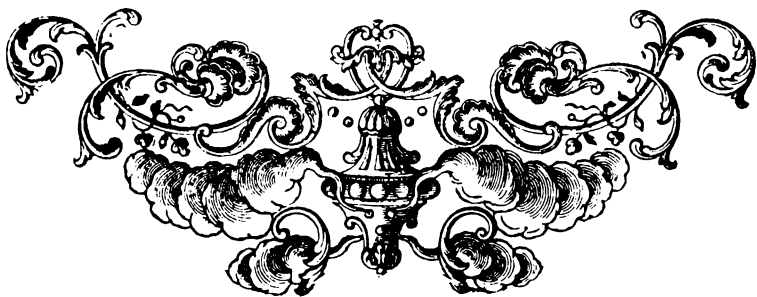
101. Беспечальный монастырь. Бытовая сказка. Вариант, см. № 99 — ЗЕЛЕНИН (В), № 37. Вариант неполный, отсутствует завязка, не мотивировано заглавие.

102. Государь, поп и работник. Бытовая сказка. Вариант, см. № 99.— СОКОЛОВЫ, № 95. Загадки отгадывает работник.

103. Беззаботный монастырь. Бытовая сказка. Вариант, см. № 99.— ВОЛОГДА, № 18. Вариант подробный, детально разработанный. Загадки отгадывает работник с мельницы. Психологизм в изображении душевного состояния игумена. Мягкий юмор.

104. Беззаботный монастырь. Бытовая сказка. Вариант, см. № 99.— АРХИВ МГУ, 1969, т. 6, № 1. Герой — Ванька-конюх. Вариант современный, отличается бытовой конкретикой, психологизмом, проникновением новой лексики, нетрадиционных речевых оборотов. Др. варианты: БАШКИРИЯ, № 35; ГОСПОДАРЕВ, № 54; ДОБРОВОЛЬСКИЙ, № 28; КУПРИЯНИХА, № 37; ЛИТВА, № 98; МОЛД.— БАХТИН, с. 97; СМИРНОВ, № 20; ЮЖНАЯ КАРЕЛИЯ, № 51 и др.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

АГВ — Архангельские губернские ведомости. Архангельск, 1838—1918.

АЗАДОВСКИЙ — Сказки из разных мест Сибири. Под ред. проф. М. К. Азадовского. Иркутск, 1928.

АКФ — Архив Карельского филиала АН СССР.

АРХИВ МГУ — Архив кафедры русского фольклора МГУ им М. В. Ломоносова.

АФАНАСЬЕВ — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3-х тт. М., 1985.

БАЛАКИРЕВ — Полные анекдоты о Балакиреве, бывшем шуте при дворе Петра Великого. М., 1837, ч. 1, 2; М., 1853.

БАРСОВ — Барсов Е. В. Петр Великий в народных преданиях и сказках Северного края // Тр. этногр. отд. ИОЛЕАЭ. М., 1877.

БАХТИН — Сказки, песни частушки и присловья Ленинградской обл. / Подг. В. Бахтин. Л., 1982.

БАШКИРИЯ — Русское народное творчество в Башкирии. / Подг., отв. ред. Э. В. Померанцева. Уфа, 1957.

БЕЛОМОРЬЕ — Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. Архангельск, 1941.

БЕСЕДА — Барсов Е. В. Петр Великий в народных преданиях Северного края // Беседа, вып. 5. М., 1872.

БЫТОВАЯ СКАЗКА — Русская бытовая сказка / Сост. В. С. Бахтин. Л., 1987.

ВАСИЛЕНКО — Сказки, пословицы и загадки. Сборник устного народного творчества Омской области. / Сост. В. А. Василенко. Омск, 1955.

ВОЛОГДА — Сказки и песни Вологодской обл. / Сост. С. И. Минц и Н. И. Савушкина. Вологда, 1955.

ГОЛИКОВ — Голиков И. И. Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого. М., 1798.

ГОРЬКИЙ — Народная поэзия Горьковской области: Вып. 1. Горький, 1960.

ГОСПОДАРЕВ — Сказки Ф. П. Господарева. / Зап. текстов Н. В. Новикова. Петрозаводск, 1941.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ — Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник // Записки РГО. СПб., 1891, т. 20, ч. 1.

ЕВСЕЕВ — Карельское народное творчество. / Подг. и перевод текстов В. Я. Евсеева. Л., 1981.

ЖС — Симони П. К. Сказки о Петре Великом в записях 1745—1754 гг. // Живая старина. СПб., 1903. Вып. 1, 2.

ЗАОНЕЖЬЕ — Сказки Заонежья / Сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск, 1986.

ЗЕЛЕНИН(В) — Великорусские сказки Вятской губернии. Собраны Зелениным Д. К. // Записки РГО, Пг., 1915, т. 12.

ЗЕЛЕНИН(П) — Великорусские сказки Пермской губернии. // Там же. Пг., 1914, т. 11.

КАВКАЗ — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1890. Вып. 10, отд. 3.

КАРЕЛИЯ (СТАРЫЕ ЗАПИСИ) — Русские сказки в Карелии // Старые записи М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1947. Вып. 5.

КАРНАУХОВА — Сказки и предания Северного края / Зап. И. В. Карнауховой М.—Л., 1934.

КОРГУЕВ — Сказки М. М. Коргуева // Сказки Карельского Беломорья. Петрозаводск, 1939. Т. 1.

КОРОЛЬКОВА — Русские народные сказки. Сказки рассказаны воронежской сказочницей А. Н. Корольковой. / Сост. и отв. редактор Э. В. Померанцева. М., 1969.

КРИВОШЛЫК — М. Г. Кривошлык. Исторические анекдоты из жизни русских замечательных людей. СПб., 1898. Репринтное изд.— М., 1991.

КРИНИЧНАЯ — Криничная Н. А. Северные предания. Беломорско-Обонежский регион. М., 1978.

КРИНИЧНАЯ (89) — Предания, легенды, бывальщины./Сост. Н. А. Криничная. М., 1989.

КУПРИЯНИХА — Сказки Куприянихи и / Сказки воронежской сказительницы А. Н. Барышниковой. Зап. А. М. Новиковой. Воронеж, 1937.

ЛИТВА — Русский фольклор в Литве / Исследования и публикация Н. К. Митропольской. Вильнюс, 1975.

МАЙНОВ — Майнов В. Н. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877.

МОЛД.—БАХТИН — Господин леший, господин барин и мы с мужиком. Записки о сказочниках Д. М. Молдавского и сказки, записанные Вл. Бахтиным и Д. М. Молдавским. М.—Л., 1987.

МОРОХИН — В. Н. Морохин. Прозаические жанры русского фольклора. Хрестоматия. М., 1983.

НИКИФОРОВ — Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. М.—Л., 1961.

НОВИКОВ — Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века / Сост., вст. ст. и комм. Н. В. Новикова. М.—Л., 1961.

НОВОПОЛЬЦЕВ — Сказки Абрама Новопольцева / Ред. Э. В. Померанцева. Куйбышев, 1952.

ОГВ — Олонецкие губернские ведомости. Петрозаводск, 1838—1917.

ОНЕЖСКИЙ ЗАВОД — Песни и сказки на Онежском заводе. Петрозаводск, 1937.

ОНЧУКОВ — Ончуков Н. Е. Северные сказки. СПб., 1908.

ПЕРСТЕНЕК — Перстенок-двенадцать ставешков. Избр. русские сказки Карелии. Сост., вст. ст. и комм. К. Чистова. Петрозаводск, 1958.

ПУДОЖСКИЙ КРАЙ — Русские народные сказки Пудожского края. / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1974.

РУССКИЙ АНЕКДОТ — Русский литературный анекдот конца XVIII- начала XIX века. / Сост. и примеч. Е. Курганова и Н. Охотина. М., 1990.

САДОВНИКОВ — Садовников Д. Н. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884.

САРАТОВ — Фольклор Саратовской области. / Сост. Т. М. Акимова. Саратов, 1946. Кн. 1.

СЕВЕР — Север. Литерат.— художеств. журнал. СПб., 1888—1914.

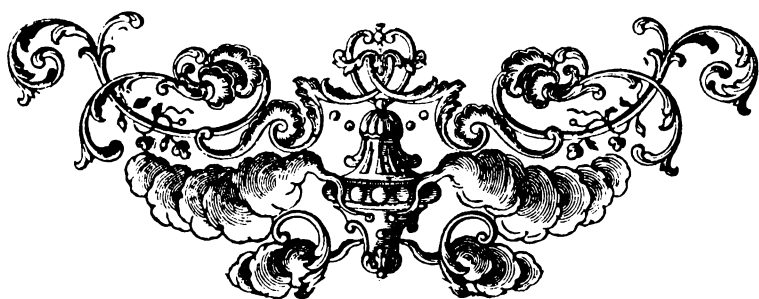
СКАЗКИН — Сказки М. А. Сказкина. Горький., 1952.

СМИРНОВ — Сборник великорусских сказок архива РГО / Изд. Смирнов А. М. Пг., 1917. Вып. 1—2.

СОКОЛОВЫ — Сказки и песни Белозерского края. / Записи Б. и Ю. Соколовых. СПб., 1915.

ЮЖНАЯ КАРЕЛИЯ — Карельские народные сказки. Южная Карелия. / Изд. подг. У С. Конкка, А. С. Тупицина. Л., 1967.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителя	5
Предисловие	7
Раздел I. ПО СЛОВАМ ПЕТРА И НАЗЫВАЕТСЯ...	13
Раздел II. СИЯ БАТАЛИЯ — СЧАСТЬЕ НАШЕ	23
Раздел III. НЕ БЫЛО БЫ ЛАПОТНИКА...	31
Раздел IV. УМА МНОГО, А ДЕНЕГ НЕТУ	49
Раздел V. ЦАРЬ, ТЫ САМ СЕБЯ РАССУДИЛ...	73
Раздел VI. ВОТ ТАКОЕ РЕМЕСЛО...	91
Раздел VII. ВСЕ ЖЕНЫ ОДИНАКОВЫ	101
Раздел VIII. ГЛУБОКА ЛИ ЗЕМЛЯ?	133
Приложение	
ЛУБОЧНАЯ ПОВЕСТЬ О ЦАРЕ И СОЛДАТЕ	165
Алфавитный указатель имен	193
Комментарии	197
Перечень использованных источников	217

ПЕТР ПЕРВЫЙ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЯХ, ЛЕГЕНДАХ, СКАЗКАХ И АНЕКДОТАХ

Составитель Ирина Николаевна Райкова

Редактор Л. Заковоротная
Оформление Е. Шурлаповой
Технический редактор И. Дергунова
Корректор Б. Тумян

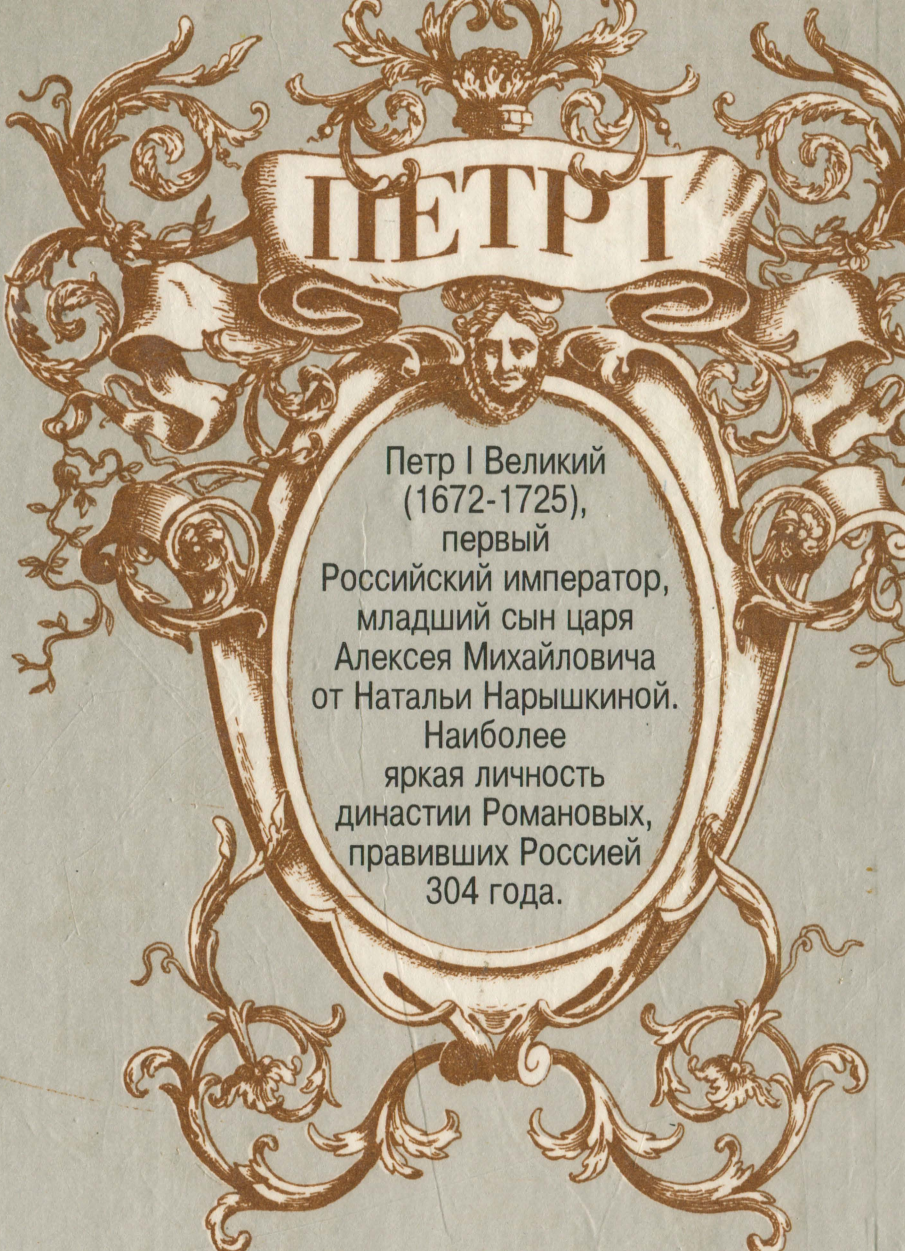

Сдано в набор 28.07.92 Подписано к печати 01.03.93. Формат 60 × 90/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Баскервиль». Усл.
печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 12,9. Тираж 50 000. Заказ 3023.

Издательство имени Сабашниковых.
119146, Москва, 2-я Фрунзенская, 7.

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

ПЕТР I

Пётр I Великий
(1672-1725),
первый
Российский император,
младший сын царя
Алексея Михайловича
от Натальи Нарышкиной.
Наиболее
яркая личность
династии Романовых,
правивших Россией
304 года.